

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам (10.00.00); групп специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University». Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences (10.00.00), Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д.пед.н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2016. № 3. М.: ИИУ МГОУ. 148 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2016.

© Издательство МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шапвалова Т.Е. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. – к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Киселёва И.А.** – д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Воропаев В.А.** – д.филол.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; **Моторин А.В.** – д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Петров А.В.** – д.филол.н., доц., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** – д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** – д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Аврамова В.Н.** – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария); **Вегвари В.** – к.п.н., доц., Печский университет (Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** – д.филол.н., проф. Гранадский университет (Испания); **Догнал Й.** – к.филол.н., д.философии, доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская Республика); **Колларова Е.** – д.философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** – д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** – д.филол.н., проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** – д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 6 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovi** – Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-shina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2016. № 3. M.: MSRU Publishing house. 148 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Брысина Т.Н.</i> СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ РЕЧИ	8
<i>Клобуков Е.В., Шакар Р.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ, ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ	15
<i>Королёва О.А.</i> ЗАРОЙ ИЛИ ЗАРУБ (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ).....	28
<i>Крылова А.Г.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю.В. БУЙДЫ)	36
<i>Кузнецова Е.А.</i> О СИНТАГМАТИКЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ....	44
<i>Насырова А.С.</i> ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ	54

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Калесник Е.Ю.</i> Н.С. ЛЕСКОВ В ГАЗЕТЕ «СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА»	62
<i>Кротова Д.В.</i> ЛИРИКА В. ШАЛАМОВА: ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ КАК ЦЕЛОСТНОСТИ	70
<i>Михайлова И.П.</i> «ТАЙНА ЖИЗНИ БЫТИЯ» ИЛЬИ ДМИТРИЕВИЧА СТРЕЛЬСКОГО	79
<i>Моторина А.А.</i> ИВАН БУНИН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИКИТЫ МИХАЛКОВА	86
<i>Прийма И.Ф.</i> ДОСТОЕВСКИЙ И СОЛОВЬЁВ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ	94
<i>Пуряева Н.Н.</i> ПИСАТЕЛЬНИЦЫ В ПЕРВОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Н.И. НОВИКОВА	107
<i>Фетисова Е.Э.</i> НЕОАКМЕИЗМ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ XX ВЕКА	118
<i>Фурат Камил</i> РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.М. МАРКОВИЧА	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маркова Е.М. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ»..... 134

Аношкина В.Н., Батунова Т.К. КРУГЛЫЙ СТОЛ НА КАФЕДРЕ РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 138

РЕЦЕНЗИИ

Федорченко Е.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕДЕНЁВА В.В.
СЛОВО ЛЕСКОВА: МОНОГРАФИЯ. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с. 141

Орехова Е.Н. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П.А. ЛЕКАНТА
«АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (М.: ИИУ МГОУ, 2015) 145

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

<i>T. Brysina.</i> USE SPECIFICS OF DEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN FICTION OF VARIOUS FUNCTIONAL-SEMANTIC SPEECH TYPES	8
<i>E. Klobukov, R. Şakar.</i> INTERACTION OF MORPHOLOGICAL, LEXICAL AND WORD-FORMATION MEANS OF EXPRESSION OF ANIMATENESS-INANIMATENESS.....	15
<i>O. Koroleva.</i> ZARUY OR ZARUB (TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF NAMES)	28
<i>A. Krylova.</i> WORD-FORMATION MEANS OF EXPRESSIVITY IN THE SYSTEM OF ANTHROPONYMS (ON EXAMPLE OF URIY BUIDA'S NOVELS).....	36
<i>E. Kuznetsova.</i> SYNTAGMATICS OF TERMINOLOGICAL VOCABULARY AS SPECIFIED BY INFORMATION LAW IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE	44
<i>A. Nasyrova.</i> FUNCTIONS OF FOREIGN WORDS IN THE TEXTS OF MODERN NEWSPAPER.....	54

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>E. Kalesnik.</i> N. LESKOV AS AN ARTICLE WRITER IN THE "MODERN MEDICINE" NEWSPAPER.....	62
<i>D. Krotova.</i> SHALAMOV'S POETRY: THE PERCEPTION OF LIFE AS WHOLENESS.....	70
<i>I. Mikhailova.</i> ILYA DMITRIEVICH STRELSKIY'S "SECRET OF LIFE BEING"	79
<i>A. Motorina.</i> IVAN BUNIN IN NIKITA MIHALKOV'S VISION	86
<i>I. Priima.</i> DOSTOEVSKY AND SOLOVYOV: PROBLEM OF INFLUENCE.....	94
<i>N. Puryaeva</i> FEMALE WRITERS IN THE FIRST DICTIONARY OF RUSSIAN WRITERS BY N. NOVIKOV	107
<i>E. Fetisova</i> NEO-ACMEISM IN THE CONTEXT OF THE LITERARY TRENDS OF 20TH CENTURY.....	118
<i>K. Furat</i> THE NOVEL 'FATHERS AND SONS' BY I. TURGENEV IN THE WORKS AND CRITICS OF V. MARKOVICH	127

SCIENTIFIC LIFE

- E. Markova.** INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «THE SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS IN DIFFERENT TYPES OF SPEECH»..... 134
- V. Anoshkina, T. Baturova.** ROUNDTABLE AT THE DEPARTMENT OF THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE..... 138

REVIEW

- E. Fedorechenko.** REVIEW ON V. LEDENEVA'S MONOGRAPH «LESKOV'S WORD»..... 141
- E. Orekhova.** REVIEW OF THE P. LEKANT'S MONOGRAPH «ANALYTICAL FORMS AND ANALYTIC STRUCTURES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE» (MOSCOW: MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY, 2015).... 145

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'367

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-8-14

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ РЕЧИ

Брысина Т.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается связь между особенностями односоставных определённо-личных конструкций и их употреблением в разных функционально-смысловых типах текста – повествовании, описании, рассуждении. Выявлено, что специфика определённо-личных предложений в большей мере соответствует функционально-смысловым особенностям текста-повествования и текста-рассуждения, в меньшей мере – особенностям текста-описания. Этот вывод подтверждается наблюдением за частотностью употребления рассматриваемых конструкций в повествовании, описании и рассуждении.

Ключевые слова: функционально-смысловые типы речи, описание, повествование, рассуждение, определённо-личное предложение, односоставное предложение, монолог, диалог, образ автора.

USE SPECIFICS OF DEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN FICTION OF VARIOUS FUNCTIONAL-SEMANTIC SPEECH TYPES

T. Brysina

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The paper discusses the relationship between the characteristics of one-member compound definite-personal sentences and their use in different is functional-semantic text types – narration, description, discussion. It is revealed that specifics of definite-personal sentences to a greater extent corresponds to functional-semantic features of text-narration and text-discussion, and to a lesser extent to features of the text-description. This conclusion us

supported by observing the frequency of the use of the considered sentences in narration, description and discussion.

Key words: functional-semantic texts of speech, description, narration, discussion, the definite-personal sentences, one-member compound sentences, monologue, dialogue, image of the author.

Определённо-личные предложения обладают семантической и грамматической спецификой. Их грамматическая форма позволяет узнавать деятеля без его обозначения, т. е. деятель обозначается грамматически. Для этого применяются глагольные формы 1-го и 2-го лица, прямо указывающие очевидно-го производителя действия (*иду, идём, идёшь, идёте; иди, идите, идёмте*). Как отмечает П.А. Лекант, «в определённо-личных предложениях выражается действие (признак), соотносённое с определённым деятелем (носителем признака), который, однако, словесно не обозначен. Указание на конкретного деятеля содержится в формах глаголов 1–2-го лица, а также повелительного наклонения, которые выступают в роли главного члена предложения (или входят в состав главного члена в качестве вспомогательного компонента)» [10, с. 135].

Задачей нашей работы является семантический анализ связи между отмеченными выше свойствами определённо-личных предложений и коммуникативным своеобразием каждого из функционально-смысловых типов речи (текста) (повествование, описание и рассуждение), подробную характеристику которым можно найти в работах О.А. Нечаевой и Н.С. Валгиной [11, 7].

Возьмём в качестве исходной позиции для размышлений утверждение А.И. Фефилова о том, что слово как образующая часть языкового уровня предложения в сочетании с другими

словами придаёт предложению смысловой потенциал и в то же время само «присваивает» дополнительный коммуникативный смысл [14, с. 22].

Можно предположить, что по аналогии строятся взаимоотношения предложений, образующих текст, и самого текста. На уровне текста предложение может получать дополнительный коммуникативный смысл и актуализировать содержание. З.Я. Тураева констатирует, что «текст как единство высшего ранга, как структурно-семантическое единство, отличное от простой последовательности предложений, способен оказывать определённое воздействие на входящие в его состав элементы» [13, с. 23]. Она объясняет это своеобразием функционирования языковых единиц в тексте, исследует причины, порождающие это своеобразие.

В результате интеграции текстом единиц языка в этих единицах могут происходить существенные изменения. Влияние контекста приводит к тому, что единица языка может выступать во вторичной номинативной функции. З.Я. Тураева, ссылаясь на С.О. Карцевского, объясняет это вступлением «в действие механизма асимметричного дуализма языкового знака», который «проявляется в том, что обозначающее языкового знака (его форма) стремится выступать в новых функциях, а обозначаемое (его содержание) стремится выразить себя в новой форме» [13, с. 123].

Специфической особенностью **повествования** как функционально-смыслового типа речи является отражение мира в движении, во времени. Динамизм, пожалуй, главная функционально-смысловая и стилистическая особенность повествования. Можно ли сказать, что динамизм свойствен и определённо-личным предложениям? Да, можно. Дело в том, что в определённо-личных предложениях, по сравнению с другими односоставными конструкциями, существенно возрастает роль глагола как организующего элемента всей синтаксической конструкции. Ведь именно глагол обозначает вещественное содержание действия, и он же указывает на деятеля. Сравним две конструкции: *Иду. – Я иду*. Именно в первой ощущается динамизм за счёт краткости стиля и за счёт большей роли глагола: он здесь один.

Наблюдение над примерами из художественных текстов показывает, что определённо-личные предложения являются излюбленным средством автора-рассказчика для реализации фатической функции: *В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общепризнанного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести* [4].

Автор может перейти в повествовании от первого лица к третьему лицу, тем самым он приглашает читателя стать участником повествования. В предложениях с глагольной формой 1-го лица множественного числа глагола автор приближает к себе читателя. В таких случаях повествование приобретает субъективную модаль-

ность. Например: *Он помог барышне и её девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терёшки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику. Но возвратимся к добрым ненарадковским помещикам и посмотрим, что-то у них делается. А ничего* [3]. У глагольных форм *обратимся, возвратимся, посмотрим* функция фатическая: с помощью них автор устанавливает контакт с читателем.

В.В. Виноградов выделял в отдельную проблему образ автора в художественной литературе. Он утверждал, что «в композиции художественного произведения динамически развёртывающееся изображение мира раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в «образе автора» и его создающих. Именно в своеобразии речевой структуры образа автора глубже и ярче всего выражается стилистическое единство сложного композиционного художественного речевого целого» [8, с. 181]. Исследование художественного текста В.В. Виноградов проводил с учётом того, кому адресован текст. Об адресате может быть сказано в самом тексте: *Читатель друг! Не тот читатель, что мнит, будто без его клеймящих писем собаки поедят всех граждан и гражданок, нет – не тот. Другой – мой читатель, к тебе обращаюсь. Прости, что в лирическо-оптимистической повести о собаке я иногда напишу одну – две сатирические картины. Не обвиняй в нарушении законов творчества, ибо у каждого писателя свои «законы». Не обвиняй, дорогой, и в смешении жанров, ибо сама жизнь – смешение: добро и зло, счастье и несчастье, смех и горе, правда*

и ложь живут рядом, и так близко друг к другу, что иногда трудно отличить одно от другого [5].

В текстах-описаниях главное внимание уделяется качествам и свойствам предмета, а не действиям. Поэтому в них определённо-личные предложения встречаются значительно реже. Специфической особенностью **описания** является статический характер представления существенных признаков объекта. Поэтому на первый план выдвигается вопрос о субъекте, об авторе речи, описывающем объект. Учёт стилиевой принадлежности текста помогает выявить, как субъект речи проявляет себя в тексте.

Описание в большинстве случаев ведётся от 3-его лица. Говорящий обычно себя не проявляет, за исключением тех случаев, когда образ автора специально вводится: *Вскоре во двор вышел Костик. Он длиннее меня на целых полголовы, хотя учится со мной в одном классе. **Не подумайте**, что он огромного роста. Просто я невысокий. Может быть, поздние дети медленно физически развиваются? А Костик не поздний, он самый обыкновенный. И родители у него молодые. Но очень противные! Это его отец стучит в стенку. И мамаша постукивает...*[1]; *А здесь всё это вместе смешалось в восхитительный аромат, поражающий своей обаятельной, какой-то розовой пахучестью. **Не будем спорить**: уж если человек иногда отличает молоко от «молока», то как же не заметить того нашему Биму, обладающему сверхдальним чутьём, как не поразиться запаху, в котором человеческие руки перемешаны с цветами и травами* [5].

Особенность **текстов-рассуждений** в том, что говорящий должен убедить

слушателя, читателя в своём мнении, доказать свою точку зрения: ***Будем одинако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое стационарный зритель? Суций мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда...***; *«Приезжает генерал; дрожащий зритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут – колокольчик, и фельдъегерь бросает ему на стол свою дорожную!.. **Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования, сердце наше исполнится искренним состраданием*** [4]. В этом монологическом тексте определённо-личные предложения используются в качестве тезиса и вывода. Данные конструкции соответствуют структуре текста (начало, конец размышления). Автор предлагает читателю поразмышлять вместе с ним. На это указывает глагольная форма множественного числа совместного действия.

Тексты-рассуждения эмоциональны и выразительны благодаря определённо-личным предложениям, которые разнообразны по семантике и структуре: *Далеко залетели, голубчики, **да посмотрим**, где сядут!* [2]; *Странно, что и я иногда замечаю теперь за собой такое, чего раньше не было. Например, **если увижу картину, где есть собака, то прежде всего обращаю внимание на её окрас и породистость*** [5]; *Нет, надо искать что-то другое. Если же кто-то из кинологов и напомним о картине Д. Бассано, то можно, на крайний случай, сказать просто: **а при чём тут чёрные уши у Бассано? Поищем данные ближе к Биму по времени*** [5].

Интересно, что в диалоге функциональное своеобразие употребления определённо-личных предложений усиливается. Диалог развивает действие, значительно сокращает текст. Речь героев используется в качестве характеристики или дополнительного элемента к повествованию. Например: *Управляющий сказал мне: «Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели». Я ему ответил: «Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать». И потом я слышал, как он сказал: «Уберите этого господина, он портит мне нервы». Дня через два меня уволили [6, с. 135].*

Говорящие обмениваются репликами, сообщая друг другу информацию, в качестве которой может быть предложено и описание какого-либо предмета, и рассказ о событии, и собственное мнение. Но всё это подаётся как сообщение: *Она заплакала и проговорила, закрывая лицо муфтой: – Одна! Мне тяжело жить, очень тяжело, и на всём свете нет у меня никого, кроме вас. Не покидайте меня! [6, с. 175]; Он весь побагровел. – Не смей так разговаривать со мною, глупец! – крикнул он тонким, визгливым голосом [6, с. 137];*

– Взгляни! – говорил он сестре, указывая на небо тем самым зонтиком, которым давеча бил меня. – Взгляни на небо! Звёзды, даже самые маленькие, – всё это миры! Как ничтожен человек в сравнении со вселенной! [6, с. 136]; – Не знаю, – отвечал Бурмин, – не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал [3].

Проведённый анализ показывает, что частотность употребления определённо-личных предложений в художественном тексте связана с отнесением его к тому или иному функционально-смысловому типу. Больше всего определённо-личных предложений мы встретили в текстах-повествованиях и текстах-рассуждениях. Наименьшее их количество – в текстах-описаниях. Таким образом, специфика определённо-личных предложений в большей мере соответствует повествованию и рассуждению, поскольку в них: 1) присутствует динамизм, также свойственный определённо-личным конструкциям, в которых употреблён независимый глагол, и 2) в большей мере, чем в тексте-описании, проявляется образ говорящего, который эксплицируется в грамматической форме определённо-личной конструкции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. Алексин А.Г. Поздний ребёнок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/ALEKSIN/rebenok.txt> (дата обращения: 11.10.2014).
2. Паустовский К.Г. Повесть о лесах [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/povest-o-lesah/lesa.htm> (дата обращения: 17.10.2015).
3. Пушкин А.С. Метель [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0859.htm> (дата обращения: 7.04.2015).
4. Пушкин А.С. Станционный смотритель [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/pushkin_aleksandr_sergeevich/stancionniy_smotritel/read (дата обращения: 8.04.2015).

5. Троепольский Г.Н. Белый Бим Чёрное ухо [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PROZA/TROEPOLSKIJ/bim.txt> (дата обращения: 23.11.2013).
6. Чехов А.П. Повести. Пьесы. М.: Правда, 1987. 464 с.

ЛИТЕРАТУРА:

7. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. 240 с.
9. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44-48.
10. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и дополн. М.: Высшая школа, 2004. 247 с.
11. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. 94 с.
12. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 1997. 256 с.
13. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1986. 127 с.
14. Фефилов А.И. Введение в когнитологию: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 240 с.

REFERENCES & SOURCES:

1. Aleksin A.G. Pozdnii rebenok [Elektronnyi resurs]. [Late child [E-source]]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/ALEKSIN/rebenok.txt> (request date 11.10.2014)
2. Paustovskii K.G. Povest' o lesakh [Elektronnyi resurs]. [A tale of the woods [E-source]]. URL: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/povest-o-lesah/lesa.htm> (request date 17.10.2015)
3. Pushkin A.S. Metel' [Elektronnyi resurs]. [The storm [E-source]]. URL: <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0859.htm> (request date 7.04.2015)
4. Pushkin A.S. Stantsionnyi smotritel' [Elektronnyi resurs]. [Stationmaster [E-source]]. URL: http://modernlib.ru/books/pushkin_aleksandr_sergeevich/stacionniy_smotritel/read (request date 8.04.2015)
5. Troepol'skii G.N. Belyi Bim Chernoe ukho [Elektronnyi resurs]. [White BIM Black ear [E-source]]. URL: <http://lib.ru/PROZA/TROEPOLSKIJ/bim.txt> (request date 23.11.2013)
6. Chekhov A.P. Povesti. P'esy [Story. Plays]. M., Pravda, 1987. 464 p.
7. Valgina N.S. Teoriya teksta [The theory of the text]. M., Logos, 2003. 280 p.
8. Vinogradov V.V. O teorii khudozhestvennoi rechi [On the theory of artistic speech]. M., 1971. 240 p.
9. Lekant P.A. Kategorii ratsional'nogo i emotsional'nogo v russkom yazyke i russkoi rechi [Categories: rational and emotional in Russian language and Russian speech] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2012. no. 5. pp. 44-48.
10. Lekant P.A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom pusskom yazyke: ucheb. posobie. [The syntax of a simple sentence in the modern Russian language: textbook manual]. 3rd ed., rev. and enl. M., Vysshaya shkola, 2004. 247 p.
11. Nechaeva O.A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi. [Functional-semantic types of speech]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1974. 94 p.
12. Solganik G.YA. Stilistika teksta: ucheb. posobie [Stylistics of the text: textbook manual]. M., Flinta; Nauka, 1997. 256 p.

13. Turaeva Z.YA. Lingvistika teksta: (Tekst: struktura i semantika): ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. no. 2103 «Inostrannyi yazyk» [Text linguistic (Text: structure and semantics): proc. manual for students of ped. in-s on spec. no. 2103 «Foreign language»]. M., Prosvescheniie, 1986. 127 p.
14. Fefilov A.I. Vvedenie v kognitologiyu: ucheb. posobie [Introduction to cognitology: text-book manual]. M., Flinta, 2010. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брысина Татьяна Николаевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: tania.brysina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Brysina Tatiana – post-graduate student of the Department of Modern Russian language at Moscow State Region University; e-mail: tania.brysina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Брысина Т.Н. Специфика употребления определённо-личных предложений в художественных текстах различных функционально-смысловых типов речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 8-14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-8-14

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Brysina T. Use specifics of definite-personal sentences in fiction of various functional-semantic speech types // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 8-14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-8-14

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ, ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ

Клобуков Е.В., Шакар Р.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости морфологическими, лексическими и словообразовательными средствами, предпринимается опыт моделирования структуры словообразовательного сегмента функционально-семантического поля (ФСП) одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке. В центре данного сегмента анализируемого ФСП – субстантивные словообразовательные типы, маркированные по одушевлённости-неодушевлённости, периферию сегмента формируют аналогичным образом маркированные словообразовательные типы признаков слов – прилагательных и глаголов.

Ключевые слова: одушевлённость-неодушевлённость, взаимодействие морфологии, лексики и словообразования.

INTERACTION OF MORPHOLOGICAL, LEXICAL AND WORD-FORMATION MEANS OF EXPRESSION OF ANIMATENESS-INANIMATENESS

E. Klobukov, R. Şakar

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article discusses the problem of expression of semantic category of animateness-inanimateness with morphological, lexical and word-formation means, it experiments with modeling the structure word-formation segment of functional-semantic field of animateness-inanimateness in the modern Russian language. In the center of this segment of the analyzed functional-semantic field there are substantive word-formation types, marked by animateness-inanimateness. The periphery of segment is formed in a similar manner by marked word-formation attributive types of words - adjectives and verbs.

Key words: animateness-inanimateness, the interaction of morphology, vocabulary and word-formation.

Взаимодействие различных языковых средств выражения одной и той же семантической категории активно изучается современной лингвистикой. Понятие языкового поля как совокупности языковых единиц, объединённых

общностью содержания [1, с. 381], стало одним из ключевых понятий теории функциональной грамматики, которая начиная с 60-х – 70-х гг. XX века получила развитие в трудах А.В. Бондарко и многих других учёных. При таком подходе к языку функционально-семантическое поле (ФСП), понимаемое как «базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности семантических функций» [2, с. 11], выступает основной единицей классификации языкового материала.

В изданном в 1987–1996 гг. под редакцией А.В. Бондарко коллективном шеститомном труде, посвящённом функционально-грамматическому описанию русского языка, под указанным углом зрения был детально рассмотрен целый ряд ФСП (аспектуальность, темпоральность, модальность и др.; принципы классификации ФСП представлены во вступительном томе указанного исследования [2, с. 31-36]). В числе этих ФСП не оказалось поля, образуемого языковыми средствами, объединёнными семантической категорией одушевлённости-неодушевлённости, и это при том, что данная категория относится к числу универсальных языковых категорий [3, с. 40], так как различие живых существ и иных видов субстанций «человек не может не отразить в том языке, на котором он говорит» [там же, с. 36].

В исследованиях по русскому языку, который в отличие от многих языков мира располагает особой субстантивной морфологической категорией

одушевлённости-неодушевлённости [4, с. 73-75], обычно анализируются лишь грамматические средства выражения различий имён по признаку отношения к семантическому признаку 'живое существо'. Морфологическая категория одушевлённости-неодушевлённости, выражаемая окончаниями винительного падежа как существительных, так и согласуемых с ними атрибутивных форм (*вижу знакомых дикторов vs. вижу знакомые дома*), представлена двумя граммами [5, с. 437]. Одна из этих граммем связана с морфологической маркировкой названий любых видов живых существ, т. е. субстанций «рождающихся и умирающих» [3, с. 36], способных осуществлять целеполагание, осознанное движение и контроль своих действий и ситуации в целом [6, с. 711; 7, с. 39-41; 8, с. 17-62; 9, с. 175-323]: *человек, доктор, невеста, лев, синица* и т. п. Другая грамма данной категории предназначена для обозначения всех иных видов предметов, а также собирательных совокупностей предметов, веществ и отвлечённых понятий: *дом, дерево, язык, детвора, золото, абстракция*.

В системе морфологических категорий русского существительного категория одушевлённости-неодушевлённости занимает в содержательном отношении доминирующее положение по отношению к другой классифицирующей категории – грамматическому роду: различие концептов 'мужское' и 'женское' возможно в условиях стандартной коммуникации только в рамках класса одушевлённых предметов (лиц и животных).

Морфологический аспект выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости

подробно описан в исследованиях по грамматике русского слова [4, с. 62-82; 5, с. 436-439; 10, с. 462-465]. К излагаемой в данных исследованиях информации можно лишь добавить, что не только форма винительного падежа способна информировать об одушевлённости или неодушевлённости существительного. Так, грамматическое значение одушевлённости несовместимо с образованием от данного имени некоторых «дополнительных» падежных форм, например партитива (*чашка чаю, много шума*) и 2-го счётного падежа (*пять ватт, 220 вольт*) [5, с. 451-452], а грамматическое значение неодушевлённости существительного невозможно, если данное существительное допускает форму «включительного» падежа (*пойти в солдаты, избрать в депутаты*) [4, с. 50-52].

Для дальнейших рассуждений важно подчеркнуть, что на уровне морфологии семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости представляет собой инвариант (по определению А.В. Бондарко, «семантическую константу» [2, с. 28]), который реализуется в двух вариантах (субкатегориях), маркированных на уровне слова указанными выше граммемами, без дальнейшего дробления каждой из субкатегорий на «дальнейшие подсистемы содержательной вариативности» [там же].

Но семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости может быть выражена не только морфологическими средствами. Слово, как было показано А.И. Смирницким, представляет собой единство «лексического» и «грамматического» [11, с. 11-15], и основа слова, как средство выражения лексического значения

слова, весьма активно используется для реализации семантической категории, обсуждаемой в данной статье.

Рассмотрим один небольшой отрывок из миниатюры М. Жванецкого «Посидим».

Пойдите перед вечером в городской сад. Там возле веранды есть скамейка. На скамейке вы увидите человека в чёрном пальто. Это я. Я там сижу до восьми. Потом меня можно видеть на углу возле кафе и идущим к бульвару.

Хорошо со мной говорить между шестью и семью вечера. Лучшие всего о видах на урожай, о литературе, о знакомых. О женщинах со мной можно говорить всегда. Причём, если этот человек, то есть я, будет оглядываться на проходящих красавиц, не обижайтесь и не перебивайте. Это лишнее подтверждение моего интереса к этой проблеме (Михаил Жванецкий. Собрание произведений в четырёх томах. Том 2: Семидесятые. М.: Время, 2001. С. 166-167).

В этом текстовом фрагменте использована 21 субстантивная словоформа (проблема реализации категории одушевлённости-неодушевлённости местоименных существительных типа я, вы в рамках данной статьи не рассматривается). 16 из субстантивных словоформ, соотносящихся к лексемам *вечер, сад, веранда* и т. п. (они выделены в тексте подчёркиванием), не предназначены для выражения семантики одушевлённости, т. е. значение 'живое существо' не является ключевой семой их лексического значения.

Напротив, пять словоформ (они выделены полужирным шрифтом и подчёркиванием), соотносимых с лексемами *человек, знакомый* (субстантиват), *женщина, красавица*, самой своей

основой выражают семантику одушевлённости, которая определяет всю структуру их лексического значения. Это совершенно очевидно для всех значений лексемы *человек*, например для её прямого номинативного значения: 'живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда' [12]. Но так же очевидно это и для семантики других лексем рассматриваемого типа, являющихся непосредственными (*знакомый, женщина*) или же опосредованными (*красавица* и т. п.) гипонимами по отношению к гиперониму *человек*: *знакомый* – это 'человек, который состоит в знакомстве с кем-л.', *женщина* – это 'лицо (= человек) женского пола' и т. п.

В отличие от морфологической реализации семантической категории одушевлённости-неодушевлённости, на уровне лексической системы данная семантическая категория обычно не доминирует в таксономических схемах. В «Русском семантическом словаре» [13, с. 52-54] семантика одушевлённости подчинена смысловому противопоставлению: 'имена предметов' vs. 'непредметные имена', будучи включённой в рамках обозначения предметных имён в оппозицию 'живое' vs. 'неживое'. Живое – это люди (*красавец, неженка*) и антропоморфные существа (*леший, гурия*), животные (*слон, цапля*), а также растения (*пихта, дуб*) и другие растительные организмы (*рыжик*). В рамках такого подхода 'одушевлённость' – это разновидность 'живого' (характеризует лексическое значение названий живые существа), а 'неодушевлённость' выражена существительными, находящимися на разных уровнях указанной классификации: это не только назва-

ния растений из рубрики 'всё живое' и группа противопоставленных живому собственно предметных имён (*камень, журнал*), но также все группы непредметных имён типа *изучение, скорость* и пр. (более высокий таксономический уровень).

Необходимо также отметить, что в тексте семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости реализуется значительно чаще именно на лексическом уровне, а не на уровне морфологических характеристик слова. В приведённом выше текстовом фрагменте *любая* из 21 субстантивной словоформы информирует благодаря своему лексическому значению или об одушевлённости (*человек; женщина* и т. п.), или о неодушевлённости (*веранды, скамейка, пальто* и др.) существительного. И только четыре субстантивные словоформы информируют об одушевлённости или неодушевлённости лексемы своими падежными окончаниями: *увидите человека; оглядываться на красавиц* (В. п. = Р. п.); *в сад; о видах на урожай* (В. п. = И. п.). При этом семантика одушевлённости или неодушевлённости параллельно выражается у тех же словоформ и лексическими средствами – основой слова. Всё сказанное свидетельствует о том, что теория функциональной грамматики конца прошлого века, подчёркивая второстепенность лексических средств в рамках ФСП по сравнению с грамматическими [2, с. 6-12 и др.], недооценивала роль лексических компонентов в организации дискурса; см. подробнее [14].

Но есть и словообразовательный аспект рассматриваемой нами проблемы соотношения разноуровневых средств выражения одной и той же

семантической категории. Благодаря исследованиям Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, А.Н. Тихонова и других учёных стало ясно, что дихотомия «лексическое» ↔ «грамматическое» на уровне слова должна быть заменена противопоставлением и взаимодействием трёх аспектов формально-семантической организации слова: лексического, грамматического и словообразовательного, см. подробнее [15, с. 44-51].

В приведённом выше кратком текстовом фрагменте мы находим несколько примеров использования деривационных средств в целях выражения семантики одушевлённости-неодушевлённости. Так, лексема *урожай* (образованная от глагола *уродиться*), включает словообразовательный суффикс *-aj₂-*, который характерен для образования только неодушевлённых существительных, обозначающих «явление, характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом» [16, с. 37]. С выражением значения неодушевлённости связана и словообразовательная структура существительного *подтверждение*, так как при помощи суффикса *-ниj-/-ениj-* образуются отглагольные существительные лишь со значением отвлечённого процессуального признака [там же, с. 291]. Что касается существительного *красавица*, то в нём обнаруживается суффикс *-иц₃-*, который выделяется только «в именах существительных женского пола со значением лица», т. е. заведомо одушевлённых, образованных от названий лиц мужского пола с суффиксом *-ец-* [там же, с. 217].

Как и в случаях параллельного выражения значения одушевлённости-

неодушевлённости одновременно лексическими и морфологическими средствами слова, во всех указанных примерах мы можем обнаружить дублирующее выражение значений одушевлённости или неодушевлённости одновременно и на лексическом, и на словообразовательном уровнях устройства слова.

С точки зрения словообразования анализируемые нами значения одушевлённости и неодушевлённости участвуют в формировании деривационного значения производного слова. При этом нужно отметить, что эти деривационные значения весьма существенны для структурирования общего лексического значения слова. Словообразовательная структура позволяет эксплицировать те компоненты лексического значения дериватов типа *подтверждение*, *красавица*, которые в имплицитном виде представлены в непроданных словах типа *гам*, *леди*. В целом можно сказать, что словообразовательные и лексические средства выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости более тесно связаны друг с другом, чем лексические и грамматические средства (которые, дублируя друг друга семантически, представлены совершенно разными компонентами структуры слова – соответственно его основой и словоизменительным формантом).

Всё сказанное ранее о системе взаимосвязанных разноуровневых (лексических, словообразовательных и морфологических) средств выражения рассматриваемой в данной статье семантической категории позволяет сделать вывод об обоснованности утверждения А.Г. Нарушевича и А.П. Володина о существовании в русском

языке особого языкового поля (ФСП) одушевлённости-неодушевлённости [3; 17].

Как нам представляется, перспективным направлением дальнейшего совершенствования теории ФСП является более глубокое изучение тех уровней языка, которые в функционально-грамматических исследованиях А.В. Бондарко и его последователей не учитывались в полной мере. Уже отмечалось, что при описании почти всех ФСП совершенно недостаточно представлены словообразовательные средства языка [18, с. 62-82]. Это касается и нового по сравнению с перечнем ФСП, предложенным А.В. Бондарко, языкового поля одушевлённости-неодушевлённости: ни А.Г. Нарушевич, ни А.П. Володин не затрагивают вопрос о словообразовательном компоненте данного ФСП.

Между тем, как свидетельствуют результаты исследования языкового материала, существует разветвлённая система деривационных средств, которая специализируется на выражении в русском языке значения одушевлённости-неодушевлённости. Первым обратил на это внимание В.В. Виноградов, предпринявший в словообразовательном разделе 1-го тома академической «Грамматики русского языка» (1952, переизд. 1960) [19] попытку разграничения и детального описания целого ряда словообразовательных категорий¹ суффиксальной деривации, не-

¹ Заметим, что в академической грамматике как издании, написанном для широкого круга читателей, В.В. Виноградов не использует введенный им термин «словообразовательная категория» [20, с. 186]. Между тем установленные им в [19] ономазиологические группировки словообразовательных типов вполне соответствуют современному пониманию словоо-

посредственно связанных с отображением в структуре субстантивного деривата отношения его значения к семе 'живое существо'.

Так, с выражением деривационными средствами значения неодушевлённости связаны пять словообразовательных категорий: названия лиц мужского пола (*ткач, интриган, туляк, борец*); названия лиц с добавочным значением невзрослости (*малыш, аранчонок*), названия лиц, применимые к лицам как мужского, так и женского пола (*кривляка, зубрила, выскочка*), названия лиц женского пола (*мастерица, докладчица, акушерка*), названия животных (*грызун, зайчиха*) [19, с. 210-234]. Для неодушевлённых дериватов были выделены словообразовательные категории: обозначений предметов (*пятак, колун, умывальник*), отвлечённых понятий (*глухота, белизна, издевательство, влечение*) и некот. др. [19, с. 235-275].

Значения одушевлённости и неодушевлённости (каждое из которых выражено целым конгломератом словообразовательных категорий), как видно из приведённых примеров, являются существенными компонентами словообразовательного значения субстантивных дериватов, обычно представляя собой план содержания словообразовательного форманта (*умн-ик 'лицо'*).

Предложенный В.В. Виноградовым категориальный подход к описанию словообразовательного материала получил развитие, в частности, в

бразовательной категории как «совокупности словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [21, с. 391].

академической «Русской грамматике» 1980 г. (переизд. в 1982 и 2005 гг.) [10]. В соответствующем разделе грамматики (авторы В.В. Лопатин и И.С. Улуханов) выделен и детально описан целый ряд словообразовательных категорий, каждая из которых объединяет формальные типы образования дериватов с одним и тем же словообразовательным значением, например все типы отглагольных существительных со значением ‘носитель процессуального признака’: *курильщик, скиталец, забывака, купальня, название, маринад* [10, с. 142-157], типы отсубстантивных существительных со значением невзрослости: *волчонок, ужоньш, барчук* [10, с. 203-204] и др.

Однако особенностью данного описания является отказ от виноградовского различения словообразовательных категорий, связанных с деривацией одушевлённых существительных (названий лиц и животных) и неодушевлённых существительных (обозначений предметов, веществ, отвлечённых понятий). Так, в рамках представленной выше словообразовательной категории ‘носитель процессуального признака’ представлены и одушевлённые, и неодушевлённые имена, ср. *скиталец* и *купальня*. Поэтому содержащийся в словообразовательном разделе грамматики [10] богатейший языковой материал требует специального рассмотрения с точки зрения выражения дериватами семантики одушевлённости-неодушевлённости.

Анализ показывает, что все словообразовательные типы субстантивных дериватов можно разбить на три группы: типы, специализирующие на образовании соответственно одушев-

лённых существительных, неодушевлённых существительных и, наконец, тех и других.

Так, в сфере отглагольной деривации существительных разграничиваются 27 словообразовательных типов образования одушевлённых имён – с суффиксами *-льщик* (*рисовальщик*), *-лец* (*владелец*), *-арь* (*звонарь*), *-ак(а)* (*гуляка*), *-ул(я)* (*игруля*), *-аль* (*каталь*), *-х(а)* (*растеряха*), *-еј* (*ворожея*), *-ух* (уст. *питух*), *-атай* (*ходатай*), *-ат(ый)* (*проводатый*), *-с(а)* (*крикса*), *-ц(а)* (*убийца*), *-ар* (*дояр*), *-аш* (*торгаш*), *-ырь* (*пастырь*), *-ч(ий)* (*доезжачий*), *-ир* (*командир*), *-ј(а)* (*судья*), *-ык(а)* (*владыка*), *-ит(а)* (*волокита*), *-уй* (*обалдуй*), *-уг(а)* (*хануга*), *-ыз(а)* (*торопыга*), *-ён(а)* (*гулёна*), *-аг(а)* (*летяга* ‘животное из отряда грызунов, похожее на белку, у которого передние ноги соединены с задними широкой летательной перепонкой’ [12]), а также один тип с нулевым словообразовательным суффиксом: *-Ш(а)* (*обжора*) [10, с. 144-152, 222].

Другие отглагольные словообразовательные типы (их ещё больше – в общей сложности 78) используются для образования только неодушевлённых существительных. Таковы, например, семантические возможности словообразовательных суффиксов, характеризующих типы со следующими деривационными значениями:

1) ‘носитель процессуального признака’: *-льн(я)* (*курильня*), *-ищ(е)* (*хранилище*), *-ј(е)* (*гнездовье*), *-ин(а)* (*морицина*), *-ив(о)* (*сочиво*), *-ённость* (*сговорённость*), *-н’ј(е)* (*кушанье*), *-н(я)* (*квашня*), *-нь* (*ткань*), *-тельниц(а)* (*полоскательница*), *-ль* (*быль*), *-ад* (*рафинад*), *-льцин(а)* (*бывальщина*), *-ень* (*ступень*), *-ель* (*купель*), *-льц(е)* (*щу-*

пальце), -л(а) (метла), -аж (фиксаж), -итур(а) (политур), -ёж (чертёж), -сн(я) и -снь (песня, песнь); некоторые из суффиксов используются при образовании имён *pluralia tantum*: -к(и) (выжимки), -ин(ы) (октябрины), -ц(ы) (щипцы), -ел(и) (качели), -ул(и) (ходули), -аш(и) (разг. бегашаи 'коньки для скоростного бега'); ср. также ряд типов с нулевым словообразовательным аффиксом: -Ш(ш) ж.р. (кладь), -Ш(а) (помета), -Ш(о) (селó), -Ш(ы) (оковы) [10, с. 142–156, 218–223];

2) 'отвлечённый процессуальный признак': -ациј- (провокация), -б(а) (стрельба), -ч(а) (дача 'вручение'), -ниј- (наказание), -ств(о) (доказательство), -н(я) (грызня), -аж (хронометраж), -ёж (грабёж), -ок (скачок), -изм (отзовизм), -от (топот), -ух(а) (показуха), -он (выпивон), -от(а) (потягота), -ость (жалость), -ур(а) (редактура), -иц(е) (позорище), -ель (гибель), -иц(а) (разладица), -ень (оползень), -отк(а) (чесотка), -знь (болезнь), -тв(а) (молитва), -ад(а) (блокада), ант (диктант), -анс (конференс), инг (тренинг), -ц(а) (трусца), -ушк(а) (постирушка), -овь (любовь), -еј- (толчая), -изн(а) (укоризна), -н(и) (рассказни), -чин(а) (складчина) -ш(а) (вскрышиа), -арий (комментарий), -ик(а) (полемика), -истик(а) (шагистика), -к(и) (погляделки), -мент(ы) (аплодисменты), -Ш(ш) м.р. (розыск), -Ш(ш) ж.р. (дрожь), -Ш(а) (замена), -Ш(ы) (пересуды) и некот. др. [10, с. 157–166, 220–222].

Наконец, есть 26 отглагольных субстантивных словообразовательных типов, в рамках которых образуются как одушевлённые, так и неодушевлённые субстантивные дериваты: -ник (заточник 'рабочий, занимающийся заточкой чего-л.' и зимовник 'зимнее

помещение для животных, проводящих лето на пастбище'), -лк(а) (гадалка и молотилка), -ух(а) (стрекотуха и развалюха), -ниц(а) (возница и гостиница), -ень (сидень и плетень), -тель (преследователь и указатель), -щик (лётчик и счётчик), -льник (молчальник и будильник), -ач (пугач и ткач), -ер (интервьюер и тралер), -ат (делегат и экспонат), -ец (поставец и провидец), -ак (вожак и стояк), -ун (пискун 'человек с пискливым голосом' и шатун 'деталь машины, механизма, соединяющая поршень с валом двигателя' [12]), -атор (компилятор и акклиматизатор), -ыш (оборвыш и поскребыш), -Ш(ш) (сторож, вар) и др. [10, с. 143–154, 220–221].

Рассмотрение даже одного только фрагмента системы субстантивного словообразования свидетельствует о том, что в русском языке существует система суффиксальных средств выражения того, как соотносится существительное с семантикой живого существа. Эти средства требуют определения их места в общей системе ФСП одушевлённости-неодушевлённости.

В строении любого ФСП, как показал А.В. Бондарко, есть центр и периферия. Конечно же, словообразовательные средства выражения одушевлённости-неодушевлённости не могут быть отнесены к центру соответствующего ФСП. Это демонстрирует и приведённый ранее текстовый фрагмент, в котором, как было показано, из 21 субстантивной словоформы только 4 обладают словообразовательными маркерами анализируемой нами семантической категории (это соотношение словоформ, содержащих и не содержащих маркированные по признаку одушевлённости-неодушевлён-

ности словообразовательные средства, фактически не меняется при расширении объёма изучаемых текстов).

Центральному сегменту данного ФСП принадлежат, кроме морфологической категории одушевлённости-неодушевлённости, также лексические средства (основы лексем), которые наиболее предсказуемо информируют о том или ином отношении имени к семе 'живое существо'.

Но и не находящиеся в центре ФСП сегменты (в частности, словообразовательный) важны для функционирования языкового поля как целостной системы.

Анализ языкового материала показывает, что характеризуемый в данной статье словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости и сам является достаточно сложным языковым полем (понятие словообразовательного поля введено в [23]). В этом словообразовательном поле выделяются центр и примыкающая к нему периферия.

Центральную часть анализируемого нами словообразовательного сегмента ФСП одушевлённости-неодушевлённости составляют деривационные средства, при помощи которых образуются субстантивные лексемы со значением одушевлённости или неодушевлённости. При этом данные деривационные средства (прежде всего суффиксы, но не только – ср. субстантиват *водяной*) формируют и отглагольные словообразовательные типы (таковы приведённые ранее примеры), и типы отадъективных и отсубстантивных существительных. Ср. отсубстантивные, отглагольные и отадъективные одушевлённые существительные, образованные при помощи суффикса *-ач*:

избач от сущ. *изба*, *трубач* от глагола *трубить* и *лихач* от прилаг. *лихой*).

Словообразовательные суффиксы, которые могут информировать как об одушевлённости, так и о неодушевлённости предмета речи (ср.: *малыш*, *подкидыш* и *мякиш*, *наигрыш*), в словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости не входят. Для существительных с подобными суффиксами существуют другие средства выражения семантической категории, лежащей в основе анализируемого поля. Это, помимо основ указанных слов, которые, как уже было сказано, однозначно информируют об отношении имени к семе 'живое существо', также морфологические и синтаксические средства. Ср. различные для одушевлённых и неодушевлённых существительных формы Вин.п. ед.ч.: *вижу малыша / мякиш*. Ср. также различные конструкции со значением состояния, в которых возможны только одушевлённые существительные: *Малышу смешно, тепло*, но не **Мякишу смешно, тепло*.

Отдельно необходимо сказать о словообразовательных суффиксах, маркирующих гендерную характеристику живого существа: *пассажир-к(а)*, *повар-их(а)*, *Петров-н(а)*, *поэт-есс(а)* и т. п. Такие модификационные суффиксы присоединяются только к производящим основам, имеющим лексическое значение живого существа, и имеют деривационное значение 'женскость'. Это значение само по себе не включает семантического компонента 'одушевлённость', оно вторично по отношению к семантике лица, выражаемого производящей основой (*повар*, *пассажир* и т. п.). Но сочетаемость подобных суффиксов с производящими

основами однозначно информирует о том, что данные дериваты являются одушевлёнными, в отличие от других (*поварёшка, пассажиропоток*) [22, с. 147, 731]. Поэтому и такие словообразовательные средства, лишь косвенно отображающие семантическую категорию одушевлённости-неодушевлённости, необходимо включать в структуру словообразовательного сегмента анализируемого ФСП. Но место таких средств – не в центральной части этого сегмента, а в пограничной зоне между центром и периферией данного словообразовательного поля.

Что касается периферии рассматриваемой в статье деривационной системы, то она реализуется в словообразовательных типах не субстантивных, а признаковых дериватов (т. е. в типах производных глаголов и прилагательных).

Эти признаковые производные слова благодаря своим деривационным средствам также участвуют в выражении семантики одушевлённости или неодушевлённости предмета, обозначенного тем существительным, которому подчинены данные прилагательные и глаголы.

Так, например, глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные неодушев-

лёнными существительными типа *венчать* ‘совершать церемонию возложения венца на голову монарха’, *пластать, костылять* и т. п., являются одушевлённо-маркированными, так как субъект обозначаемого ими действия – живое существо. Подобным семантическим свойством маркировать именно одушевлённость существительного обладают и отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ат-* (*усатый, горбатый, хвостатый* и т. п. [10, с. 286-287]).

Таким образом, в рамках ФСП одушевлённости-неодушевлённости особое место (не центральное, но, тем не менее, важное для данного поля) занимает словообразовательный сегмент. Система деривационных средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости включает не только субстантивные, но также и глагольные, и адъективные словообразовательные типы. В рамках многих из этих типов, как было показано выше, осуществляется прямое обозначение одушевлённости-неодушевлённости объекта действительности, другие же типы служат для косвенного, но вполне однозначного указания на данные семантические признаки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1991. 685 с.
2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. редактор А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 349 с.
3. Володин А.П. О функционально-семантическом поле одушевлённости / неодушевлённости // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 36-43.
4. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.
5. Клобуков Е.В. Категория одушевлённости-неодушевлённости // Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. М., 2013. С. 436-439.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
7. Клобуков Е.В. Душа и одушевлённость в контексте современной языковой картины мира // Русистика XXI века: Аспекты исследования языковых единиц и категорий. Мичуринск: МГПИ, 2007. С. 37-42.
8. Ильченко О.С. Одушевлённость-неодушевлённость в структуре предложения. СПб.: Нестор-История, 2011. 148 с.
9. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
10. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 784 с.
11. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 11-53.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
13. Русский семантический словарь / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. Т. I, 1998. 800 с.; Т. II, 2000. 792 с.; Т. III, 2003. 720 с.
14. Шакар Р. К вопросу о соотношении лексического и грамматического сегментов в функционально-семантическом поле // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Выпуск 9. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 144-154.
15. Милославский И.Г. Лексическое, словообразовательное и грамматическое в словоформе // Филологические науки, 1980, № 1. С. 44-51.
16. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.
17. Нарушевич А.Г. Категория одушевлённости-неодушевлённости в свете теории поля: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Таганрог, 1996. 24 с.
18. Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В. Теория функциональной грамматики // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 57, № 5. 1998. С. 62-72.
19. Грамматика русского языка. Т. I: Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 719 с.
20. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166-220.
21. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 286-441.
22. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2003. 860 с.
23. Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 152 с.

REFERENCES

1. *Lingvisticheskiĭ entsiklopedicheskiĭ slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. М., Sovetskaya entsiklopediya., 685 p.
2. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovanost'. Taksis* [The theory of functional grammar: Introduction. Aspects. Temporal localization. Taxis]. L., Nauka, 1987. 349 p.
3. Volodin A.P. O funktsional'no-semanticheskom pole odushevlenosti / neodushevlenosti

- [About functional-semantic field of animate / inanimate] Issledovaniya po yazykoznaniyu: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko. [Research on linguistics: To the 70th anniversary of corresponding member of RAS Alexander V. Bondarko]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. pp. 36–43.
4. Zaliznyak A.A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu [“Russian nominal inflection” with application of selected works by the contemporary Russian language and General linguistics]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 752 p.
 5. Klobukov E.V. Kategoriya odushevlenosti/neodushevlenosti [The category of animacy/unanimacy] Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk [Modern Russian literary language] / Ed. by P.A. Lekant. M., AST-PRESS KNIGA, 2013. pp. 436–439.
 6. Stepanov YU.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Ed. 2nd. M., Akademicheskii proekt, 2001. 990 p.
 7. Klobukov E.V. Dusha i odushevlenost' v kontekste sovremennoi yazykovoï kartiny mira [Soul and animacy in the context of modern linguistic picture of the world] Rusistika XXI veka: Aspekty issledovaniya yazykovykh edinit i kategorii [The Philology of the XXI century: Aspects of the study of language units and categories]. Michurinsk, MGPI, 2007. pp. 37–42.
 8. Il'chenko O.S. Odushevlenost'-neodushevlenost' v strukture predlozheniya [Animacy-inanimation in the sentence structure]. SPb., Nestor-Istoriya, 2011. 148 p.
 9. Rusakova M.V. Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka [The anthropocentric elements of Russian grammar]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 568 p.
 10. Russkaya grammatika. T. I. [Russian grammar. Vol. I]. M., In-t russkogo yazyka im. V.V.Vinogradova RAN, 2005. 784 p.
 11. Smirnit'skii A.I. Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [Lexical and grammatical word] // Voprosy grammaticheskogo stroya [Questions of the grammatical structure]. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. pp. 11–53.
 12. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language]. SPb., Norint, 1998. 1536 p.
 13. Russkii semanticheskii slovar' [Russian semantic dictionary]. M., Azbukovnik, 2003.
 14. Shakar R. K voprosu o sootnoshenii leksicheskogo i grammaticheskogo segmentov v funktsional'no-semanticheskom pole [To the question of the relationship between lexical and grammatical segments in the functional-semantic field] // YAzyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei. Vypusk 9 [Language, literature, culture: Actual problems of studying and teaching: Collection of scientific and methodological articles. Issue 9]. M., MAKS Press, 2013. pp. 144–154.
 15. Miloslavskii I.G. Leksicheskoe, slovoobrazovatel'noe i grammaticheskoe v slovoforme [Lexical, derivational, and grammatical word form] // Filologicheskie nauki. 1980. no. 1. pp. 44–51.
 16. Efremova T.F. Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka [Dictionary of word-formation units of Russian language]. M., Russkii yazyk, 1996. 638 p.
 17. Narushevich A.G. Kategoriya odushevlenosti-neodushevlenosti v svete teorii polya: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [The category of animacy in the light of field theory: abstr. of PhD thesis in Philology]. Taganrog, 1996. 24 p.
 18. Kubryakova E.S., Klobukov E.V. Teoriya funktsional'noi grammatiki [The theory of functional grammar] // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 1998. Vol. 57. no. 5. pp. 62–72.
 19. Grammatika russkogo yazyka. T. I: Fonetika i morfologiya [Grammar of the Russian language. Vol. I: Phonetics and morphology]. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 719 p.

20. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii [Word formation in grammar and lexicology] Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: issledovaniya po russkoi grammatike [Vinogradov V.V. Selected works: studies on Russian grammar]. М., Nauka, 1975. pp. 166–220.
21. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie [Word formation] Sovremennyi russkii yazyk [Modern Russian language] / Ed. by V.A. Beloshapkova. Ed. 3rd, rev. & enl. М., Azbukovnik, 1997. pp. 286–441.
22. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 1. [Word-formation dictionary of Russian language: in 2 vol-s. Vol. 1.]. 3rd ed., rev. & enl. М., Astrel', 2003. 860 p.
23. Revzina O.G. Struktura slovoobrazovatel'nykh polei v slavyanskikh yazykakh [The structure of the derivation fields in the Slavic languages]. М., Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клобуков Евгений Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: klobukov@list.ru

Шакар Решат – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: resatsakar@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klobukov Evgeny – doctor of philological sciences, professor of the Department of The Russian Language in Lomonosov Moscow State University;

e-mail: klobukov@list.ru

Reşat Şakar – post-graduate student at the Department of Russian Language in Lomonosov Moscow State University;

e-mail: resatsakar@hotmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Клобуков Е.В., Шакар Р. Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 15-27.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Klobukov E., Şakar R. Interaction of morphological, lexical and word-formation means of expression of animateness-inanimateness // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. pp. 15-27.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

УДК 81'373.21

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-28-35

ЗАРОЙ ИЛИ ЗАРУБ (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ)

Королёва О.А.

Смоленский государственный университет

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается происхождение названий двух древнерусских городов XII века: *Зароя* и *Заруба*. Помимо названных городов в статье упоминаются и другие исчезнувшие древнерусские города, чьи наименования сохранились в летописных источниках. Приводятся основные гипотезы происхождения этих названий, и даётся краткая историческая справка о них. Сопоставив рассмотренные в статье гипотезы о происхождении названий этих древнерусских городов, автор приходит к выводу, что полное рассмотрение лингвистического материала, привлечение исторических, археологических, географических сведений поможет в какой-то степени в установлении местонахождения рассматриваемых городов и выявлении смысла их названий.

Ключевые слова: исчезнувший город, Смоленское княжество, древнерусский город, Зарой, Заруб.

ZAROY OR ZARUB (TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF NAMES)

O. Koroleva

Smolensk State University

4, Przhevalsky St., Smolensk, Russian Federation, 214000

Abstract. The article discusses the origins of the names of two ancient cities of the 12th century: Zaroy and Zarub. Apart from these cities the article mentions other extinct ancient Russian towns which names are preserved in the chronicles. The basic hypothesis of the origin of these names and a brief historical information about them are given. Comparing the given in the article hypothesis of these ancient cities names origin, the author concludes that a complete review of the linguistic material, engaging historical, archaeological, geographical information helped to some extent in establishing the whereabouts of these cities and to identify the meaning of their names.

Key words: Ghost town, Smolensk principality, an ancient Russian city, Zaroy, Zarub.

Происхождение географических названий тесным образом связано с общественной жизнью и языками народов, населявших те или иные местности. В течение тысячелетий менялись исторические условия, языки и народы, поэтому ни в одной стране нет единообразной географической номенклатуры.

Географическая номенклатура создавалась постепенно и являлась многослойным образованием, состоящим из разновозрастных и разноязычных элементов,

искажённых временем и изменённых в результате воздействия новых языков, новых насельников [5, с. 15].

Географические названия появились не случайно, а в результате осмысленного процесса номинации, на основе определённых признаков, отражающих исторические и географические реалии. «Номинация обычно происходит в процессе «привязки» исходного общего понятия конкретному адресу. Эта привязка всегда единична и поэтому неповторима в том кругу, где она возникает» [13, с. 249]. Основные типы номинации схожи для всех народов. Каждое имя имеет или имело свою мотивировку, которая со временем утрачивается.

До сих пор многие названия городов остаются неизученными и по сей день. Именно поэтому объектом нашего исследования является происхождение названий двух малоизвестных древнерусских городов XII века: *Зароя* и *Заруба*.

Помимо приведённых названий городов, включённых в материал данной статьи, существовало большое количество исчезнувших городов, чьи наименования сохранились в летописных источниках. Это такие города, как *Домагощь*, *Кородьно*, *Лучинь*, *Воищина*, *Обровь*, *Добрыи* и др. Эти топонимы приводятся В.П. Нерознаком в книге «Названия древнерусских городов» [7].

Добрыи – город, местоположение которого неизвестно. Тихомиров, ДГ, 41. Название приводится в Суздальской лет. по Лавр.сп. под 1207 г.: «и бывшую кѣму оу Доброга вѣста», ПСРЛ I 432. В Ипат. лет. город упомянут под 1192 г. «и доѣхаша Добра» ПСРЛ II 674 [7, с. 67].

Домагощь – город в земле вятичей. Сведения о нём начинаются с 1147 г. в Ипат. лет. «и ѿтуда идее Девягорьскоу, иде заемъ вси Вятичи и Добранескъ и до Воробинъ Подеснье, Домагощь и Мценескъ», ПСРЛ II 342 [7, с. 67-68].

Корьдно и *Обровь* В.П. Нерознак относит к топонимическим гапаксам.

Местоположение города *Корьдно* неясно. Этот город встречается только в «Поучении Владимира Мономаха» (1096 г.): «а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на снѣра юго, и ко Корьдну ходихъ», ПСРЛ I 248 [7, с. 94-95].

Обровь, город или урочище в Переяславской земле. Засвидетельствован в «Поучении Владимира Мономаха» под 1096 г.: «паки идохомъ Переяславлю и стахомъ во Гѣбровѣ», ПСРЛ I 248 [7, с. 126-127].

Лучинь и *Воищину* В.П. Нерознак относит к городам в Смоленской земле.

Воищина упоминается в летописях с 1258 года: «Въ лѣто 6766. Придоша Литва съ Полочаны къ Смоленську, и взяша Воищину на щить», ПСРЛ III 56; V 189 [7, с. 43].

Название города *Лучинь* приведено в Ипат. лет. под 1173 г.: «и дасть ему оць его Лучинъ городъ», ПСРЛ II 567. В списке городов поименован среди киевских, ПСРЛ VII, 240 [7, с. 105].

Как свидетельствуют данные археологических раскопок, те земли, на которых возникло в дальнейшем будущее Смоленское княжество, до III-VIII вв. н. э. были заселены восточными балтами [10, с. 163]. В IV-VIII вв. н. э. здесь жили тушемлинские племена, культура которых, как известно, была близкой культуре восточных балтов. VII-IX вв. характеризуются приходом

культуры длинных курганов. Историк Л.В. Алексеев замечает: «О бесспорно славянских племенах здесь можно говорить лишь с IX в. То были кривичи, «иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Днепра», как говорит летопись» [2, с. 33]. Кривичи же представляли собою союз племён, куда входили и балты, и славяне. И лишь к XI в. ассимиляция славянами балтов завершилась [12, с. 220].

Смоленский край в отношении географического положения (в верховьях трёх больших рек: Днепра, Волги, Двины, соседство с Полоцким, Новгородским и другими крупными княжествами) особенно интересен и важен.

Неоценимое значение для Смоленской земли имел путь «из варяг в греки», описанный ещё в «Повести временных лет»: «Из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра волок до Ловати, а по Ловати входят в Ильмень озеро великое: из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье этого озера впадает в море Варяжское». Большой и чрезвычайно важный отрезок пути «из варяг в греки» пролегал через смоленские земли, здесь же были в древности и так называемые волокы – волоковые пути, по которым лодки перетаскивали вручную по суше (волочили).

Источниками топонимического материала для нашего исследования послужили летописи, памятники смоленской деловой письменности, а также грамоты. Как сопоставительный материал использовались данные Справочника административно-территориального устройства Смоленской области [1].

В.П. Голубовский писал: «Лишь только мы ступим на юг озера Селиге-

ра, как тотчас попадаем в Смоленскую землю. Начало реки Волги есть конечный северный пункт ея. На юге последним городом Смоленского княжества был Зарой, на реке Ипути, впадающей в Сож. Но особенно велико было протяжение Смоленской земли с востока на запад. Неоспоримо ей принадлежали берега реки Исмы, левого притока Протвы, и Пахры, впадающей в Москву, входившие в состав Можайской области. На западе крайним пределом был город Жидчичи, на реке Чернейке, притоке Рудосвяты, впадающей в Касплю с левой стороны. Таково действительное пространство Смоленской земли как политического целого, в период наибольшего могущества этого княжества, что совпадает с XII и XIII веками» [4, с. 56-57].

До сих пор ведутся споры о местонахождении древних русских городов – *Зароя* и *Заруба*. Не выяснена до конца и семантика названий этих населённых пунктов. Предлагаем новый взгляд на решение этих проблем. Наша версия основывается на совокупности лингвистических, археологических, исторических и других данных.

Известный смоленский историк И.И. Орловский утверждал, что древний город *Зарой-на-Ипути* располагался на месте не сохранившейся до настоящего времени древней церкви и прилегающего к ней старого кладбища села *Корсики*. И если это так, то *Корсики*, упоминаемые как город *Зарой-на-Ипути* в 1154 году, являются одним из десяти известных нам древнейших поселений Смоленщины, относящихся к XII веку [8, с. 71]. Название своё *Корсики* получили от фамилии местных землевладельцев, дворян шляхетского происхождения Римских-Корсаковых

(в книге дворянских родов они именуются как Римские-Корсаки), а до середины прошлого века село именовалось *Разрытое*. Следовательно, можно полагать, что когда-то на месте села *Разрытое* располагался древний город *Зарой*.

Л.В. Алексеев оспаривает это утверждение и отождествляет город *Зарой* с городом *Заруб* (на реке Десне, в районе нынешнего села Рогнедино Брянской области) [2, с. 127]. В своём исследовании на счёт местоположения города мы придерживаемся точки зрения Л.В. Алексеева.

В.С. Картавенко отмечает, что город *Заруб* имел оборонительное значение. «По структуре название состоит из приставки *за-*, очень употребительной в восточнославянской топонимии, и основы *-руб-*. В современной Смоленской области, в разных её районах, известны следующие названия населённых пунктов: д. *Зарубинки*, д. *Зарубино*, д. *Зарубово*, д. *Зарубы* [6, с. 95]. В.С. Картавенко предполагает, что название древнерусского города *Заруб* связано с устройством засек, оборонительных засечных линий, укрепленных из поваленных деревьев. Город мог представлять собой укрепленный пункт на засеке, зарубе [6, с. 111].

В Рогнединском районе 64 археологических памятника. Это 3 стоянки, 12 городищ, 26 селищ, 13 поселений, древнерусский город *Заруб*, 3 кургана. Кроме этого, археологи изучили 4 кургана и 2 грунтовых могильника.

С 1969 года Ленинградским отделением института археологии Академии наук СССР под руководством доктора исторических наук П.А. Раппопорта начались раскопки у села Осовик Рогнединского района. Территория ранее

входила в состав Рославльского уезда Смоленской губернии, поэтому многие материалы и находки были переданы в Рославльский историко-художественный музей, часть из них находится в Осовицком народном музее.

Городище расположено у северной окраины с. Осовик, на правом берегу реки Десны, возвышаясь над поймой реки на 16 метров, с запада обрываясь в долину речки Серебрянки. Это городище уже давно упоминается в литературе. Состоит оно из 2 площадок: очень маленького детинца треугольной формы (25–30 метров) и окольного города (120–100 метров). Детинец защищён оплывшим валом высотой до 2 метров и рвом такой же глубины. Вал окольного городка хорошо сохранился и имеет высоту более 4 метров, а глубина рва 3,5 метра.

П.А. Раппопорт утверждает, что на месте городища был древнерусский город *Заруб*. При вскрытии учёными-археологами зафиксированы 52 наземные, почти квадратные, срубные постройки с дощатым полом. В жилых помещениях обнаружены остатки глинобитных круглых печей, в большинстве приподнятые на срубных опечках. Постройки отнесены исследователями к трём строительным горизонтам [9, с. 21-23].

Заруб являет собой образец поселения города-замка, где была сконцентрирована жизнь княжеского семейства. Такие крепости-замки строились с целью обороны Смоленского княжества от самого беспокойного его соседа – Черниговского княжества. Одним из таких и являлся *Заруб*. По мнению брянских и смоленских исследователей, это древнерусский город, принадлежащий в шестидесятые годы XII в.

княжне Рогнеде Мстиславовне, родной сестре великого киевского князя Ростислава Мстиславича, основавшего город Рославль. Именно на этот период приходится расцвет поселения. Площадь города Заруба в 1137 году составляла 13050 кв. м. Он был старше г. Рославля, который появился в 1137 году на площади в 8000 кв. м. Академия Наук России отнесла г. *Заруб* к летописным древнерусским городам наравне с *Дебрянском*, *Вицижом*, *Корачевом* (*Карачевом*), *Трубецком* (*Трубчевском*), *Стародубом*, *Изяславлем* (*Новоселки*) и др. [9, с. 21-23].

На порубежный город частыми были вражеские набеги. Вал малой площадки перестраивался дважды, а вал большой – 4 раза. Возможно, город-крепость был уничтожен (при раскопках обнаружены останки воинов в кольчугах). Поскольку город находился на границе, то можно предположить, что он был достаточно укреплен засеками, оборонительными засечными линиями и срубам из поваленных деревьев. Город представлял собою укрепленный пункт на засеке, зарубе.

В Словаре русского языка XI–XII вв. дается следующее определение нарицательного существительного *заруб*: «Зарубъ, м. 1. Засака, укрепление из поваленных деревьев. (1224): Совокупившие землю русскую всю противу татаромъ и придоша къ рець Днѣпру на зарубъ къ острову Варежскому. Соф. I лет., 204. 2. Сруб для рыбного садка, рыбный садок. Давно наиму пятма члвком, починивали заруба на озеркѣ. Кн. прих.-расх. Тихв. м. №1, 157. 1592 г. 3. Заметка, зарубка. Среднему сцѣпу бытии всегда противу зарубу. Устав ратных д. I, 88. XVII в. – Ср. зарубень» [11, с. 289]. Достаточно очевидно, что

слово *заруб* образовалось от глагола *зарубати* (*зарубити*). Исторически этот глагол имел значение «основать, построить, ср.: «Зарубати, несов. к зарубити (в знач. 1, 2). (1771): Псковичи почаша... новую стѣну опять зарубати по старине. Псков. лет., II, 180. (1537): Видѣвъ литовские воеводы и своихъ людей множество избиено, а градъ згорѣлъ, и поидоша прочь, не зарубая града. Ник. лет. XIII, 99. Купленъ лес и луб<ь>я на патриаршѣ дворѣ в полату для левкаса, зарубали бревенемъ и закладывали луб<ь>емъ. Цар. ик., 40. 1645» [11, с. 289].

Зарубити. 1. Основать, построить (о городе, крепости). (1377): Витофтъ же ста в римскую вѣру и устроися на Вилне князь велики литовский, нача соиздати грады многи, заруби же Киевъ и Черниговъ. Новг. IV лет., 486. А князь Иванъ Воротынской зарубивъ въ Литовской землѣ город Рославль, да изъ того города пошелъ подъ Мстиславль. Крым. д. II, 376. 1517 г. Да смилвался еси, пожаловал то городище [Старый Одоев] и за(рубить) велел, и твоим, государь, здоровьем и жалованьем город зарубили. Чел. кн. Ив. Ворот., 211. XVII в. сч. 1525 г.» [11, с. 290].

В.П. Нерознак приводит следующие сведения о городе *Зарой*: «Зарой, город в Смоленской земле. Название засвидетельствовано в Ипат. лет. под 1154 г.: «и поиде противу ему к Зарою», ПСРЛ II 477. По форме, вероятно, модель Праер. + Verb.: за- + -рой. Древнерусское название находит точные параллели с блр. с. *Зарой* (согласно Жучкевичу, «поселение за Роем – небольшим водотоком», КТСБ, 135), гидронимами *Зарой*, Смолицкая ГБО 43. Топооснова *рой* находит параллель в названии оз. *Рой*, п. р. *Ройка*, ГБО 269.

Ср. также блр. микротопоним *зароі* мн. 'балота', МБ 95 [7, с. 73-74].

Название города *Зарой* связано с названием ещё одного древнерусского города – *Зарытый* (в Черниговской земле), который упоминается с XII века. Название образовано из приставки *за-* и глагольной основы *рыть(и)*. В.П. Нерозник связывает его с гидронимами *Зарытва* (река), *Зарытовка* (река), *Зарытовка* (левый приток реки), верх *Зарытов* [7, с. 75].

Исходя из приведённых данных, считаем, что город *Зарой* действительно существовал в Смоленской земле и название его связано с основой глагола *рыть*.

О местонахождении города *Заруб* В.П. Нерозник представил подробные сведения: «Зарубъ, город в Киевской земле. Впервые упоминается в Лавр. лет. под 1096 г.: «а Переяславъци затворишася в градъ, Стополкъ же и Володимерь пойдоста на нь по сеи сторонѣ Днѣпра и придоста къ Зарубу», ПСРЛ I 231. В Сузд. лет. по Лавр. сп. под 1151 г.: «а сами Ёхаша к Зарубу», 331, к Зарубу, 332, оу Заруба, 335, на Зарубъ, 505.

Название по структуре состоит из приставки *за-*, весьма частотной в восточнославянской топонимике, ср. *Зарѣцкскъ, Заречье, Залесье, Заполье* и т. д., и основы *-руб-, -руба* 'зарубка'. Ср. ещё *Засака, Засечная черта*. «От основы **raǔb-* происходят различные топографические определения лесных вырубок: польск. *poręba, zaręba, wrąb*», – пишет С. Роспонд, ВСО I 17. Однако топонимы от основы *Заруб* не обязательно связаны с лесными зарубками. Скорее всего, название города связано с местным географическим термином *заруб* 'отметка границы землевладения в лесу, просека', ср. также *заруб*

'порог на реке', Мурзаевы, СМГН, 86. Ср. ряд МН в Белоруссии: *Зарубы, Зарубаны, Зарубеи, Зарубичи*. Жучкевич (КТСБ, 135) отмечает, что в Белоруссии термин *заруба* означает обычно то же, что и *засака*. Ср. микротопонимы: *Зарубки* 'урочишча', *Прыруб* 'поле' в Белоруссии, МБ 201.

Название древнерусского города *Зарубъ* непосредственно восходит к др.-русск. *зарубъ* 'засака, укрепление из поваленных деревьев', ср.: «Совокупивше землю русскую всю противу татаромъ и придоша къ рецѣ Днѣпру на зарубъ къ острову Варезскому» Соф. I лет. 2, 204. Слово *заруб, зарубень* имеет также значение 'зарубка' СлРЯ XI–XVII вв., 5, 289. Ср. также др.-русск. *зарѣбати* 'строить, заваливать, засекать, заваливать дорогу', Срезн. I, 944.» [7, с. 74].

Видимо, смоленский *Заруб* получил своё название по имени *Заруба* в Киевской земле. Перенос названий городов Южной Руси на города Северо-Восточной Руси был распространённым явлением в то время [6, с. 99].

М.Н. Тихомиров даёт названия обоих городов, однако *Заруб* он относит к 1096 году, а *Зарой* относит к 1154 году [14, с. 32, 36]. В основу его исследования положены материалы Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Итак, полное рассмотрение лингвистического материала, привлечение исторических, археологических, географических сведений помогло в установлении местонахождения рассматриваемых городов и выявлении смысла их названий. В древней Смоленской земле существовало два города: *Заруб*, располагавшийся на правом берегу реки *Десны* и получивший своё название по городу *Зарубу* в Киевской

земле, и город *Зарой* на реке *Ипуту*, название которого мотивировано глаголом *рыть*.

Мы проанализировали лишь некоторые из древних смоленских городов, интересных историей своих названий

и раскрывающих тайну своего местоположения. В настоящее время далеко не все древнерусские города раскрыли свои секреты. Остаются загадки и точки зрения смысловой стороны некоторых топонимов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области: справочник. М.: Московский рабочий, 1981. 210 с.
2. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 262 с.
3. Алексеев Л.В. Исследования в древней Смоленщине // Археологические открытия 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 49-50.
4. Голубовский В.П. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. 334 с.
5. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
6. Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 160 с.
7. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
8. Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907. 178 с.
9. Раппопорт П.А. О местоположении смоленского города Заруба // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1972. Вып. 129. С. 21-23.
10. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА, 1970, № 163. 200 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 392 с.
12. Смоленская область. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. Смоленск: СГПУ, 2003. 624 с.
13. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
14. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Гослитиздат, 1956. 477 с.

REFERENCES

1. Administrativno-territorial'noe ustroistvo Smolenskoj oblasti: spravochnik [The administrative-territorial device of the Smolensk region: a guide]. M., Moskovskii rabochii, 1981. 210 p.
2. Alekseev L.V. Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv. [Smolensk land in IX–XIII centuries]. M., Nauka, 1980. 262 p.
3. Alekseev L.V. Issledovaniya v drevnei Smolenshchine [Studies in ancient Smolensk] // Arkheologicheskie otkrytiya 1972 g [Archaeological discoveries 1972]. M., Nauka, 1973. pp. 49–50.
4. Golubovskii V.P. Istoriya Smolenskoj zemli do nachala XV stoletiya [The history of the Smolensk land to the beginning of the XV century]. Kiev, 1895. 334 p.
5. Murzaev E. M. Ocherki toponimiki [Essays on place names]. M., Mysl', 1974. 382 p.
6. Kartavenko V.S. Stanovlenie russkoi toponimicheskoi sistemy: problemy istoriko-lingvisticheskogo issledovaniya. CH. 1 [The formation of the Russian toponymic system: problems of historical and linguistic studies. Part 1]. Smolensk, Izd-vo SmolGU, 2009. 160 p.
7. Neroznak V.P. Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [The names of ancient cities]. M., Nauka, 1983. 208 p.
8. Orlovskii I.I. Kratkaya geografiya Smolenskoj gubernii [A brief geography of the province of Smolensk]. Smolensk, 1907. 178 p.
9. Rappoport P.A. O mestopolozhenii smolenskogo goroda Zaruba [About the location of the

- Smolensk city Zaruba] // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. M.: Nauka. 1972. no. 129. pp. 21–23.
10. Sedov V.V. Slavyane Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya [The Slavs of the Dnieper and the Upper Dvina region] // *MIA*. 1970. no. 163. 200 p.
 11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language XI–XVII centuries]. M., Nauka, 1978. 392 p.
 12. Smolenskaya oblast'. Entsiklopediya. V 2-kh t. T. 2 [Smolensk oblast. Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2]. Smolensk, SGPU, 2003. 624 p.
 13. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [The General theory of a proper name]. M., Nauka, 1973. 366 p.
 14. Tikhomirov M.N. Drevnerusskie goroda. [Ancient Russian city.]. 2nd ed., enl. and rev. M., Goslitizdat, 1956. 477 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королёва Ольга Алексеевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koroleva Olga – post-graduate student of the Department of the Russian language and teaching methodology at Smolensk State University;
e-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Королёва О.А. Зарой или Заруб (к вопросу о происхождении названий) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2016. № 3. С. 28-35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-28-35

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Koroleva O. Zaroy or Zarub (to the question about the origin of names) // *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology*. 2016. no 3. pp. 28-35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-28-35

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-36-43

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. В. БУЙДЫ)

Крылова А.Г.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные средства экспрессивности в человеческих именах произведений Ю.В. Буйды; описывается и выявляется их роль в создании антропонимов. В статье также представлена классификация этих средств по их стилистической окраске и эмоционально-оценочной семантике. Выделены группы антропонимов по характерным словообразовательным средствам экспрессивности. Человеческие имена, использованные в произведениях Ю.В. Буйды, являются одним из характерных и эффективных средств изображения особенностей персонажей: их внешности, характера, поведения и взаимоотношений. Оказиональные антропонимы являются яркой приметой идиостиля Ю.В. Буйды.

Ключевые слова: экспрессивность, словообразовательные средства, антропонимы, семантика, стилистическая окраска.

WORD-FORMATION MEANS OF EXPRESSIVITY IN THE SYSTEM OF ANTHROPNYMS (ON EXAMPLE OF URIY BUIDA'S NOVELS)

A. Krylova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, expressive word-formation means in the proper names of Uriy Buida's novels are reviewed and their role in creation of the anthroponyms is described. It provides the classification of these means by their stylistic coloring and emotional and estimation semantics. The groups of the anthroponyms are distinguished by their typical expressive word-formation means. The proper names used in Uriy Buida's novels, are one of the typical and effective means of description the features of the characters: their appearances, their tempers, their behavior and relationships. The occasional anthroponyms are the bright feature of Uriy Buida's idiosyle.

Key words: word-formation means, expressivity, anthroponyms, semantics, stylistic coloring.

Вопрос об экспрессивности имён собственных, выраженной словообразовательными средствами, подробно освещённый в научной литературе, является объектом пристального внимания исследователей. Данному вопросу посвящены работы А.В. Суперанской, А. Вежбицкой, К.М. Медведевой и др. Подробно рассмотрена учёными и семантика данных средств.

Целью этой статьи является описание существующих в современном русском языке экспрессивных словообразовательных средств и выявление их в именах собственных, использованных в произведениях Ю.В. Буйды.

К словообразовательным экспрессивным средствам принято относить следующие элементы: словообразовательные аффиксы, корневые морфемы, контаминацию, усечение, субстантивацию, стяжение с нулевым суффиксом.

Экспрессивные словообразовательные аффиксы по стилистической окраске, наличию интенсивности и эмоциональности в семантической структуре разделены на три группы.

1. Аффиксы, обладающие определённой стилистической окраской. Например, префикс *воз-* (*вос-*) обладает возвышенной стилистической окраской и образует преимущественно книжные лексемы: *вознестись*, *возвыситься*, *воспарить*; для суффикса *-ану-* характерна разговорная стилистическая окраска: *толкануть*, *кидануть*, *сказануть*.

2. Аффиксы, указывающие на интенсивность / экстенсивность проявления признака. Например, префиксы *вы-*, *за-*, *на-* и суффиксы *-аст-*, *-ат-* указывают на интенсивность действия/признака: *вылизать*, *замарать*, *набить*, *ушастый*, *носатый*. Суффикс *-оват-* указывает на экстенсивность признака: *беловатый*.

3. Аффиксы, обладающие оценочной семантикой. Например, суффиксы *-н'*, *-отн'*, *-j-* образуют слова с отрицательной оценкой: *матросня*, *беготня*, *людь[j]e*; увеличительные суффиксы *-ищ-*, *-ин-* также образуют слова с отрицательной оценкой: *старичище*,

мужичина; уменьшительные суффиксы *-ок-*, *-ушк-* в словах выражают отношение ласки и дружелюбия: *дружок*, *девчушка*.

Экспрессивность слова достигается не только словообразовательными аффиксами, но и специфическими корневыми морфемами, например: *-курв-* в слове *скурвиться*, *выпендр-* в слове *выпендриваться*, *шмот-* в слове *шмотьё*.

Помимо аффиксации и корневых морфем экспрессивность слова достигается словообразовательной контаминацией – способом создания окказиональной языковой единицы с помощью «словообразовательного коллажа». Примерами такого «коллажа» являются слова, представленные в справочнике под названием «Культура русской речи»: *углупиться* – результат сложения слов *глупый* и *углубиться*; *раскультуривание* – образование по аналогии со словом *раскулачивание*; *пенкосниматель* – результат сложения слов словосочетания *снимать пенки* [12, с. 272-273].

Усечение – сокращение формы слова – является одним из наиболее продуктивных способов создания экспрессивных слов. Этим способом образуется большинство разговорных и просторечных слов: *телик*, *велик*, *видик* и т. д.

Субстантивация и стяжение с нулевым суффиксом – менее продуктивные способы образования экспрессивов. С помощью субстантивации образуются в основном нейтральные слова: *столовая*, *бельевая*, *смотровая*. За счёт стяжения с нулевым суффиксом образуются профессионализмы и слова разговорного характера: *перманент* – образовано от словосочетания *перманентная завивка*, *противогаз* – от словосоче-

тания *противогазовая маска* (примеры В.Н. Виноградовой), *кардан* – от термина *карданный вал* [9, с. 63].

Система антропонимов прозы Ю.В. Буйды включает многообразные способы их образования. К наиболее продуктивным относится способ аффиксации. Нередко антропонимы имеют в основе аффиксы определённой стилистической окраски.

По преимуществу в образовании экспрессивных антропонимов, встречающихся в прозе Ю.В. Буйды, ведущую роль играют суффиксы: *-к-*, *-ик-*, *-он-*, *-ик-*, *-ач-*, *-н'*, *-их-*, *-ох-*, *-ух-*, *-г-*, *-х-*, *-аг-*, *-овн-*, *-л-*, *-ло-*, *-эндр-*. Из этих словообразовательных аффиксов антропонимы разговорно-просторечного характера образуют суффиксы: *-к-* (*Овсенька*, *Наташка*, *Алёшка*, *Вовка*, *Ленка*, *Лелька*, *Зойка*, *Лёвка*, *Витька*, *Женька*, *Машка*, *Гонька*, *Нинка*, *Катька*, *Танька*, *Колька*, *Светка*, *Яшка*, *Шурка*, *Сашка*, *Валька*, *Славка*, *Илонка*, *Верка*, *Димка*, *Лилька*, *Алёнка*, *Ванька*, *Юлька*, *Генка*), *-ик-* (*Эдик*, *Веник*, *Толик*, *Алик*, *Фролик*, *Костик*, *Лерик*), *-он-* (*Димон*), *-ик-* (*Аркашка*), *-ач-* (*Моргач*).

Некоторые суффиксы помимо просторечного характера обладают оттенком фамильярности и привносят его в образуемые антропонимы: *-н'* (*Юраня*, *Коляня*, *Мишаня*, *Федяня*), *-их-* (*Буяниха*, *Бараниха*, *Зассиха*, *Макариха*, *Граммифониха*, *Тарзаниха*, *Носиха*, *Шаманиха*), *-ох-* (*Митроха*), *-ух-* (*Илюха*), *-г-* (*Серёга*), *-х-* (*Лёха*), *-аг-* (*Люсяга*), *-овн-* (*Вульфовна* – прозвище женщины, образованное от её фамилии – *Вульфович*, которая схожа с мужским отчеством). Суффиксы антропонимов общего рода *-л-* (*Синила*), *-ло* (*Бухало*) обладают не только оттен-

ком фамильярности, но и насмешки. Непродуктивный суффикс *-эндр-* (*Люсендра*) придаёт антропониму оттенок грубости.

Экспрессивные антропонимы образуются не только аффиксами различной стилистической окраски, но и оценочными аффиксами.

Оценочную семантику имеют антропонимы с суффиксами *-еньк-*, *-уш-*, *-очк-*, *-ечк-*, *-ушк-*, *-утк-*, *-к-*, *-оньк-*, *-аньк-*, *-ичк-*, *-чик-*, *-ик-*, *-ш-*, *-иньк-*, *-ус'*, *-асик-*, *-ищ-*. Из этих словообразовательных аффиксов антропонимы с оттенком значения ласки, теплоты, дружелюбия образуются уменьшительно-ласкательными суффиксами: *-еньк-* (*Мишенька*, *Варенька*, *Синенький*, *Грушенька*, *Оленька*, *Николенька*, *Настенька*, *Наденька*, *Машенька*, *Митенька*), *-уш-* (*Катюша*, *Илюша*, *Андрюша*, *Петруша*), *-очк-* (*Верочка*, *Саночка*, *Фимочка*, *Ниночка*, *Шурочка*, *Мариночка*, *Лидочка*, *Галочка*, *Улиточка*, *Немочка*, *Малюточка*, *Софочка*), *-ечк-* (*Анечка*, *Сонечка*, *Тонечка*, *Ложечка*, *Ванечка*, *Лёничка*, *Женечка*), *-ушк-* (*Варварушка*, *Агафьюшка*, *Нинушка*, *Лаврушка*), *-утк-* (*Мишутка*), *-аньк-* (*Лизанька*), *-ичк-* (*Лиличка*), *-иньк-* (*Любинька*), *-оньк-* (*Любонька*). Уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-* (*Ножка*, *Лошадка*, *Андрейка*, *Монетка*) придаёт антропонимам оттенок шутливости.

Некоторые из рассмотренных выше суффиксов помимо отношения ласки выражают ещё и отношение жалости, как в случае с именем собственным *Сергеюшка*, где суффикс *-ушк-* прибавляется к полному варианту имени [8, с. 131]. Кроме того, семантика данного антропонима проявляется и в контексте: «*жалкий пьяница Сергеюшка*».

Уменьшительные суффиксы придают антропонимам оттенок насмешки: *-чик-* (*Мизинчик*), *-ик-* (*Сусик* (от антропонима *Иисусик*)).

Оттенок фамильярности придают антропонимам уменьшительно-ласкательные суффиксы с оттенком фамильярности: *-и-* (*Николаша*, *Аркаша*, *Маняша*, *Любаша*, *Ариша*, *Евгеша*), *-ус'* (*Маруся*), *-асик-* (*Колясик*).

Увеличительные суффиксы в антропонимах играют двоякую роль: во-первых, указывают на некоторые особенности внешности персонажа, обладающего таким антропонимом, во-вторых, указывают на отношение других героев к этому персонажу. Примером функционирования таких аффиксов является суффикс *-ищ-* в антропонимах *Тамарищца*, *Урблудище*, которые не только указывают на предположительно огромные размеры персонажей-носителей данных имён, но и выражают фамильярное отношение к этим героям других персонажей.

Способом усечения образованы следующие антропонимы: *Пан Паратов* – от имени и фамилии *Пантелеймон Паратов*, *Шварц* – от фамилии *Шварцас*, *Рина* – от имени *Марина*, *Нушка* – от имени *Нинушка*, *Нюта* – от имени *Анюта*. Эти антропонимы обладают разговорной и фамильярной окраской. Усечением создаются и прозвища персонажей, образованные от фамилий: *Луна* – от фамилии *Подлупаев*, *Морда* – от фамилии *Мордашова*, *Миша* – усечение фамилии *Мишанина*, *Лампочка* – от фамилии *Лампочкина*, *Пащяя* – от фамилии *Пащенко*, *Луна* – от фамилии *Лунина*.

Усечением с суффиксацией образованы: имена *Эдик*, *Веник*, *Алик* и другие, упомянутые ранее; отчества

Семёныч, *Макарыч*, *Дрын Дрыныч*, *Адилыч*, имеющие фамильярно-разговорный оттенок. Усечение с суффиксацией используется и для создания сокращённых вариантов имён: *Верка* – усечение имени *Вероника*, *Сусик*. Таким же способом от фамилий персонажей образуются прозвища: *Гайка* – от фамилии *Гаева*, *Тур* – от фамилии *Осорьин-Туровский*, *Мурзик* – от фамилии *Мурзин*. Приведённые антропонимы обладают разговорно-просторечным оттенком. Кроме них в прозе Ю.В. Буйды используются и нейтральные сокращённые варианты имён: *Миша*, *Филя*, *Наташа*, *Зина*, *Ваня*, *Коля*, *Миля* и т. д.

Усечением с прибавлением иноязычного элемента образованы антропонимы: *Климс* (*Климов*), *Тати* (*Татьяна*), *Катиш* (*Катюша*), *Жанна де Бо* (*Жанна Богомолова*). Такой способ словообразования в произведениях Ю. Буйды отражает влияние на персонажа других языковых культур. Например, антропоним *Климс* свидетельствует о влиянии на персонажа, обладающего им, английской языковой культуры. Антропонимы *Тати*, *Катиш*, *Жанна де Бо* являются результатами отражения в сознании персонажей французской языковой культуры.

Обратное словообразование является непродуктивным по отношению к системе антропонимов прозы Ю.В. Буйды. Подобным способом образовано, например, имя собственное *Илюха*, мотивированное именем *Илюша*. В исследовании В.Н. Виноградовой «Стилистический аспект русского словообразования» анализируется аналогичный антропоним *Саха*, образованный от имени *Сашка* [9, с. 67].

К числу непродуктивных относится и способ усечения части слова и использования оставшейся его части в составе сложносокращённого слова. Примером такого способа может служить прозвище персонажа – хозяйки утопии Ореховой горы из одноимённого рассказа – *Главсука*. Как видно из этого прозвища, первая его часть – прилагательное *главная* – была сокращена и присоединена к другому слову, образовав сложносокращённое слово. Данное прозвище за счёт семантики своей второй части обладает оттенком грубости, бранности и при этом представляет собой пародию на советизмы (действие рассказа происходит в сталинскую эпоху) – лексемы-канцеляризм, получившие распространение в 30-40-е годы XX века, типа: *квартиплата, жилплощадь* и т. д. [11, с. 5].

Контаминация также является менее продуктивным способом словообразования, в отличие от усечения и суффиксации. Антропонимы, образованные таким способом, обладают следующими функциями: во-первых, придают комичность образу персонажа: *Незевайлошадь, Лебезьян* (результат сложения основ слов *лебезить* и *лебезьяна*). Во-вторых, создают внешний облик и характер персонажа: антропонимом *Люболя* называли сиамских близнецов Любу и Олю (персонажей романа «Вор, Шпион и убийца»); антропонимом *Мерзавр* назван персонаж одноимённого рассказа за своё отвратительное поведение и внешний вид. В-третьих, антропонимы, образованные подобным способом, передают некоторые особенности речи персонажей: прозвище *Бабушка Почемучето* героиня, старуха, получила за то, что

произносила сочетание *потому что* как *почемучето*.

В прозе Ю.В. Буйды имеются антропонимы, образованные путём калькирования корневых морфем с использованием русских суффиксов: *Лаврушка* – производное от иноязычного имени *Лаура* с прибавлением русского суффикса *-ушк-*; аналогичным способом образовано имя собственное *Агафьюшка* – производное от антропонима *Агата Кристи*.

Путём субстантивации образованы фамилии, обладающие нейтральной семантикой (*Устный*), а также прозвища, мотивированные внешностью: *Синенький* (персонажа прозвали так за синюшный цвет лица); или поведением: *Пащяя* (такое прозвище получила героиня романа «Вор, шпион и убийца» за своё распутное поведение).

Путём стяжения с нулевым суффиксом образовано прозвище *Алимент*, мотивированное окказиональным наречием *алиментарно* (его постоянно повторял персонаж – носитель прозвища) за счёт отсечения у данного наречия суффикса *-о* и прибавления нулевого суффикса.

Как видно из данных примеров, все описанные выше словообразовательные экспрессивные средства не только формируют антропонимы разговорного, просторечного или бранного характера, но и наделяют данные имена людей дополнительной эмоциональной окраской, которая у разговорных антропонимов может выражать ласку: *Варварушка, Наденька, Настенька*; жалость: *Сергеюшка*; насмешку: *Сусик*. У просторечных антропонимов эмоциональная окраска, создаваемая такими словообразовательными средствами экспрессивности, выражает фамильяр-

ное отношение других персонажей к носителю антропонима: *Тамарища, Бараниха, Пащая*. Экспрессивные словообразовательные средства создают антропонимы, которые описывают облик персонажей (*Синенький*) и характеризуют некоторые особенности речевой среды героев (*Бабушка Почемучето*).

Антропонимы, созданные экспрессивными словообразовательными средствами, характеризуют идиостиль

Ю.В. Буйды: отличительной чертой прозы писателя является наличие эпизодических персонажей, наделённых какими-либо запоминающимися чертами, так или иначе отражёнными в именах собственных. При этом антропонимы, созданные Ю.В. Буйдой, имеют по преимуществу окказиональный характер, хотя и созданы по существующим в русском языке словообразовательным моделям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ:

1. Буйда Ю.В. Вор, шпион и убийца: роман. М.: Эксмо, 2014. 316 с.
2. Буйда Ю.В. Дон Домино. М.: Эксмо, 2013. 209 с.
3. Буйда Ю.В. Жунгли: роман. М.: Эксмо, 2013. 441 с.
4. Буйда Ю.В. Львы и лилии. М.: Эксмо, 2013. 443 с.
5. Буйда Ю.В. Послание госпоже моей левой руке. М.: Эксмо, 2014. 284 с.
6. Буйда Ю.В. Прусская невеста: роман в рассказах. М.: Эксмо, 2015. 699 с.
7. Буйда Ю.В. Яд и мёд: повесть и рассказы. М.: Эксмо, 2014. 281 с.

ЛИТЕРАТУРА:

8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
9. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984. 183 с.
10. Гиндлина И.М. Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе : дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.01. М., 1999. 215 с.
11. Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30-40-х годов XX века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 192 с.
12. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 840 с.
13. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Мн., 1997. 161 с.
14. Медведева К.М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов // Молодой учёный. Серия «Филология». 2013. № 7 (54). С. 487-490.
15. Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 206 с.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 854 с.
17. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1985. 885 с.

REFERENCES

1. Buida YU.V. Vor, shpion i ubiitsa: roman [A thief, a spy and assassin: a novel]. M., Eksmo, 2014. 316 p.
2. Buida YU.V. Don Domino [Don Domino]. M., Eksmo, 2013. 209 p.
3. Buida YU.V. ZHungli: roman [Jungle: a novel]. M., Eksmo, 2013. 441 p.
4. Buida YU.V. Lvy i lilii [Lions and lilies]. M., Eksmo, 2013. 443 p.
5. Buida YU.V. Poslanie gospozhe moei levoi ruke [Message to Ms. my left arm]. M., Eksmo, 2014. 284 p.
6. Buida YU.V. Prusskaya nevesta: roman v rasskazakh [The Prussian bride: a novel in stories]. M., Eksmo, 2015. 699 p.
7. Buida YU.V. Yad i med: povest' i rasskazy [Poison and honey: a Novella and stories]. M., Eksmo, 2014. 281 p.
8. Vezhbitskaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. M., Russkie slovari, 1996. 416 p.
9. Vinogradova V.N. Stilisticheskii aspekt russkogo slovoobrazovaniya [The stylistic aspect of the Russian word formation]. M., Nauka, 1984. 183 p.
10. Gindlina I.M. Ekspressivnye slovoobrazovatel'nye sredstva v khudozhestvennoi rechi i sposoby ikh peredachi pri perevode : diss. ... kand. fil. nauk : 10.02.01 [Word-building expressive means in art speech and methods for their transfer in the translation: PhD thesis in Philology]. M., 1999. 215 p.
11. Ermakova O.P. ZHizn' rossiiskogo goroda v leksike 30-40-kh godov XX veka [The life of a Russian city in the vocabulary of 30-40-ies of XX century]. M., FLINTA: Nauka, 2011. 192 p.
12. Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary]. 3rd ed., stereotyp. M., Flinta, 2011. 840 p.
13. Maslova V.A. Lingvisticheskii analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta [Linguistic analysis of expressiveness of the artistic text]. Mn, 1997. 161 p.
14. Medvedeva K.M. Semantika emotsional'no-ekspressivnykh suffiksov kvalitativnykh form russkikh antroponimov [Semantics emotional-expressive suffixes obtain qualitative forms of Russian anthroponyms] // Molodoi uchenyi. Seriya «Filologiya». 2013. no. 7 (54). pp. 487-490.
15. Superanskaya A. V. Struktura imeni sobstvennogo: Fonologiya i morfologiya [Proper name structure: Phonology and morphology]. M., Nauka, 1969. 206 p.
16. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 1 [Word-formation dictionary of Russian language: in 2 vol. Vol. 1]. M., Russkii yazyk, 1985. 854 p.
17. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 2 [Word-formation dictionary of Russian language: in 2 vol. Vol. 2]. M., Russkii yazyk, 1985. 885 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Алёна Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krylova Alena – post-graduate student of the Department of modern Russian language at Moscow State Region University;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Крылова А.Г. Словообразовательные средства экспрессивности в системе антропонимов (на примере произведений Ю.В. Буйды) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 36-43.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-36-43

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Krylova A. Word-formation means of expressivity in the system of anthroponyms (on example of Uriy Buida's novels) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian Philology. 2016. no 3. pp. 36-43.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-36-43

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-44-53

О СИНТАГМАТИКЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кузнецова Е.А.

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического)
федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
164500, г. Северодвинск Архангельской области, ул. Капитана Воронина,
д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена описанию синтагматики терминологической лексики как средства вербализации категорий и концептов правового дискурса. Особенности сочетаемости терминологических единиц, номинирующих базовые понятия концепта «Информационное право», рассматриваются в семантическом и грамматическом аспектах. На основе дистрибутивного анализа выявляются определённые закономерности в выборе контекстуальных партнёров простых и составных терминов, а также терминологических словосочетаний, образованных на основе однословных терминов. Описываются основные схемы реализации активной и пассивной валентности терминологических единиц в текстах современного российского законодательства.

Ключевые слова: правовой дискурс, термин, синтагматика, активная валентность, пассивная валентность.

SYNTAGMATICS OF TERMINOLOGICAL VOCABULARY AS SPECIFIED BY INFORMATION LAW IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

E. Kuznetsova

*Institute of Humanities, Severodvinsk branch of Lomonosov
Northern (Arctic) Federal University
6, Captain Voronin St., Severodvinsk, Arkhangelsk region, Russian Federation, 164500*

Abstract. This article is devoted to describing syntagmatics of terminological vocabulary as a means of verbalization for categories and concepts of legal discourse. It considers the semantical and grammatical aspects of terminological units as nominating basic ideas of the Information Law Concept through their specific compatibility. Using the distribution analysis certain regularities are found for selecting contextual partners of simple and composite terms as well as terminological word combinations constructed from single word terms. Under study are basic schemes for forming valence of terminological units in the Russian legal texts.

Key words: law discourse, term, syntagmatics, active valence, passive valence.

Динамика законотворческого процесса в области информационного права – новой формирующейся отрасли российской правовой системы – актуализирует

задачу изучения синтагматики терминологической лексики, используемой языковой личностью в качестве основного средства репрезентации специальной информации. Для достижения целей профессиональной коммуникации необходимо знать не только значения терминологических единиц различной структуры (простых и составных терминов), но и особенности их употребления в контексте – нормы сочетаемости, проявляющиеся как возможность (или невозможность) совместного употребления определённой терминологической единицы с другими языковыми единицами.

Термины, являясь номинативными единицами языка, вступают в особые – синтагматические – отношения с другими последовательно расположенными одноуровневыми языковыми единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте [10, с. 447]. В лингвистической науке для обозначения сочетаемостных свойств слов наряду с термином «сочетаемость» активно используется термин «валентность», применение которого по отношению к единицам различных уровней имеет некоторые особенности [8]. Валентность понимают как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [9, с. 79]. В учении о лексической синтагматике валентность как синтагматическое структурное значение «характеризует линейные отношения лексической единицы, её характерную сочетаемость с другими единицами» [16, с. 202]. Разграничивая понятия валентности и сочетаемости, В.В. Морковкин определяет валентность как свойство слова иметь при себе упорядоченный набор

синтактико-семантических позиций, а сочетаемость слова – как реализацию его валентности, «т. е. совокупность словосочетаний, в которые входит или способно входить данное слово» [13, с. 22]. В настоящее время проблемы синтагматики языковых единиц всё чаще рассматривают в широком контексте решения различных общетеоретических проблем, при описании специализированных текстов [11; 12].

Необходимо отметить, что особенности сочетаемости терминологической единицы следует изучать как в формальном, так и в семантическом аспекте, поскольку сочетаемость термина обусловлена и онтологическими характеристиками слова как языковой единицы, и спецификой уникальной семантики термина, заданной определённым дискурсом.

Основным концептом информационно-правового дискурсивного пространства является концепт «Информационное право». Сложность структуры данного концепта объясняется широтой спектра и многогранностью отношений, регулируемых информационным правом. Одним из ядерных репрезентантов концепта выступает термин *информация* – «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [1].

Процессы дифференциации и углубления профессионального знания требуют отражения в терминологической единице идентификационных признаков номинируемого понятия. Поэтому в текстах рассматриваемой специализации наиболее продуктивными оказываются сочетания однословного термина *информация* с прилагательными на основе согласования. В настоящее время некоторые из таких

сочетаний остаются свободными словосочетаниями с термином в функции стержневого слова: *общая информация, текущая информация, необходимая информация, общедоступная информация, контактная информация* и др. Однако в процессе бурного развития терминосистемы информационного права значительная часть словосочетаний, образованных по данной синтаксической схеме, получив собственную дефиницию, превращается в термины аналитической структуры: *документированная информация, компьютерная информация, конфиденциальная информация, массовая информация, неплатёжная информация, платёжная информация, секретная информация, статистическая информация*. Указанные термины характеризуются определённой синтактикой терминоподструктур (в частности, внутренней непроницаемостью формы термина – невозможностью вставить слово между терминоподструктурами, закреплёнными порядком следования терминоподструктур) и некоторыми особенностями синтагматики в левом и правом контексте.

Вместе с тем, как показывает анализ фактического материала, сочетаемость термина *информация* (в том числе свободных словосочетаний с опорным компонентом – термином *информация*) и составных терминов с опорным терминоподструктурой *информация* характеризуется, скорее, общностью, нежели принципиальными отличиями. В частности, активная валентность термина (и терминоподструктуры) *информация* по отношению к глаголу-сказуемому существенным образом ограничена. Поскольку слово *информация* вследствие особенностей се-

мантики практически всегда является пациенсом номинируемой ситуации, сочетаемость с глаголами-сказуемыми ограничена преимущественно формами страдательного залога, например: */информация/ используется, относится, распространяется, размещается, уничтожается, ограничивается, предоставляется, обрабатывается, восстанавливается, передаётся* и др. («*Информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу...*»; «*Информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа)*» [1]). Слово *информация* также может сочетаться с отдельными возвратными глаголами, которые вследствие «лексикализации» форм с постфиксом *-ся* могут рассматриваться вне грамматической системы залогов: *находится, является* [7, с. 527-528; 15, с. 183-184]. Таким образом, термин *информация*, реализуя активную валентность, сочетается с глаголами-сказуемыми, имеющими постфикс *-ся*, т. е. сочетаемость термина *информация* в данной синтаксической позиции является обусловленной.

Во многих контекстах сочетаемость терминов *информация* сохраняются и при его использовании в качестве терминоподструктуры (в структуре составных терминов). Так, в приведённом выше примере «*Информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу...*» допускается замена однословного термина *информация* составными терминами

с опорным термином элементом **информация: документированная информация, компьютерная информация, статистическая информация** и др. Однако «взаимозаменяемым субститутом» любой член ряда одноструктурных терминов быть не может. Ограничения в данном случае связаны с действием экстралингвистических факторов. В принципе к аналогичному выводу приводит анализ синтагматических связей терминов во втором предложении.

Одной из характерных особенностей синтаксического строя текста юридического документа является широкое распространение постпозитивных определений, выраженных причастными оборотами. Такие определения при термине **информация** также характеризуются высокой частотностью: /информация/ *являющаяся, используемая, распространяемая, уничтожаемая, предоставляемая, обрабатываемая, восстанавливаемая, передаваемая, размещаемая, отнесённая, находящаяся, затрагивающая, указанная* и др. («Оператор поисковой системы ... обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет»..., позволяющих получить доступ к **информации** о заявителе, **распространяемой** с нарушением законодательства Российской Федерации, **являющейся** недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя...» [1]; «**Информация, размещаемая** её обладателями в сети «Интернет» в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного её использования,

является общедоступной информацией, **размещаемой** в форме открытых данных» [1]; «Доступ к информации о деятельности судов обеспечивается следующими способами: ... 5) ознакомление с **информацией** о деятельности судов, **находящейся** в архивных фондах...» [2]).

В текстах правового дискурса параллельно функционируют в качестве взаимозаменяемых конструкций конструкции «**информация** + образованное от невозвратного глагола причастие с зависимыми словами» и конструкции с термином **информация**, управляемым соотносительным невозвратным глаголом в форме 3 лица, причём в данном случае термин **информация** проявляет способность реализовать пассивную валентность по отношению к глаголу и в левом, и в правом контексте. Ср.: **информация, размещаемая** её обладателями, – (право)обладатели **размещают информацию; информация, размещаемая** в форме открытых данных, – **информацию размещают** в форме открытых данных.

Проведённый дистрибутивный анализ конструкций, включающих термин **информация** в качестве определяемого компонента и причастный оборот в качестве зависимого компонента, выявил отдельные случаи ограничения сочетаемостных возможностей термина: «Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, **информации**, непосредственно **затрагивающей** его права и свободы»; «...возможность незамедлительного

восстановления **информации, модифицированной** или уничтоженной вследствие несанкционированного доступа к ней...» [1]. Причастия *затрагивающий* (от *затрагивать* – несов. к затронуть – «...|| перен. Оказать воздействие на кого-, что-л. ...» [14, т. 1, с. 586]), *модифицированный* (от *модифицировать* – «Произвести (производить) модификацию (в 1 знач.); видоизменить (видоизменять)» [14, т. 2, с. 286]) сочетаются с термином **информация**, но нарушают нормы современного русского литературного языка сочетания данного термина с соотносительными глаголами (**затрагивать информацию, *модифицировать информацию*), а также и с отглагольными существительными (**затрагивание информации, *модификация информации*). Отсутствие в таких случаях параллельных синтаксических конструкций с личной формой глагола или отглагольным существительным усиливает стилистическую маркированность сочетаний термина **информация** с причастным оборотом.

Активную валентность способен проявлять термин **информация** в сочетаниях с существительными в форме предложного и родительного падежей:

– с существительными в форме предложного падежа: **информация** о получаемых документах; **информация** о наличии персональных данных; **информация** о кадровом обеспечении суда; **информация** о порядке и времени приёма граждан; **информация** о Судебном департаменте; **информация** об органах судейского сообщества; **информация** о деятельности судов и др.;

– с существительными в форме родительного падежа: **информация** справочного характера; **информация** ограниченного доступа и др.

Пассивная валентность термина **информация** в форме родительного падежа реализуется в сочетаниях с управляющими словами – абстрактными существительными, называемыми отвлечёнными понятиями, свойствами, качества, действия и состояния: *восстановление информации, передача информации, документирование информации, разглашение информации, открытость информации* и др.

Расширение сферы употребления того или иного термина, усиление его значимости в терминосистеме вследствие развития номинируемой структуры профессионального знания как определённого фрагмента научной языковой картины мира или появление нового термина актуализирует процессы адаптации такой терминологической единицы к системе языка специальности. Освоение терминологической лексики в гипертексте специальности, в том числе и тексте законодательства, происходит в результате целенаправленной когнитивной деятельности специалистов по существующим в данном дискурсивном пространстве моделям и образцам употребления языковых единиц, наиболее значимых в концептуальном отношении и характеризующихся достаточно высоким уровнем стабильности языковых норм, что свидетельствует о прочности доминирующих связей семантических / концептуальных / когнитивных элементов, представляющих определённые фрагменты языковой картины мира [17]. В качестве примеров обратимся к терминам, получившим в настоящее время широкое распространение в различных сферах информационных правоотношений:

документ – «материальный носи-

тель с зафиксированной на нём в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» [3];

персональные данные – «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [5];

электронная подпись – «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [4].

В текстах юридических документов данные термины реализуют свою активную и пассивную валентность, проявляя «определённые предпочтения» в сочетаемости со словами различных частей речи в различных синтаксических позициях.

Как главный компонент словосочетания термины активно сочетаются с глаголами несовершенного вида в форме страдательного залога (пассивные конструкции), например:

персональные данные: *распространяются, относятся* и др. («...**персональные данные не будут распространяться** без согласия в письменной форме субъектов персональных данных...» [5] (ср.: **если персональные данные распространяются** без согласия в письменной форме субъектов персональных данных...)); «В случаях, установленных федеральными зако-

нами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, указанные **персональные данные относятся** к сведениям, составляющим государственную тайну» [6];

электронная подпись: *признаётся, используется, создаётся, считается* и др. («Квалифицированная **электронная подпись признаётся** действительной до тех пор, пока решением суда не установлено иное...»; «...квалифицированная **электронная подпись используется** с учётом ограничений, содержащихся в квалифицированном сертификате лица, подписывающего электронный документ»; «**Электронная подпись** и подписанный ею электронный документ **не могут считаться** не имеющими юридической силы только на том основании, что сертификат ключа проверки электронной подписи выдан в соответствии с нормами иностранного права» [4]).

С данными терминами частотно употребляются постпозитивные определения, выраженные причастными оборотами.

Термин **документ** в таких конструкциях в текстах информационного права, как правило, употребляется в форме множественного числа, что может свидетельствовать о процессе лексикализации формы множественного числа (преобразовании морфологической парадигмы терминологической единицы и превращении формы множественного числа в начальную форму [18, с. 130]): /документы/ *содержащие, созданные, импортируемые, принятые, носящие, выполненные* и др. («Настоящий Федеральный закон **не распространяется на документы, содержащие личную и (или) семейную тайну...**»; **документы, созданные в**

единичном исполнении...»; «комбинированные документы – совокупность документов, выполненных на различных носителях (печатных, аудиовизуальных, электронных)» [3]).

Термин **персональные данные** изначально является существительным *pluralia tantum*: /персональные данные/ зафиксированные, содержащиеся, сделанные, сообщаемые, касающиеся, обрабатываемые, относящиеся и др. («В общедоступные источники персональных данных с письменного согласия субъекта персональных данных могут включаться его фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, сообщаемые субъектом персональных данных» [5]).

Пассивную валентность проявляют данные термины в форме родительного падежа в сочетаниях с управляющими словами – абстрактными существительными, называющими отвлечённые понятия, свойства, качества, действия и состояния:

термин **документ**: предоставление документа; использование архивных документов; организация постоянного хранения обязательного экземпляра в национальных фондохранилищах документов Российской Федерации; списки рассылки документов несекретного характера; государственная регистрация документов [3] и др.;

термин **персональные данные**: сбор персональных данных; хранение персональных данных; обработка персональных данных; конфиденциальность персональных данных; безопасность персональных данных; предоставление персональных данных; получение персональных данных;

извлечение персональных данных; защита персональных данных; копирование персональных данных; неправомерные действия в отношении персональных данных; защищённость персональных данных; содержание персональных данных; поиск персональных данных; точность персональных данных, их достаточность, а в необходимых случаях и актуальность; неточность персональных данных; законодательство Российской Федерации в области персональных данных и др. [5];

термин **электронная подпись**: проверка подлинности электронной подписи; создание и проверка электронной подписи; средства электронной подписи; факт формирования электронной подписи определённым лицом; недопустимость признания электронной подписи и др. [4].

Таким образом, синтагматика терминологической лексики является её важнейшей языковой характеристикой. В функционировании слова как языковой единицы получают отражение лексические валентности, связанные с определёнными закономерностями сочетаемости слова с другими словами в потоке речи (в контексте), что проявляется в грамматических или семантических характеристиках образуемых синтагм. При этом процессы формирования норм сочетаемости термина (и в грамматическом, и в семантическом аспекте), выработка правил сочетаемости терминологических единиц как реализация когнитивного акта выбора контекстуальных партнёров выражают глубинные логико-смысловые отношения в информационно-правовом дискурсивном пространстве, обусловленные особен-

ностями концептосферы и процессов формирования в данной профессионально-концептуализации специальной информационной области.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
2. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
3. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
6. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).

ЛИТЕРАТУРА:

7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
8. Влавацкая М.В. Валентность как потенциал языковой синтагматики: лексикографический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 46-51.
9. Гак В.Г. Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 79-80.
10. Кубрякова Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 447-448.
11. Кузьмина Е.С. Синтагматика научного текста: автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.01. Российский университет дружбы народов. М., 2005. 32 с.
12. Милевская Т.В. Когнитивная семантика с точки зрения теории связности // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.: труды и материалы. М.: Изд-во Московского университета, 2004. С. 126-127.
13. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 1990. 72 с.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.
15. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
16. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В.А. Белошапковой. 4-е изд., стер. М.: Альянс, 2011. 926 с.
17. Федорченко Е.А. Особенности синтагматики языковых единиц в юридическом тексте // Тезисы докладов участников Международного научного симпозиума «Русская

грамматика – 4.0», Москва, 13–16 апреля 2016 г. / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkin.institute.ru/simposium/RusGram_thesises.pdf (дата обращения: 22.05.2016).

18. Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: монография. М.: МГОУ, 2004. 248 с.

REFERENCES

1. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Elektronnyi resurs]. [Federal law of 27.07.2006 № 149-FL “On information, information technologies and about information protection” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
2. Federal'nyi zakon ot 22.12.2008 № 262-FZ «Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs]. [Federal law of 22.12.2008 № 262-FL “On providing access to information on activities of courts in the Russian Federation” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
3. Federal'nyi zakon ot 29.12.1994 № 77-FZ «Ob obyazatel'nom ekzempljare dokumentov» [Elektronnyi resurs]. [The Federal law from 29.12.1994 № 77-FL “About obligatory copy of documents” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
4. Federal'nyi zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ «Ob elektronnoi podpisi» [Elektronnyi resurs]. [Federal law of 06.04.2011 № 63-FL “On electronic signatures” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
5. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» [Elektronnyi resurs]. [Federal law of 27.07.2006 № 152-FL “On personal data” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
6. Federal'nyi zakon ot 27.05.2003 № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs]. [Federal law of 27.05.2003 № 58-FL “About system of state service of the Russian Federation” [E-source]]. URL: <http://base.consultant.ru/> (request date 14.03.2016).
7. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. M., Vysshaya shkola, 1986. 640 p.
8. Vlavatskaya M.V. Valentnost' kak potentsial yazykovoi sintagmatiki: leksikograficheskii aspekt [The valence potential as the syntagmatics of a language: lexicographic aspect] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. no. 1 (12). pp. 46–51.
9. Gak V.G. Valentnost' [Valence] Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / [Linguistic encyclopedic dictionary] / Chief ed. V.N. Yartseva. 2nd ed., enl. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2002. pp. 79–80.
10. Kubryakova E.S. Sintagmatika [Syntagmatic] Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / Chief ed. V.N. Yartseva. 2nd ed., enl. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2002. pp. 447–448.
11. Kuz'mina E.S. Sintagmatika nauchnogo teksta: avtoref. dis. ... d. filol. nauk: 10.02.01 [Syntagmatic scientific text: abstract of PhD thesis in Philology: 10.02.01]. M., Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2005. 32 p.
12. Milevskaya T.V. Kognitivnaya semantika s tochki zreniya teorii svyaznosti [Cognitive semantics from the point of view of the theory of connectivity] // Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka, Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 18–21 marta 2004 g.: trudy i materialy [Russian language: its historical destiny and present state: II international Congress of Russian language researchers, Moscow, Moscow state University. n. a. M.V. Lomonosov, faculty of Philology, 18-21 March 2004: proceedings and materials]. M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. pp. 126–127.

13. Morkovkin V.V. Osnovy teorii uchebnoi leksikografii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 [Fundamentals of the theory of educational lexicography: abstract of PhD thesis in Philology: 10.02.01]. M., In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 1990. 72 p.
14. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of Russian language: in 4 vol.]. 4th ed., stereotyped. M., Russkii yazyk: Poligrafresursy, 1999.
15. Sovremennyy russkii yazyk: v 3 ch. CH. 2. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Modern Russian language: in 3 p. P. 2. Word formation. Morphology]. M., Prosveshchenie, 1987. 256 p.
16. Sovremennyy russkii yazyk: ucheb. dlya filol. spets. vysshikh uchebnykh zavedenii [Modern Russian language: textbook for philol. spec. of higher education institutions]. 4th ed., stereotyped. M., Al'yans, 2011. 926 p.
17. Fedorchenko E.A. Osobennosti sintagmatiki yazykovykh edinit v yuridicheskom tekste [Features syntagmatics of language units in legal text] Tezisy докладов uchastnikov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Russkaya grammatika – 4.0», Moskva, 13–16 aprelya 2016 g. / Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina [Elektronnyi resurs]. [Theses of reports of participants of the International scientific Symposium “Russian grammar – 4.0”, Moscow, April 13–16, 2016 / State. In-t of Russian Language named after A.S. Pushkin [E-source]]. URL: http://www.pushkin.institute.ru/simpozium/RusGram_thesises.pdf (request date 22.05.2016).
18. Fedorchenko E.A. Stanovlenie i razvitie terminologicheskoi leksiki tamozhennogo dela v russkom yazyke: monografiya [The formation and development of terminology of customs in the Russian language: monograph]. M., MGOU, 2004. 248 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Екатерина Александровна – аспирант гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; заместитель начальника редакционно-издательского отдела Российской таможенной академии;
e-mail: kkatya0203@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Ekaterina – post-graduate student of Institute of Humanities, Severodvinsk branch of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; deputy chief of editorial and publishing office of Russian Customs Academy;
e-mail: kkatya0203@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кузнецова Е.А. О синтагматике терминологической лексики информационного права в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 44–53.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-44-53

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Kuznetsova E. Syntagmatics of terminological vocabulary as specified by Information Law in the Modern Russian Language // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 44–53.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-44-53

УДК 81'373.45

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-54-61

ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

Насырова А.С.

*ФГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» Стерлитамакский филиал
453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются иноязычные слова, прежде всего, термины, используемые в современном газетном тексте в разных функциях, которые выявлены нами в процессе изучения газетного текста. Исследование построено на лингвистическом материале, извлечённом из следующих газет: «Комсомольская правда», «Моя семья», «Московский комсомолец». Демонстрируются основные функции заимствованной лексики: номинативная, коммуникативная, сигнификативная, дефинитивная, когнитивная, эмоционально-экспрессивная. Рассматриваются способы замены дефиниции термина: описание, сравнение.

Ключевые слова: иноязычный термин, иноязычное слово, функция, газетный текст, лингвистический анализ, терминологический фонд, заимствованная лексика.

FUNCTIONS OF FOREIGN WORDS IN THE TEXTS OF MODERN NEWSPAPER

A. Nasyrova

*«Bashkir State University» Sterlitamak branch
49, Lenin pr., Sterlitamak, Russian Federation, 453103*

Abstract. The article analyzes foreign words, first of all, terms used in modern newspaper texts in different functions that we identified in the process of studying newspaper text. The research is based on the linguistic material extracted from the following newspapers: «Komsomolskaya Pravda», «Moya Semya», «Moskovsky Komsomolets». It demonstrates the basic features of borrowed words: nominative, communicative, significative, definitive, cognitive, emotional and expressive. The article discusses the methods of the replacement of the definition of a term: description, comparison.

Key words: foreign language term, foreign language word, feature, newspaper text, linguistic analysis, terminology Foundation, the borrowed lexicon.

Современная русская терминология характеризуется большим количеством иноязычных слов, что является отражением тенденции обогащения терминологического фонда. Данный факт объясняется быстрым темпом развития науки и техники в XXI веке, в результате чего наметилась общая тенденция к увеличению объёма заимствованных лексем в интернациональном терминологическом фонде. В русский язык проникают термины, заимствованные, главным образом,

из английского языка, обозначающие новые явления, процессы, научные направления, не имеющие номинативных эквивалентов в русском языке, так как в российской действительности отсутствуют и сами явления, процессы и т. д. Иноязычные термины из узких специальных сфер со временем постепенно переходят в общенародную сферу употребления, что обусловлено социальной значимостью науки. Цель данной работы – показать особенности функционирования иноязычных лексем и терминов в современном газетном тексте. Наше исследование построено на лингвистическом материале, извлечённом из следующих газет: «Комсомольская правда», «Моя семья», «Московский комсомолец». Мы обратились к функционированию иноязычных слов в газетном тексте как к одному из каналов СМИ, так как именно СМИ отражают ситуации, с которыми связано профессиональное и общенародное употребление заимствованной лексики. Предметом нашего лингвистического интереса являются прежде всего функции терминов, использующихся в современном газетном тексте.

Следует отметить, что некоторые исследователи терминологии рассматривают терминологическую лексику в составе общелитературного языка, не выделяя её в особую подсистему. Так, согласно позиции Г.О. Винокура, «в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально, и термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [5, с. 5]. Как отмечает В.П. Даниленко, «терминология расценивается как подсистема общелитературного языка, то есть терминология находится в пре-

делах общелитературного языка, но на правах самостоятельного сектора» [6, с. 11]. В.М. Лейчик предлагает концепцию «языкового субстрата», в соответствии с которой термин включает следующие слои: а) «естественно-языковой субстрат – материальный (звуковой или графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры; б) логический суперстрат, то есть содержательные признаки; в) терминологическую сущность, то есть содержательные и функциональные признаки» [7, с. 7]. Таким образом, вопрос о самостоятельном статусе терминологической лексики остаётся открытым. Однако следует признать, что терминологическая лексика выполняет ряд функций, что даёт нам основание говорить о её полифункциональности.

Как показывает собранный нами лексический материал, употребляемые в современных газетных текстах иноязычные термины выполняют ряд функций. Так, слова-термины большей частью имеют **номинативное значение** вследствие того, что называют новые явления, предметы реальной действительности. Этой точки зрения придерживались в своих исследованиях Г.О. Винокур, А.А. Реформатский и др. [5; 10; 9; 8]. Например: *Компактный индивидуальный транспортёр **Walk Can** легко помещается в сумку* [КП. 08.08.2015]. Иноязычный варваризм *Walk Can* именуется новым приспособлением, похожее на скейтборд. Это словосочетание можно считать термином, образованным в языке-доноре сложением двух слов: *Walk* (от англ. 'идти, ходить пешком') и *Can* (от англ. 'мочь, возможность').

Особенность термина, выступающего в роли единицы номинации, заключается, по определению В.М. Лейчика, в следующем: «...С помощью терминов называют общие понятия, категории, признаки (свойства) понятий, а также операции (отношения) в различных специальных сферах человеческих знаний и деятельности» [8, с. 63]. Опираясь на полную версию газетной статьи, можно определить отмеченную специфику иноязычного вкрапления в приведённом контексте: 1) общее понятие зафиксировано в заголовке (*планишетный транспортёр*); 2) раскрыты свойства предмета (*выдерживает вес до 120 кг, развивает скорость до 10 км/ч, работает на литиевой батарее, весит от двух до трёх килограммов, заряда хватает на 12 км*); 3) сфера использования термина охватывает общественную жизнь (*ориентация на личные нужды человека*), науку (*конкуренция предметам-аналогам*), производство (*приём заказов, доставка*). Как видим, иноязычное словосочетание *Walk Can* определяет понятие, заключая в себе его существенные признаки.

Следует отметить, что номинативная функция термина характерна для имён существительных. Однако «в качестве терминов могут выступать не только существительные, но и другие части речи. Следовательно, номинативная функция присуща термину не всегда» [11]. Таким образом, можно утверждать, что любой иноязычный термин-существительное выполняет номинативную функцию, прочно закрепляя в себе сведения об именуемом предмете.

С передачей и получением информации в условиях общения связана коммуникативная функция ино-

язычного термина, например: *С появлением новой технологии компания не собирается отступать от своих принципов и останется дискаунтером* [КП. 13.08.2015]. По нашему мнению, заимствованный термин *дискаунтер* передаёт специальную информацию, адекватное восприятие которой зависит от фоновых знаний адресата: *дискаунтер* – магазин с низкими ценами, но узким ассортиментом (от англ. *discount* – ‘скидка’). Адресат должен понять значение термина из сферы торговли, опираясь на общие фоновые знания.

С коммуникативной функцией иноязычного термина тесно взаимодействует **сигнификативная (знаковая) функция**, обеспечивающая эффективность речевого взаимодействия. Продемонстрируем это примером из газетного текста: *Свою разработку они окрестили **Hed-up Display**. Это навигаторы, проецирующие изображение прямо на лобовое стекло автомобиля* [КП. 07.11.2015]. Иноязычному термину *Hed-up Display* присуще общее значение, так как при именовании конкретного предмета – навигатора – происходит обозначение класса предметов, к которому относится *Hed-up Display*, что в переводе с английского означает «голову вверх дисплей». Таким образом, сигнификация позволяет обозначить реальный предмет на основе связи с другими однородными предметами. Следует помнить о том, что специфическим свойством термина является тенденция к однозначности, которая обуславливает реализацию сигнификативных процессов между коммуникантами.

Одной из базовых функций термина, по мнению известного терминоведа

В.М. Лейчика, является **когнитивная функция**, которая определяет термин «как итог длительного процесса познания сущности предметов и явлений объективной действительности и внутренней жизни человека, как вербализацию специального концепта, который первоначально может быть не просто мысленным объектом, но даже проявлением чувственного познания» [7, с. 71].

Основной функцией термина, отличающей его от общеупотребительных слов, является **дефинитивная функция**. Академик В.В. Виноградов высказывал мысль о том, что «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть или является средством чёткого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [4, с. 16]. Следовательно, научный термин должен чётко определять понятие, представлять отличительные признаки именованного объекта. Проиллюстрируем сказанное контекстом с иноязычным словом, являющимся термином: Он рассказывает о том, что элементы системы управления разделили на **hard-skills** (технические системы, процессы и навыки, связанные с выполнением задачи) и **softskills** (человеческие навыки, обеспечивающие эффективность деятельности, включая лидерство, стиль управления, корпоративную культуру) [MKRU. 24.06.2015]. Наличие дефинитива и дефиниции очевидно. *Hardskills* и *softskills* – дефинитив, *технические системы, процессы и навыки, связанные с выполнением задачи и человеческие навыки, обеспечивающие эффективность деятельности, включая лидерство, стиль управления, кор-*

поративную культуру – дефиниции. Итак, исходя из вышеизложенного, видно, что понятие термина связано с дефиницией. Следует заметить, что при лингвистическом анализе иноязычных терминов, функционирующих в публицистическом тексте, мы столкнулись с примерами, в которых отсутствует дефиниция в смысле точного краткого определения, взамен использован другой способ разъяснения термина, что, по нашему мнению, обусловлено употреблением терминов не в научной литературе, а в публицистике:

1. **Описание:** *Беспроводной мост (Wireless Bridge), который позволяет подключать к системе беспроводной передачи данных много устройств* [КП. 03.06.2015]. В данном контексте вся необходимая информация о *Wireless Bridge* выражена описательной частью, введённой в определение союзным словом *который*. Описание позволяет дать информацию, необходимую для раскрытия содержания непонятной иноязычной лексемы.

2. **Отождествление:** *Райдшеринг* (от англ. *ride* – ‘ехать’ и *share* – ‘делить’) – нечто среднее между такси и автостопом [КП. 24.06.2015]. В данном случае используемая синтаксическая конструкция позволяет сопоставить *такси* и *автостоп*, что даёт общее понятие в виде ассоциативного представления о *райдшеринге*. Подтвердим сказанное ещё одним примером: *Монокини* – стильный компромисс между закрытыми купальниками и бикини [КП. 03.06.2015]. В приведённом контексте сравниваются разные виды купальника: закрытый (сплошной) и бикини (открытый, состоящий из двух элементов), на основе чего

создаётся условная дефиниция нового вида купальника – монокини.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: дефинитивная функция иноязычного термина в публицистических текстах является факультативной или диффузной, что обусловлено отсутствием точного научного определения и использованием других способов толкования значения термина, так как публицистический текст адресован массовому адресату, а не узкому кругу специалистов.

Особую часть нашего материала, отобранного из текстов современных газет, представляют иноязычные лексемы, служащие важным элементом для создания экспрессии публицистического текста, прежде всего креативного жанра: анекдота, прикола [Беглова 2007, 2011]. В этом случае реализуется **эмоционально-экспрессивная функция** иноязычного слова, например: *Собирается купец за три моря. Спрашивает дочерей: – Каких гостинцев привезти вам, дочери мои любезные? – Привези мне, батюшка, лекало, – молвила старшая. – Дохтура, что ли? – Да нет, батюшка. Лекало. Чтобы овалы рисовать. И линейку логарифмическую. – На сколько сантиметров, доченька? – Без разницы, батюшка. Запомнишь ли? – Запомню, старшенькая. А тебе чего привезти, средняя дочь моя? – А мне, батюшка, **тестер** привези. – Хлеб до сухаря жаривать чтобы? – Да не **тостер**, батюшка, а **тестер**. Прибор такой. Измерительный. С концами чтобы, зажимами, в чехольчике чтобы. До килоома чтобы. И электронный не бери. Старый хочу. Привычней он мне. – Ох-х-х, – вздохнул отец, – а тебе что привезти, младшенькая? – А мне, батюшка, привези станок фрезерный.*

А ещё – электролобзик, болгарку, перфоратор «бошевский» и электросварку компактную. А электродов не вези, батюшка, я их тут на стройке натырю. – ...! – закручинился отец. – Вы же женщины! Вы же на выданье! Фиг вам, а не электролобзики! Тебе помаду, тебе помаду, а тебе, младшенькая, помаду, лак для ногтей и журнал «Космополитен»! И пока меня не будет, чтоб вышивали крестиком! Ясно? Заборы не строить, канавы не копать, дрова не рубить! Приеду – всех замуж отдам [Моя семья. 20.08.2015]. Начало анекдота задаёт определённый эмоциональный настрой благодаря прецедентному жанру сказки; возникает ассоциация с известной сказкой С.Т. Аксакова «Аленький цветочек». Постепенно эмоционально-психический план в тексте анекдота претерпевает кардинальные изменения вследствие представления необычных просьб дочерей. В известной сказке средняя дочь просила у отца «туалет из хрусталию восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотря в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялася» [1, с. 2]; в анекдоте предметом её желаний выступает *тестер* (от англ. tester – ‘измеритель’) – контрольно-измерительный прибор, применяемый в сфере строительства. На наш взгляд, заимствованная лексема *тестер* является термином, который включаясь в текст анекдота через ассоциацию *туалетный прибор – измерительный прибор*, создаёт юмор и приводит к детерминализации слова *тестер*.

Таким образом, при изучении иноязычной лексики в текстах современной газеты мы пришли к следующим выводам:

1. Иноязычные лексемы, являющиеся терминами, выполняют следующие функции: 1) *общие, кодифицированные*, к которым относятся когнитивная, коммуникативная, сигнификативная функции; 2) *факультативные*: номинативная, дефинитивная, эмоционально-экспрессивная.

2. Выполняя номинативную и сигнификативную функции, иноязычные слова называют новые явления реальной действительности.

3. Коммуникативная функция иноязычного слова-термина связана с передачей и восприятием новой информации.

4. Лингвистический анализ иноязычных слов, функционирующих в современной газете, подтвердил, что дефинитивная функция слова-термина отличает термин от общеупотребительного слова.

5. По нашим наблюдениям за использованием иноязычных лексем в газетных текстах, их часть, являясь смысловым компонентом текстов малых речевых жанров, детерминизируется или используется как средство создания юмора. При этом реализуются эмоционально-оценочная и экспрессивная функции иноязычных слов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков С.Т. Аленький цветочек. М.: Детская литература, 1975. 27 с.
2. Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Монография. М.: МГОУ; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007. 353 с.
3. Беглова Е.И. Вербальная креативность как свойство комического текста // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Выпуск 9. Психолингвистика в образовании: Материалы Всероссийской научной конференции-семинара 18-19 апреля 2011 г. / Отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. С. 45-50.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. школа, 1978. 640 с.
5. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Филологический факультет. Т. V: Сборник статей по языковедению. М., 1939. С. 3-54.
6. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 7-67.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
8. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.
9. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 127-139.
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учеб. для филологического факультета пед. институтов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 544 с.
11. Чистюхина С.Н. О некоторых особенностях и функциях термина // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-i-funktsiyah-termina> (дата обращения: 28.10.2015).

REFERENCES

1. Aksakov S.T. Alen'kii tsvetochek [The scarlet flower]. M., Detskaya literatura, 1975. 27 p.
2. Beglova E.I. Semantiko-pragmatischekii potentsial nekodifitsirovannogo slova v publitsistike postsovetskoj epokhi: monografiya [The semantic and pragmatic potential of tacit words in journalism the post-Soviet era: monograph]. M., MGOU; Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiya, 2007. 353 p.
3. Beglova E.I. Verbal'naya kreativnost' kak svoystvo komicheskogo teksta [Verbal creativity as a property of comic text] // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti. Vypusk 9. Psikholingvistika v obrazovanii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii-seminara 18-19 aprelya 2011 g. [Psycholinguistic aspects of speech activity. Issue 9. Psycholinguistics in education: materials of all-Russian scientific conference-workshop on 18-19 April 2011] / Resp. ed. T.A. Gridina. Ekaterinburg, UrGPU, 2011. pp. 45-50.
4. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about the word]. M., Vysshaya shkola, 1978. 640 p.
5. Vinokur G.O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoi tekhnicheskoi terminologii [Some phenomena of word formation in the Russian technical terminology] // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. Filologicheskii fakul'tet. T. V: Sbornik statei po yazykovedeniyu [Proceedings of the Moscow Institute of history, philosophy and literature. The faculty of Philology. Vol. V: Collection of articles on linguistics]. M., 1939. pp. 3-54.
6. Danilenko V.P. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov [Lexical-semantic and grammatical peculiarities of the words-terms] // Issledovaniya po russkoi terminologii: Sb. st. [Studies on Russian terminology: Coll. articles]. M., Nauka, 1971. pp. 7-67.
7. Leichik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: subject, methods, structure]. Ed. 3rd. M., Izdatel'stvo LKI, 2007. 256 p.
8. Leichik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. Izd. stereotip [Terminology: Subject, methods, structure. Stereotype ed.]. M., Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. 264 p.
9. Moiseev A.I. O yazykovoj prirode termina [On the linguistic nature of the term] // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii [Linguistic problems of scientific and technical terminology]. M., 1970. pp. 127-139.
10. Reformatskii A.A. Vvedenie v yazykovedenie: ucheb. dlya filologicheskogo fakul'teta ped. institutov [Introduction to linguistics: textbook for the philological faculty of pedagogical institutions]. Ed. 4th, rev. and enl. M., Prosveshchenie, 1967. 544 p.
11. Chistyukhina S.N. O nekotorykh osobennostyakh i funktsiyakh termina [Some of the features and functions of the term] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 1. [Theory and practice of social development. 2011. no. 1]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-osobennostyakh-i-funktsiyakh-termina> (request date 28.10.2015)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насырова Алёна Салаватовна – аспирант кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета;
e-mail: alena.murka2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nasyrova Alena – post-graduate student of the Department “Russian language stylistics and journalism”, Sterlitamak branch of Bashkir State University;
e-mail: alena.murka2009@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Насырова А.С. Функции иноязычных слов в текстах современной газеты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 54-61.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-54-61

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Nasyrova A. Functions of foreign words in the texts of modern newspaper // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 54-61.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-54-61

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 Лесков

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-62-69

Н.С. ЛЕСКОВ В ГАЗЕТЕ «СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА»

Калесник Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду творческой деятельности великого русского писателя-классика Николая Семёновича Лескова и медицинской теме его публикаций в киевской газете «Современная медицина» в 1860 году. Показано, что Лесков не только выдающийся оригинальнейший писатель, но и талантливый смелый публицист, а уже в ранних его публикациях можно увидеть особенности литературного стиля будущего мастера слова. В статье утверждается социальная направленность ранней публицистики Н.С. Лескова, её реалистический тип, следование писателя традициям Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: публицистика 1860-х годов, фельетон, формирование писательского стиля Н.С. Лескова, злободневность, гражданская ответственность, ирония.

N. LESKOV AS AN ARTICLE WRITER IN THE “MODERN MEDICINE” NEWSPAPER

E. Kalesnik

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the early period of creative work of the great Russian writer Nikolay Leskov and the medical topic of his articles in Kiev newspaper “Modern Medicine” in 1860. It is specially noted that Leskov is not only an original outstanding writer but also a talented and bold journalist. In his early articles one can see the features of the literary style of the future master of a word. The article states the social focus of N. Leskov’s early works and the realism – how the writer followed N. Gogol’s and M. Saltykov-Shchedrin’s writing traditions.

Key words: publicism of 1860s, feuilleton, the formation N. Leskov’s literary style, actuality, civil liability, irony.

С 1849 по 1857 г. Н.С. Лесков жил в Киеве у своего дяди, известного врача, декана медицинского факультета Киевского университета С.П. Алферьева, где и познакомился с А.П. Вальтером, который впоследствии предложил будущему писателю с пользой применить свой богатый жизненный опыт и написать несколько публикаций на злободневные темы в недавно созданной им газете. Киевская газета «Современная медицина» под редакцией А.П. Вальтера, Г.Д. Деньковского и Ф. Эргардта выходила в печать с начала 1860 года. В целом газета имела научно-популярный уклон, так как Вальтер своим изданием старался прежде всего пропагандировать научные медицинские знания среди широкого круга читателей, видя в этом один из путей прогресса России. Значительное место в газете уделялось положению в обществе врача и медицинской науки. Тип медицинской газеты обусловил и тематику статей начинающего публициста, опубликовывавшего в еженедельнике 5 статей, посвящённых острым вопросам социальной гигиены. Статьи «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» (1860, N 36), «Несколько слов о полицейских врачах в России» (1860, N 39), «Полицейские врачи в России» (1860, N 48), обличающие взяточничество, административные нарушения медицинских чиновников, явились прямым обвинением врачам, забывающим о своём призвании ради корыстных целей. В них впервые Лесков остро ставит вопрос о недопустимости пренебрежительного отношения к человеку в сфере исполнения законов. В этих статьях с наибольшей силой обнаружился и общественный темперамент Лескова-публициста. Статьи были опубликова-

ны в газете в разделе «Фельетон» под псевдонимом Фрейшиц¹.

Первая статья посвящена так хорошо знакомым Лескову рекрутским наборам и беззакониям, творящимся при них. Во время службы помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения Киевской казённой палаты Лесков принимал участие в организации рекрутских наборов, посещал рекрутские присутствия. Знание условий организации рекрутских приёмов «изнутри» помогло будущему писателю создать интересную, реалистичную картину. Фельетон построен как ряд бытовых сценок, зарисовок «с натуры», дающих читателю возможность увидеть сатирически яркие портреты людей, отстранившихся от истинного медицинского призвания и превратившихся в «сотрудников общественных неправд» [5, с. 645]. Такая композиция, а также использование повтора слов «Я помню» дают возможность читателю поверить в подлинность всего сказанного публицистом. Тема статьи была актуальна. В это время назревала военная реформа, одной из предпосылок к которой было поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., показавшее неспособность рекрутской системы поддерживать боеспособность русской армии, в чём многие винили чиновничий произвол, царящий при рекрутских наборах. Эти беззакония приводили к задержке поставок рекрутов в армию, к замедлению темпов её комплектования. С другой стороны, в период подготовки отмены крепостного права остро встал вопрос об отмене рекрутской повинности как

¹«Вольный стрелок» – имя персонажа одноимённой оперы немецкого композитора Вебера, имевшей чрезвычайный успех в то время.

одной из тяжелейших для податного населения России, прежде всего крестьян и мещан.

Возмущение автора вызывают те представители врачей рекрутских присутствий, которые зачисляются на службу или признают негодными к службе только в соответствии с «гонорарием», который они за это получают. Лесков зло высмеивает самодурство и самоуправство местных властей и полное бесправие маленького человека перед произволом начальства, представляя читателю серию картин, ужасающих именно своей обыденностью. В частности, писатель рассказывает о самой постоянной форме произвола, происходившей при наборе: в обход закона в рекруты забирали и семи-, и восьмилетних детей евреев, хотя по закону рекрутству подлежали еврейские дети, достигшие 12-ти лет. Внимание к народной речи, её экспрессивно-выразительным возможностям создаёт ощущение живого присутствия. Писатель активно использует диалектные слова и фонетические особенности произношения, рассказывая о жребии семилетнего еврейского мальчика, которого выдают за двенадцатилетнего, когда «отдатчик представляет присяжное разыскание шести евреев, что они “достаточно знают, что Мордке такому-то уже минуло двенадцать лет” <...> а мать Мордки представляет другое присяжное разыскание, других или иногда и тех же шести евреев (у нас это нипочём), удостоверяющее, что они “достаточно” знают, что Мордке пошел только 7-й год от роду. Тогда дело решается по наружному виду, в сторону того, чья возьмёт» [5, с. 641-642], и, в конечном итоге, судьба ребёнка зависит от того, кто больше заплатит.

Лесков мастерски воспроизводит подробности незаконных сделок: «В недавние ещё времена рекруты, входя в присутственную камеру, брали в рот полуимпериял, и член-врач, осматривая рот, искусно манипулировал монетой в свой карман <...>. Теперь эти приёмы вывелись из обыкновения и заменены предварительными сделками» [5, с. 636-637], во время которых член-врач договаривается с откупником о том, как опознать его в присутствии: «Опытный член-врач достигает этого просто: он научает одного не раскрывать рта, другого сказать, что он “на парах сидел”, третьего объявить выпадение кишки и т. п., дело идёт как по маслу, ошибок не бывает» [5, с. 636]. Живая динамичная сценка рисует единственную оставшуюся сделку, не имеющую предварительного характера, так называемое «забракование по случаю выпадения заднепроходной кишки» [5, с. 637]. Автор использует интересный сатирический приём, строя предложения плавно, с большим количеством эпитетов и однородных членов, содержанием превращая лирическую интонацию в обличительную. Применение скопления необычных, поразительных деталей, сатирическое воодушевление публициста усиливают впечатление того ужаса, который производит чудовищная практика вербовщиков. Будущий писатель виден в начинающем публицисте и тогда, когда он показывает распределение «ролей» в деле набора рекрутов, используя приём передачи косвенной речи одного из персонажей: «Я хорошо помню знаменитого “ундера” Данилу Хвёдоровича, который обыкновенно внушал отдатчикам, что вся сила он да лекарь, а дочтера и приёмщика надо так только по

губам помазать, письмоводителю можно дать, можно и не дать...» [5, с. 638].

В.В. Леденёва пишет о важности для Лескова «обретения внутренней поддержки в «диалогах» с поэтом» Лермонтовым [3, с. 13], эту же поддержку ищет Лесков в диалогах с Гоголем и Салтыковым-Щедриним. Воспроизводимые Лесковым сцены легко можно представить и на страницах гоголевских повестей, и на страницах очерков Салтыкова-Щедрина: «Член-врач и “дохтер” всегда состоят в самых интимных отношениях с меровым “ундером” и не могут без него обходиться <...>. Тронется “ундер” за правый ус – значит смазано, чтобы принять. Тронется за левый – смазано, чтобы обраковать. Поправит “амуницу” – ничего не дали. Лекарь и ундер – это Орест и Пилад, им расходиться никак нельзя» [5, с. 638-639]. Единственным контролем медицинского произвола является переосвидетельствование «забракoванного» рекрута по жалобе сдатчиков, которого никто не боится, так как врачи делятся взятками с начальством. Рассказывая о таких случаях, Лесков обличает и непрофессионализм многих людей, причастных к медицинскому делу: «Я помню одного оператора врачебной управы, престарелого старца, белого, как лунь <...> в городе, где он состарился, им не сделано ни одной операции <...>; причём однажды случилось, что вместо “оператор управы” он написал дрожащею рукою “губернатор управы”» [5, с. 642-643]. Рисуя внешний облик этого оператора, автор прежде всего подчёркивает непригодность его к тому делу, к которому он приставлен. С внешностью старца гармонирует и его речь. Еле-еле, без всякого выражения, он говорит «каким-то

тупым, беззвучным голосом» [5, с. 642], видимо, за много лет заученную фразу: “Нет, не годится, совсем не годится”» [5, с. 642-643]. И говорит, и действует оператор как бездушный автомат. Создаётся образ, очень напоминающий кукол-чиновников из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Искусство карикатуры очень сильно и при описании инспектора, прибывающего иногда на процедуру переосвидетельствования, хотя здесь вместо подробной портретной зарисовки даётся только одна черта, определяющая внутреннее содержание персонажа. Нескольких штрихов достаточно, чтобы перед читателем предстала вся бесполезность такого осмотра: «Прибывал иногда и сам инспектор, имевший привычку таскать из носа безымянным пальцем левой руки пригарки, которые он переносил сначала в рот, а после ошмыгивал об панталоны, – но сущность диагноза и правда дела от этого нисколько не выигрывали» [5, с. 643]. В этих образах публицист сознательно выделяет черты, в которых видит сущность действующего медицинского контроля – смешную бесполезность. Поэтому оператора и инспектора Лесков сравнивает с крысами, снившимися Сквознику-Дмухановскому: «Пришли, понюхали и пошли прочь» [5, с. 643]. Многочисленные отсылки к гоголевскому «Ревизору», рассчитанные на ассоциации, возникающие у читателя, создают доверительные отношения между ним и автором, вызывают в памяти читателей аналогичные ситуации, характеры, тем самым усиливают авторский голос, показывают жизненность и глубину раскрываемой публицистом темы. Мы видим, как язык Лескова приспособляется

к ситуации. Писатель использует и славянизмы, и народные пословицы, и просторечную лексику, и вульгаризмы. Простонародный язык часто смешивается с административными терминами и с высоким ораторским слогом, например, в конце статьи, когда писатель использует риторические вопросы: «Долго ли еще медицинское сословие будет поставлять адептов зла возмущающим душу бесчеловечным таинствам рекрутских присутствий? Долго ли сословие врачей будет позориться этими манипуляторами...» [5, с. 644-645]. «Закон – что конь, куда повернёшь, туда и поедешь» – так характеризуется публицистом основополагающий, по его мнению, принцип исполнителей законов. Лесков очень искренен в своём представлении о том, что закон только тогда закон, когда он соблюдается всеми, и, отводя важнейшую роль медицинским реформам, подчёркивает, что их исполнителями обязательно должны быть люди, искренне желающие уничтожить рекрутскую взятку. Заключительная строка наполняется ироничным сожалением-призывом: «Эх, метлу бы, метлу нужно в наши рекрутские присутствия» [5, с. 645]. Эта статья особенно важна, так как в ней содержится множество зачатков будущего таланта Лескова, тех только ему свойственных черт, которые будут потом являться основными типологическими характеристиками его как писателя. Это и репортажность манеры повествования: создание эффекта присутствия, динамизм, наглядность; и мастерское владение языком: народность, точность, пластичность, использование словонувшеств, интересных словечек, например, «слезопийцы».

Не потеряла остроты за много лет и тема следующей статьи «Несколько слов о полицейских врачах в России», посвящённой коррупции городских и уездных врачей. С 1819 года в состав министерства внутренних дел входил департамент медицинской полиции, и врачебные управы, в лице городских и уездных врачей, выполняли функции медицинского полицейского надзора за доброкачеством продуктов, ведением следственных дел и т. п. Таким образом, врачи эти являлись скорее чиновниками, чем практикующими медиками. Снова обличительный настрой становится преобладающим в изображении жизни медицинского чиновничества. Публицист показывает, что люди, которым надлежало быть идейными вдохновителями медицинского дела, заботятся лишь о собственных интересах, их сердце и ум порабощены корыстолюбием. А самое ужасное заключается в том, что взятка стала нормой. Эпиграфом к своему повествованию Лесков берёт цитату из гоголевского «Ревизора», которая предваряет будущий разговор, определяет основную идею статьи и настраивает на диалог с читателем: «Это уж так самим Богом устроено, и волтерянцы напрасно против этого восстанут» [6, с. 689]. Эта статья не является собственно полемикой, но полемический настрой проявляется и в построении материала в соответствии с логикой ведения спора, и в использовании системы доказательств, порой – приёмов ораторского стиля, во вступлении автора в диалог с читателем-оппонентом, где автор стремится большую часть читательской аудитории привлечь в союзники. Очень часто полемика Лескова строится по схеме триады: образ – па-

радокс – вывод. Таково начало статьи, где автор рассказывает, что городской и уездный врач, получающий крошечное жалование – 200 рублей в год, в многолюдном городе из-за большой конкуренции ещё должен был бы испытывать и недостаток в медицинской практике. Однако, продолжает Лесков, «чем более, многолюднее и развитее в коммерческом отношении город, тем богаче его городской врач, тем равнодушнее он к практике и нередко смотрит на неё с совершенным презрением. <...> таинственная рука, питающая городских и уездных врачей, есть взятка, взятка и взятка» [6, с. 690-692]. Публицист размышляет, анализирует, выстраивает цепь аргументов. Лесков условно разделяет взятки на две части: «текущие» и «экстренные». Лесков подсчитывает по «семи статьям» [6, с. 693], составляющим в среднестатистическом городе содержание первых, и вторых – «экстренных» взяток, которые берутся за «акты осмотров, составляющие чувствительную статью в стране, где много праздников, проводимых в пьянстве и драках, судебно-медицинские вскрытия, привоз несвежих и подозрительных продуктов, перегон скота и, наконец, рекрутские наборы, когда таковые случаются на слёзы человечества и на радость городских и уездных врачей...» [6, с. 696], которых сравнивает с гоголевскими персонажами Добчинским и Бобчинским. Автор апеллирует не только к разуму: публицистический текст эмоционально насыщен, в нём представлены различные стилистические фигуры, например, нелепая формулировка в резолюции уездных врачей «мёртвое тело приобщить к делу» [6, с. 697], цель которых – не только высмеять изображаемое явление, но

передать читателю накал владеющих автором чувств, возбудить в читателе желание действовать. С искренней горечью Лесков произносит слова, которые и сейчас не потеряли своей актуальности: «Чиновник, берущий взятку, иногда обманывает свою совесть тем, что эта взятка — безгрешная благодарность, что она взята только за ускорение дела, и привычная совесть спит под пошлый лепет этой песни, сочинённой чернильным воображением» [6, с. 693]. По мнению Лескова, взятка вообще «непозволительна в глазах человека развитого» [6, с. 692], а «городской и уездный врач не может ничем извинить свою взятку, она есть всегдашнее вымогательство или подкуп на зло, на обман, на подлог» [6, с. 693]. Лесков не ограничивается только обличениями, завершая свою статью критическим заключением, где указывает путь выхода из сложившейся ситуации – коренная медицинская реформа, причём первостепенную роль в ней автор отводит улучшению материального положения врачей. В этой статье нет каких-то конкретных образов, а образ врачей-взяточников здесь собирательный. Но даже не рисуя их внешний портрет, публицисту удаётся раскрыть сущность проблемы через искусно переданную комичную косноязычную речь героев своей статьи – полицейских врачей. Этот приём помогает читателю увидеть нелепость и безнравственность существующей системы: «До тех же поры будем читать безобразные и бессмысленные акты, вроде следующих: «Такой-то, от тяжких побоев, не видя глазами зрения, впал в беспамятство» [6, с. 698-699].

Статья о полицейских врачах привлекла к себе внимание общества, и

так как редакция «Современной медицины» соглашалась печатать и тех, чьи позиции не вполне совпадали с их собственными, оставляя за собой право комментария этих публикаций, то уже в № 39 появилась статья, подписанная неким Ф. Б., – «Несколько мыслей против несколько слов г. Фрейшица о полицейских врачах в России», в которой Ф. Б. обрушился с критикой на заметку Лескова, обвиняя его в популизме, в желании затронуть заведомо острую тему, пользующуюся вниманием публики. Редакция газеты уже в подстрочных примечаниях к статье Ф. Б. несколько раз выражала несогласие с позицией автора, заступаясь за Лескова. Но Лесков сам ответил на фельетон Ф. Б. статьёй «Полицейские врачи в России (статья Н. Лескова по поводу статьи г. Ф. Б.)», подписавшись в этот раз своим именем и показав таким образом мужество, которого не имел Ф. Б., не захотевший раскрывать свою личность. Это была первая полемика Лескова в печати, показавшая, что главным своим оружием в борьбе с противниками

он делает стремительный ответ, едкую иронию. На статью о полицейских врачах откликнулось более 15 читателей, в основном разделяющих позицию автора в стремлении избавить врачей от нищеты, бюрократических ограничений, изменить равнодушное отношение общества к их проблемам.

В целом эти статьи Лескова соответствовали духу времени – многие писатели и публицисты размышляли о причинах неустойчивости русской жизни, и по характеру эти фельетоны близки к распространённому в то время жанру обличительных очерков. Но, хотя фельетону, имеющему в то время большое воздействие на аудиторию, свойственны были разоблачения и обличения, суть этих фельетонов Лескова не сводится только к бытописанию, иронии и сарказму, но обобщает те или иные явления, исследует причины их возникновения в обществе; автор пытается повлиять на существующую действительность и нравы. Любое зло, по мысли писателя, совершается прежде всего с молчаливого согласия каждого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа. 1973. 464 с.
2. Заславский Д. И. Фельетон в газете: лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦКВКП(б). М., 1952. 28 с.
3. Леденёва В.В. Прецедентное имя Лермонтов в текстах Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 8-13.
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т., М.: Художественная литература, 1984. Т. 1, 479 с., Т. 2. 607 с.
5. Лесков Н.С. «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» // Современная медицина. 1860, № 36. С. 633-645.
6. Лесков Н.С. Несколько слов о полицейских врачах в России // Современная медицина. 1860, № 39. С. 689-699.
7. Лесков Н.С. Полицейские врачи в России (статья Н. Лескова по поводу статьи г. Ф.Б.) // Современная медицина. 1860, № 48. С. 842-849.
8. Jean-Claude Marcadé Les débuts littéraires de Leskov (L'activité journalistique, 1860 – mai 1862) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. Numéro 22-1. pp. 5-42.

REFERENCES

1. Zapadov A. V. Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov [History of Russian journalism XVIII–XIX centuries]. M., Vysshaya shkola, 1973. 464 p.
2. Zaslavskii D. I. Feleton v gazete: lektsii, pročitannye v Vysshei partii noi shkole pri TSKVKP(b) [Feuilleton in the newspaper: a lecture delivered at the Higher party school under CCARCP(b)]. M., 1952. 28 p.
3. Ledeneva V.V. Pretsedentnoe imya Lermontov v tekstakh N.S. Leskova [Case-name of Lermontov in the texts of N.S. Leskov] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2014. no. 4. pp. 8-13.
4. Leskov A.N. Zhizn' Nikolaya Leskova: Po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisyam i pamyatyam. V 2-kh t. [The life of Nikolai Leskov, In his personal, family and non-family records and memories. In 2 volumes.]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1984.
5. Leskov N.S. Neskol'ko slov o vrachakh rekrutskikh prisutstvii [A few words about doctors of recruiting presences] // Sovremennaya meditsina. 1860. no. 36. pp. 633-645.
6. Leskov N.S. Neskol'ko slov o politseiskikh vrachakh v Rossii [A few words about the police doctors in Russia] // Sovremennaya meditsina. 1860. no. 39. pp. 689-699.
7. Leskov N.S. Politseiskie vrachi v Rossii (stat'ya N. Leskova po povodu stat'i g. F.B.) [Police doctors in Russia (article N. Leskov about the article of mr. F. B.)] // Sovremennaya meditsina. 1860. no. 48. pp. 842-849.
8. Jean-Claude Marcadé Les débuts littéraires de Leskov (L'activité journalistique, 1860 – mai 1862) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. Numéro 22-1. pp. 5-42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калесник Елена Юрьевна – учитель русского языка и литературы МОУ СОШ №3 г. Серпухова, аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: helirmai@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. Kalesnik – Russian language and literature teacher in Serpukhov School #3, post-graduate student of the Department of Classic literature at Moscow State Region University;
e-mail: helirmai@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Калесник Е.Ю. Н.С. Лесков в газете «Современная медицина» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 62-69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-62-69

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Kalesnik E. Leskov as an article writer in the “Modern Medicine” newspaper // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 62-69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-62-69

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78

ЛИРИКА В. ШАЛАМОВА: ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ КАК ЦЕЛОСТНОСТИ

Кротова Д.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу малоизученного аспекта творчества В. Шаламова. Доказывается, что в лирике Шаламова нашло отражение свойственное поэту восприятие жизни как целостности, вследствие которого поэзия Шаламова воссоздаёт вполне разностороннюю и по-своему гармоничную картину мира. Автор статьи приходит к выводу о том, что основой творчества Шаламов считал не только лично пережитый им тягостный опыт, но жизнь как таковую с её органическим течением. Отмечается, что важнейшую роль в мировосприятии Шаламова играет идея противопоставления живой жизни и механического схематизма в любых его формах. Выстраивается ряд параллелей с творчеством Пастернака: выявлены сходства и различия особенностей мировосприятия двух поэтов. Обосновывается важнейшая для Шаламова идея о том, что не только жизнь определяет ход творчества, но и творчество воздействует на течение жизни.

Ключевые слова: Шаламов, мировосприятие Шаламова, основы творчества, поэзия Шаламова, пейзажная лирика, Шаламов и Пастернак.

SHALAMOV'S POETRY: THE PERCEPTION OF LIFE AS WHOLENESS

D. Krotova

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 1 build. 51 Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article is devoted to insufficiently studied aspect of V. Shalamov's creativity. It is proved that Shalamov's works are a reflected perception of life as a wholeness, and that leads to quite versatile and harmonious picture of the world in Shalamov's poetry. The author of the article comes to the conclusion that as the basis of his creativity Shalamov considered not only his personally endured painful experience, but also life itself with its organic flow. It is noted that in Shalamov's worldview very important role is played by the idea of opposition of life itself and mechanical schematics in any of its forms. The article builds a number of parallels with Pasternak's creativity: reveals the similarities and differences in worldview of the two poets, and explains Shalamov's important idea that not only life determines the course of creativity, but creativity influences the life.

Key words: Shalamov, Shalamov's worldview, foundation of creativity, Shalamov's poetry, landscape lyrics, Shalamov and Pasternak.

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, является одним из принципи-

© Кротова Д.В., 2016.

ально значимых и, быть может, наиболее дискуссионных для исследователей творчества В. Шаламова. Правомер-

но ли вообще говорить о восприятии жизни как целостности по отношению к этому писателю и поэту? Быть может, судьба Шаламова, искалеченная почти двадцатью годами лагерей, не оставляла возможности для подобного взгляда на жизнь? Позволял ли страшный опыт Шаламова видеть сколько-нибудь гармоничную и разностороннюю картину мира, преодолеть разорванность отдельных восприятий?

Справедливо было бы ожидать от лирики и прозы Шаламова, в первую очередь, документального и эмоционального воссоздания лагерного опыта, нечеловеческого страдания, которое поэт испытал за эти годы. Размышляя о поэтическом наследии Шаламова, вполне закономерно предположить, что его стихи будут наполнены прежде всего болезненным отражением пережитого. В ряде случаев подобные ожидания оказываются оправданными – действительно, у Шаламова читатель находит целый ряд текстов глубоко драматического содержания. Достаточно вспомнить стихотворения «В этой стылой земле, в этой каменной яме...», «Скоро в серое море...», «В закрытой выработке, в шахте...» или ещё одно краткое, но столь ёмкое эмоционально и содержательно стихотворение из сборника «Синяя тетрадь»:

*Как ткань сожжённая, я сохраняю
Рисунок свой и внешний лоск,
Живу с людьми и чести не роняю
И берегу свой иссушённый мозг.*

*Всё, что казалось вам великолепьем,
Давно огонь до нитки пережёт.
Дотронься до меня – и
я рассыплюсь в пепел,
В бесформенный, аморфный порошок
[4, с. 48].*

Стихотворение о том, как страшно сказало пережитое на человеке – душа будто выжжена, и осталась даже не рана, которая болела бы и кровоточила, а лишь дотла перегоревший, сожжённый «остов», контуры уничтоженного пространства души.

Конечно, эта грань творчества Шаламова обладает необычайной значимостью, и вполне естественно, что читательское внимание обращается, в первую очередь, именно к ней. Но в поэзии Шаламова есть и совсем иной образный и содержательный план, пока ещё менее исследованный:

*Мне жизнь с лицом её подвижным
Бывает больше дорога,
Чем косность речи этой книжной,
Её бумажная пурга.*

*И я гляжу в черты живые
Издалека, издалека.
Глухие дали снеговые
Меня лишили языка [4, с. 312].*

Процитированные первые строфы стихотворения отчётливо говорят о том, что именно является главным художественным ресурсом поэта, основой его творчества – это жизнь как таковая в любых её проявлениях, «черты живые» бытия. Поэт говорит о «подвижном лице» жизни, которое ему столь дорого, о своём стремлении понять, уловить, верно отразить его в своих стихах. Исключительная душевная сила, которой обладал Шаламов, позволяла ему ощущать проживаемую жизнь не только как пытку и муку, но и как благо, и считать жизнь саму по себе с её органическим течением основой творчества и чем-то неоспоримо ценным.

В приведённых строфах выражена и идея противопоставления живой жизни и бумажной «пурги», «речи

книжной», т. е. придуманных слов, предвзятых суждений, вообще любой искусственности. Слова о «речи книжной» вовсе не означают, что Шаламов отвергал литературную традицию и вообще писательское или поэтическое творчество как таковое. Как раз напротив, он считал именно поэтическое слово высшей ценностью и даже говорил о том, что «кроме поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу» [4, с. 484]. Цитированные строки говорят не об отторжении этой традиции, а о предпочтении логики самой жизни перед какими бы то ни было схемами.

Сходное противоположение читатель встречает и в целом ряде других стихотворений Шаламова:

Не в пролитом море чернил
Мы ищем залого успеха, –
Мы ищем, что мир схоронил,
Себе схоронил на потеху.

Что он от других уберёт,
Таких же строителей жадных,
Умеющих кайлами строк
Врубаться в словарь беспощадно [4, с. 322].

Здесь находит выражение та же идея: импульс подлинного творчества («залого успеха») лежит не в книжной выдумке, «не в пролитом море чернил», а в самой жизни, её органическом движении.

Цитируемое стихотворение представляет собою и размышление о творческом процессе как таковом – и автор настаивает на том, что в основе творчества лежит прежде всего интуитивный, рационально не объяснимый путь постижения мира. А в последней строфе стихотворения, как и в его начале, «могущество книг» вновь сопоставлено с большим могуществом – самой жизнью:

Но золото скрыто на дно,
И эту тяжёлую тайну
Записывать нам суждено
Воистину только случайно.

Случайно руда найдена,
Хотя полноценна и щедра,
И будто до самого дна
Земли открываются недра.

И можно порвать черновик
И лёгкой походкою зверя
Уйти от могущества книг,
В могущество леса поверя [4, с. 322].

Когда размышляют о даре постижения и ощущения «органики жизни», то часто вспоминают о лирике и прозе Б. Пастернака. Пастернак с юности и до самых поздних лет обладал удивительным ощущением жизни как чудесного дара, как счастья, он был наделён способностью видеть красоту в самых, казалось бы, обычных, повседневных вещах, чувствовать «поэзию обыденного» – «дар крайне редкий у русского человека, поглощённого глобальными проблемами и не видящего того, что рядом» [1, с. 171]. Пастернак, ещё в юности назвавший жизнь своей «сестрой», до последних дней смотрел вокруг себя с любовью, и всё, «что рядом», неизменно становилось органической частью его поэтического мира.

Безусловно, понимание и восприятие жизни у Шаламова было иным, нежели у Пастернака, – совсем разным было личностное устройство двух поэтов, разной была природа их дарования, наконец, кардинально отличались внешние обстоятельства жизни. Поэтому и «сама поэтика Шаламова принципиально другая» [2, с. 203]. Но дар «восхищения жизнью», чувство «волшебных дрожжей существования» (как определял эти особенности мироощущения автор «Доктора Живаго»)

были свойственны Шаламову отнюдь не в меньшей степени, чем Пастернаку, – хотя, конечно, это проявлялось в лирике Шаламова совершенно иным образом. Так, «поэзии обиденного» в стихах Шаламова меньше, чем в пастернаковской лирике и прозе (в силу понятных причин: лагерные условия, в которых Шаламов находился почти двадцать лет, не давали повода к одухотворённо-лирическому восприятию бытовых деталей, да и самих этих деталей в лагерном бараке попросту не было). У Шаламова чуткость к «органике жизни» выражается скорее не в том, что «его взгляд эстетизирует всё, что попадает в поле зрения героя» [1, с. 171], а в ощущении своей причастности – гармоничной причастности! – к общему ходу существования. Об этом Шаламов многократно говорил в своих стихах:

*Мир отразился где-то в зеркалах.
Милльон зеркал тёмно-зелёных листьев
Уходит вдаль, и мира лёгкий шаг –
Единственная из полезных истин.*

*Уносят образ мира тополя
Как лучшее, бесценное изделие.
В пространство, в бездну пущена земля
С неоспоримой, мне понятной целью.*

*И на листве – на ветровом стекле
Летящей в бесконечное природы,
Моя земля скрывается во мгле,
Доступная познанию небосвода* [4, с. 429–430].

Единственной истиной становится «мира лёгкий шаг» – течение самой жизни, которое поэт слышит и чувствует безошибочно. Сам мировой процесс и даже смысл бытия оказываются интуитивно ясны и понятны поэту: «в бездну пущена земля // С неоспоримой, мне понятной целью». Это стихотворение, написанное, когда

Шаламову было шестьдесят три года, далеко от юношеских пастернаковских строк «Я понял жизни цель и чту // Ты цель как цель...», но ощущение мира, выражаемое обоими поэтами (в столь непохожей, даже контрастной форме) оказывается сходным: гармоническое созвучие своего собственного, частного существования – и всеобщего, природного, мирового, органическая соотнесённость своего «я» со вселенским пространством и стихиями.

Не случайно объектом поэтической рефлексии Шаламова так часто становится мир природы – именно она для Шаламова «оказывается самой прочной связью с вечностью» [7, с. 228]. Шаламов, как и Пастернак, тоже с любовью отмечает детали – но те, что связаны в большей степени не с бытовым, а именно с природным миром:

Боже ты мой, сколько
Солнечных осколков
На тугом снегу,
Для кого же нужно
Скатертью жемчужной
Застилать тайгу?
...
Зайцам и лисицам
Скатерть не годится,
Слишком ярок блеск,
Слишком блеск тревожен.
Заяц осторожен
И укрылся в лес.

Заячьей дорогой,
Подождав немного,
Поплелась лиса.
Снова молчаливы,
До смерти пугливы
Белые леса.

Доставят олени,
Вставши на колени,
Из-под снега мох.
Кто бы, видя это,
Воспитать эстета
Из оленя мог?

...
 Ну, а нынче всё же
 Кто же видит, Боже,
 Краски красоты?
 Кто понять их может,
 Кто же, светлый Боже, –
 Только я да Ты [4, с. 21-22].

Шаламовский взгляд подмечает и «осколки» солнца, и «жемчужную скатерть» снега с её тревожным блеском, и оленей-«эстетов» (и пусть, прочитав это стихотворение, кто-нибудь скажет, что творчество Шаламова лишено юмора!). «Краски красоты» природного мира, восхищение тем, что вокруг, – всё это наполняет шаламовскую лирику. «Спектральные цвета // Сверкают в лунном нимбе, // Земная красота // На небеса проникла» [4, с. 30], – о земной красоте Шаламов написал удивительно много стихов.

У Шаламова любой пейзаж всегда «говорит по-человечески» [4, с. 391], т. е. так или иначе преломляет и отражает мысли и чувства – об этом свойстве своих природных картин Шаламов много размышлял и в лирике, и в статьях (например, в эссе «Кое-что о моих стихах», «Пейзажная лирика» [5]). В шаламовских пейзажах читатель имеет дело «не просто с перенесением человеческих свойств на природу, не просто с её очеловечением. Это не только поэтическое сближение двух миров, но их взаимопроникновение, их редкостная слитность, когда одно просвечивает сквозь другое» [6, с. 53]. Но сами природные картины у Шаламова нередко лишены непосредственного присутствия человека, перед взглядом читателя в лирике Шаламова – собственно природа, а не люди. Иногда человеческое присутствие как таковое будто бы и не мыслится в изображае-

мой картине – воссоздаётся облик мира «дочеловеческого», человек словно ещё не создан, не появился, и органика природы существует сама по себе:

Ещё в покое всё земное,
 Ещё не вырвался гудок
 В глухое царство ледяное
 Медвежьих и людских берлог.
 Пустуют синие дороги,
 И небосвод отменно чист,
 Висит перед глазами Бога
 Весь мир как ватмановский лист.
 Ещё без третьих измерений
 Он весь как плоскость, как чертёж,
 Предшествующий сотворенью,
 На землю вовсе не похож.
 Любое в нём чертою резкой
 Себя граничит от других,
 Он разноцветен, точно фреска,
 В такой перед гудочный миг [4, с. 328].

Природный мир как таковой – эта грань «органики жизни» становится для Шаламова особенно важной и ценной. Хотя и тот ракурс восприятия действительности, о котором уже упоминалось, – умение ценить бытовые проявления жизни, «поэзия обыденного», – тоже присутствует у Шаламова. На протяжении многих лет Шаламов был лишён дома, и дом был для него образом мечты, недоступного счастья:

Я хочу, чтоб среди метели
 В чёрной буре снеговой,
 Точно угли, окна тлели,
 Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
 Жили пламени цветы,
 И чтоб тёплый и нестрашный
 Тихо зверь дышал домашний
 Среди домашней темноты [4, с. 404].

Художественное целое создаётся здесь именно благодаря деталям – светящиеся среди метели окна, горящий очаг и, конечно, мирное дыхание до-

машного зверя – кошки (для Шаламова уютный дом без кошки был, кажется, немислим – те, кто знал Шаламова, говорили о его привязанности к кошке Мухе, которая даже стала персонажем нескольких его стихотворений).

Другое стихотворение, «Исполнение желаний», тоже рисует мир воображаемого счастья – дом, покой, тепло, еда. Здесь поэтически изображаются детали, казалось бы, совсем приземлённые – чавканье над миской с горячим супом, храп задремавшей хозяйки или капли пота на её лице. Казалось бы, всё вокруг так просто и понятно – печка и ухват, миска и ложка, но на всех этих простых бытовых вещах лежит будто бы ореол святости, и ужин в доме, наполненном теплом и человеческой добротой, становится для героев стихотворения настоящим таинством:

В избе дородная хозяйка,
Лоснящаяся, как зверь,
Кладёт на койку балалайку
И открывает смело дверь.
...
И, как гомеровская баба,
Она могуча и сильна.
И нам, измученным и слабым,
Чудесной кажется она,

Когда, сменив в светце лучину,
Мурлыча песню, шерсть прядёт,
И плечи кутает в овчину,
И вытирает жаркий пот,

И, засыпая над работой,
Не совладавши с дремотой,
Храпит, и в блеске капель пота
Преображается святой.

Мы дружно чавкаем над миской
И обжигаем супом рты,
И счастье к нам подходит близко,
И исполняются мечты [4, с. 171-172].

Капли пота превращаются в лучистый, сверкающий нимб, горячая, об-

жигающая еда – в нектар, а женщина за прялкой – в непредставимое чудо. «Поэзией обыденности» напитана лирика Шаламова, и в этом тоже проявляется чувство органической сопричастности поэта к жизни.

В лирике Шаламова, конечно же, чрезвычайно значима и другая грань: протест, отторжение, трагическое переживание – как частного, так и социального, и бытийного плана. «Пафос обличения и клятвы» [3, с. 214] в творчестве Шаламова чрезвычайно силён. Шаламову было свойственно ощущение жизни как боли, болезни, напрасного страдания. Именно таков спектр восприятия, выраженный в стихотворении из цикла «Кипрей»:

Бормочут у крыльца две синенькие галки,
И воду воробей из лужи важно пьёт.
Щегол уж не творит, а шпарит по шпаргалке –
Я с детства заучил порядок этих нот.
Но прелесть детских лет – не больше,
чем невзгода,
Чем тяжесть страшная на памяти моей.
Мне совестно взглянуть под купол небосвода,
Под купол цирковой моих превратных дней,
Дней юности моей, что прожита задаром,
Разорванный, растоптанный дневник,
Соседство смертных стрел, напитанных анчаром,
Опасное соседство книг...
И молодость моя – в рубцах от первых пыток –
Возмездья первородного греха.
Не самородок, нет, а выплавленный слиток
Из небогатых руд таёжного стиха.
И зрелость твёрдая – в крутящейся метели,
Бредущая по лесу с топором...
Я жизнью заболел, и я лежу в постели
И трижды в день глотаю горький бром
[4, с. 227–228].

Детство – «не больше, чем невзгода», дни юности – «разорванный, растоптанный дневник», молодость «в рубцах от первых пыток», зрелость «в крутящейся метели». Жизнь предстаёт как чья-то злая шутка, трагическая игра – даже не на театральной, а на цирковой арене («купол цирковой моих превратных дней»). «Я жизнью заболел...», – такую фразу невозможно представить себе, положим, в лирике Пастернака, приемлющего – по большому счёту – жизнь как благо. Пастернак, даже когда очень болел, не сказал бы, что он «болеет жизнью». Мирощущение Шаламова, при столь же глубоком, как и у Пастернака, приятии «органики жизни», было значительно более резким и драматическим.

Сопоставление с Пастернаком невольно возникает и связи со стихотворением Шаламова «Мой архив». «Не надо заводить архива, // Над рукописями трястись», – призывал Пастернак. Шаламову и не нужно было заводить архива – сама жизнь, природа, земля были архивом его творчества:

Рукописи – берёста,
Камни – черновики.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага,
Вместо неё – леса.
Их не пугает влага:
Слёзы, дожди, роса.
...
Вот надёжно укрытый
Склад моего сырья,
Птицами позабытый,
Спрятанный от зверья [4, с. 341].

Настолько тесное слияние, почти неразличение процесса творчества и органики самой жизни, восприятие жизни как стиха и стихотворчества –

одна из примечательных и резко индивидуальных черт поэтического облика Шаламова. Для Шаламова не только стихи во всём подобны ходу самой жизни и строятся по её законам, но и жизнь идёт по законам стиха. В основе всех жизненных, природных, бытовых процессов лежит именно закон стихосложения, «поэтический секрет»:

В годовом круговращенье,
В возвращенье зим и лет,
Скрыт секрет стихосложения –
Поэтический секрет.

...
Музыкален, как баллада,
Как чередование строк,
Срок цветенья, листопада,
Перелётов птичьих срок.
В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней [4, с. 397-398].

Течение жизни и есть течение стиха – для Шаламова эти начала оказываются неразрывно слиты и почти тождественны.

Если в привычном понимании жизнь определяет ход творчества, жизненные реалии оказывают влияние на сознание поэта, то Шаламов делает другой акцент – не только жизнь определяет поэзию, но и – в большей степени – само творчество, стихи определяют жизнь: «Стихотворения – стихотворения, // Поправок, доделок – тьма! // От точности измерения // Зависит и жизнь сама» [4, с. 400]. Именно стихи становятся движущей силой мироздания и даже скрытым рычагом передвижения земли:

Стихи – не просто отраженье
Стихий, погрязших в мелочах.
Они – земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг [4, с. 181].

Об этом же Шаламов размышляет и в стихотворении с символическим названием «Земля со мною»: «Я будто волочу // Весь мир сейчас с собою // И сызнаю хочу // Зажить его судьбою» [4, с. 276]. Не кто иной, как поэт определяет жизненное движение, ведёт, «волочит» за собой мир.

Творчество Шаламова – это далеко не только пафос сопротивления, протеста, обострённо-драматического осмысления той социальной и исторической ситуации, которая беспощадно искадила его собственное, частное

существование. В лирике Шаламова читатель встречает редкое по своей остроте и проникновенности ощущение жизни как таковой, умение восхититься ею в самых разных её проявлениях, почувствовать её органическое течение. Поэту было дано глубокое чувство причастности ко всему, что происходит в мире, способность ощутить «колесо стихосложенья» в любом жизненном явлении и сделать так, чтобы всё сущее мгновенно откликлось бы, как говорил Шаламов, «на зов рифмы».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
2. Иванова Н. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9. С. 198-207.
3. Сухих И. Жить после Колымы (1954–1973. «Колымские рассказы» В. Шаламова) // Звезда. 2001. № 6. С. 208-220.
4. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 526 с.
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 494 с.
6. Шкловский Е. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.
7. Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. № 12. С. 226-229.

REFERENCES

1. Golubkov M.M. Russkaya literatura KHKH v.: Posle raskola [Russian literature of the XX century: After the split]. M., Aspekt Press, 2001. 267 p.
2. Ivanova N. Varlam Shalamov i Boris Pasternak: k istorii odnogo stikhotvoreniya [Varlam Shalamov and Boris Pasternak: toward the history of one poem] // Znamya. 2007. no. 9. pp. 198-207.
3. Sukhikh I. ZHit' posle Kolymy (1954–1973. «Kolymskie rasskazy» V. SHalamova) [Live after the Kolyma river (1954–1973. “The Kolyma stories” by V. Shalamov)] // Zvezda. 2001. no. 6. pp. 208-220.
4. Shalamov V.T. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. 3 [Collected works: In 4 vol. Vol. 3]. M., Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998. 526 p.
5. Shalamov V.T. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. 4 [Collected works: In 4 vol. Vol. 4]. M., Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998. 494 p.
6. Shklovskii E. Varlam Shalamov [Varlam Shalamov]. M., Znanie, 1991. 64 p.
7. Shreider YU. «Granitsa sovesti moei» [“The border of my conscience”] // Novyi mir. 1994. no. 12. pp. 226-229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кротова Дарья Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: da-kro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krotova Daria – candidate of Philological Sciences, lecturer of the Department of History of modern Russian literature and contemporary literary process, Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University;

e-mail: da-kro@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кротова Д.В. Лирика В. Шаламова: восприятие жизни как целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 70-78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Krotova D. Shalamov's poetry: the perception of life as wholeness // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 70-78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-70-78

УДК 812.161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-79-85

«ТАЙНА ЖИЗНИ БЫТИЯ» ИЛЬИ ДМИТРИЕВИЧА СТРЕЛЬСКОГО

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

305000, Центральный федеральный округ, Курская область, г. Курск,

ул. Радищева, 33, Российская федерация

Аннотация. Материалы данной статьи способствуют воскрешению имени незаслуженно и умышленно забытого литератора Ильи Дмитриевича Стрельского (1881–1938), дают основу для осмысления его творческой биографии и просветительской деятельности в контексте социальных обстоятельств. Стрельский принимал активное участие в литературной жизни Курска в 10–20 гг. XX столетия, был редактором журнала «Курский театр» (1915–1916 гг.), первого еженедельного художественно-иллюстрированного издания в городе.

Ключевые слова: Стрельский, провинциальные издания, творческая биография, редактор, журнал «Курский театр».

ILYA DMITRIEVICH STRELSKIY'S "SECRET OF LIFE BEING"

I. Mikhailova

Kursk State University

33, Radishchev St., Central federal district, Kursk region, Kursk, Russian Federation,

305000

Abstract. The article contributes to the revival of the name of the forgotten writer Ilya Dmitrievich Strelskiy's (1881–1938), provides the basis for understanding of his creative biography and education in the context of social circumstances. Strelskiy actively participated in the literary life of Kursk in 1910–1920s. He was the editor of «Kursk Theatre» magazine (1915–1916), the first weekly art-illustrated edition in the city.

Key words: Strelskiy, provincial editions, creative biography, editor, "Kursk Theatre" magazine.

Данная статья обращена к творческой биографии Ильи Дмитриевича Стрельского (1881–1938), курского литератора, чиновника и краеведа-любителя, но, несмотря на свою самостоятельность, является неким продолжением предшествующих публикаций автора, посвящённых осмыслению уникального явления в жизни провинциального Курска – изданию в 1915–1916 гг. еженедельного художественно-иллюстрированного журнала «Курский театр». При всех несомненных заслугах имя И.Д. Стрельского не относится к широко известным именам не только российской, но и региональной (курский локус) литературы первой трети XX века. На то есть свои причины, главная из которых состоит в том,

что биография И.Д. Стрельского развивалась в жанре исторических реалий XX века, и если войны, революции начала двадцатого столетия не затронули его собственной жизни, то роковой 1937-й год, изломавший сотни тысяч человеческих судеб, трагически оборвал его жизненный путь – арестован в декабре 1937 года; в январе 1938 года приговорён к высшей мере наказания.

На долгое время имя И.Д. Стрельского было забыто, практически вычеркнуто из официального литературного процесса. Когда Стрельского реабилитировали в 1956 г., уже не осталось в живых тех людей из его близкого окружения, кто мог бы рассказать о нём; архив И.Д. Стрельского утрачен, рукописи не собраны (можно предположить, что часть из них была уничтожена им в ожидании ареста), публикации рассредоточены по различным изданиям. Поэтому на сегодняшний день сложно создать целостный портрет Ильи Дмитриевича Стрельского как журналиста и общественного деятеля. Но тем не менее определённые шаги в этом направлении уже сделаны курскими краеведами Ю.А. Бугровым [2, с. 374], С.П. Щавелёвым [12, с. 244]. Думается, что материалы данной статьи послужат ещё одним шагом к представлению творческой биографии подлинному не оценённому литератору.

Илья Дмитриевич Стрельский, настоящая фамилия Стрелков (псевдонимы: И.Д. Стрелков-Стрельский, Стрельский, Тиевич, Татьяна, И.С., И. С-кий), родился 19 июля 1881 года в мещанской семье. Детство и юность прошли в слободе Стрелецкой г. Курска. Здесь же окончил церковно-приходскую школу, другого образования не получил. Литературная деятель-

ность Стрельского началась в Курске в 1899 г., когда он 18-летним юношей дебютировал в газете «Курский листок». Вскоре стал сотрудничать в столичной газете «Сын Отечества» (Санкт-Петербург), наконец 18 октября 1899 г. там появилась первая публикация Стрельского, посвящённая важному событию в родном Курске – открытию Пушкинской библиотеки-читальни! Дебют был удачный, и главный редактор издания Александр Константинович Шеллер-Михайлов – «истинный “друг юности”», «Парнасский консул» начинающей литературной молодёжи, «старосветский литератор», умевший как никто написать сам и отметить в работе других «поэзию скромного труда», который «ласково, радушно принимал юного собрата, умел обласкать, ободрить» [3, с. 51], – отметил первую публикацию начинающего литератора «приветствиями и пожеланиями».

Круг сотрудничества в различных газетах по мере дальнейшей деятельности расширялся, И. Стрельский активно печатался не только в 8-ми местных изданиях, среди которых «Курская Газета», «Курские Ведомости». «Курская жизнь», не только в 6-ти московских – «Новости дня», «Утро России», «Русское слово» и др., не только в 2-х харьковских: «Утро», «Южный край», но и в 5-ти петербургских: «Родина», «Биржевые Ведомости», «Новый век». Кроме того, Стрельский сотрудничал с такими специализированными музыкально-театральными изданиями, как «Друг Артистов», «Артист и Сцена», «Музыка и Жизнь», «Рампа и Жизнь» и другие.

Счастливо сложилась личная жизнь Стрельского: вместе с женой, Татьяной Андреевной, разделявшей его взгляды,

воспитывал сына Вячеслава, впоследствии ставшего историком-архивистом, источниковедом, доктором исторических наук. Семья жила скромно. То, что зарабатывалось Стрельским, шло на издательские нужды и вкладывалось в строительство дома на улице Золотой в Курске. Этот легендарный в своём роде дом вошёл в историю города: именно здесь в 1915–1916 гг. сосредоточилась вся редакционная работа журнала «Курский театр», а в 1920 г. «в саду около дома Стрельский закопал в яму письмо В.И. Ленина железнодорожникам МКВ ж.д., чтобы сохранить его от деникинцев, позже оно было передано в институт В.И. Ленина» [2, с. 374]. Постройка дома – мечта, которая осуществилась благодаря целеустремлённости и хозяйственности Стрельского. В Государственном архиве Курской области хранится записная книжка Стрельского» [4], где буквально по дням расписаны все его расходы за май-июль 1912 г., некоторые статьи расходов менялись, другие – повторялись изо дня в день. По записям видно, что при обязательных строительных тратах (покупка «дубков для фундамента», «крестов для углов дома», «вывозов земли», «ввоза песка» и многих других) изыскивалась возможность экономии, за счёт которой выделялись средства «богоугодным заведениям, отцу, на подарки плотникам, на чай возчикам...» и т. д. Хозяина записной книжки, прежде всего, отличала пунктуальность и скрупулезность, умение держать ситуацию под контролем, а эти качества необходимы и незаменимы не только для постройки дома, но и для успешного выполнения многих других дел, за решение которых брался Стрельский. Даже приведённый выбо-

рочно перечень этих дел даёт возможность представить облик человека, наделённого неустойчивой активностью и удивительной работоспособностью.

Общественная жизнь Ильи Стрельникова была кипящей: он не остался в стороне от революционных событий 1905 г., участвовал в сходках, организованных курскими социал-демократами; в 1908 г. выдержал испытания на звание учителя начальной школы в Щигровском уезде Курской губернии; занимался краеведением; в 1911 г. организовал вечер памяти Т.Г. Шевченко в Курске, также участвовал в создании русско-украинского хора; в 1913 г. им был организован выпуск «Путеводителя и делового справочника по г. Курску», включившего статьи литературно-художественного и археологического характера; в 1916 г. ушёл санитаром на фронт; после октябрьского переворота работал одним из ответственных редакторов «Вестника Главного военно-революционного комитета МКВ ж. д.»; в начале 30-х годов редактировал газету «Кооператор».

Литературная деятельность Стрельского не ограничивалась только статьями, посвящёнными событиям театральной жизни и начинаниям в области культуры и искусства в Курской губернии, публиковавшимся в периодической печати и специализированных изданиях: в 1903 г. Стрельский стал издателем и редактором двух коллективных сборников – «Отражения» и «Проблески». Выпуск подготовленного к изданию третьего сборника под названием «Лучи» не состоялся в связи с начавшимися событиями 1904 г.

В эти коллективные сборники вошли произведения преимущественно начинающих курских авторов из на-

родной среды: В. Иванилова, И. Квасникова, Н. Овсянникова, П. Сошникова, а также известного уже к тому времени писателя-самоучки Л. Чемисова. В их произведениях «оплакивалась горькая доля бедняка как неизбежное следствие общественной несправедливости, жизненных порядков, при которых есть бедные и богатые» [1, с. 66]. Особняком несколько стоят лирические опыты самого Стрельского. Стихотворения «Брату», «Песня поэта», «Для чего?» в отличие от других стихов, включённых в сборники, обращены не к реалиям социальной жизни, а к внутреннему миру человека, наполненному противоречивыми настроениями: с одной стороны, вера в будущее, устремлённость к Богу:

И смело пойдём по дороге
Что к истине путь наш ведёт,
Где думать дано лишь о Боге,
Где ангел песнь счастья поёт [9, с. 24].

С другой – сомнение в своём предназначении, ощущение безысходности:

Пройдёт и жизнь, исчезнешь ты,
Исчезнут все твои мечты.
И для чего, Бог весть, ты жил
И ненавидел и любил...
Пройдут века и вечность вся,
На тайне жизни бытия,
Как тайна вечная Творца,
Всё будет тайной без конца [9, с. 32].

Не будет преувеличением сказать, что поэтические произведения Стрельского не несут в себе особо художественной ценности, но они представляют интерес в связи с тем, что отражают атмосферу времени, «поражающего напряжённостью предчувствий, надвигающихся социальных катаклизмов» [11, с. 62].

Но всё-таки главным делом Стрельского стал выпуск журнала «Курский театр», право на издание которого в 1915 г. получила мещанка Пелагея Дмитриевна Дементьева, родная сестра Стрельского. Журнал издавался еженедельно на средства издательницы тиражом 500 экземпляров [13].

То, что этот, по сути, первый «толстый» журнал, издаваемый в городе, имел ярко выраженную направленность, вполне обосновано: ведь Курск в начале XX века входил в число театральных городов России, среди которых, помимо столичных, значились Казань, Киев, Одесса, Нижний Новгород. Поэтому выпуск журнала, который информировал регулярно читателей о событиях культурной жизни в городе, сообщал о театральных новостях и деятельности актёров столичных театров, был вполне закономерен. Как справедливо отметил один из сотрудников издания: «...это объясняется очень просто. Театр был в то время самым крупным художественным делом в Курске» [14, с. 5]. Появление нового журнала стало ярким событием в жизни провинциального города и буквально с первых выпусков обратило на себя внимание самой широкой читательской аудитории – независимо от интересов и уровня образования: «Местные общественные деятели, театралы, артисты <...> запросто заходили в редакцию и сердечно жали руку редактору <...> Многие тут же просили принять их сотрудничество и обещали всякое содействие в дальнейшем ходе издания. Кроме того, симпатии курян к нашему скромному изданию выразились и со стороны торгово-промышленных кругов, и в том, наконец, что издание, выпущенное в значительном

количестве экземпляров, уже на второй день по выходе его в свет – разошлось без остатка» [7, с. 2]. Несомненно, успех «Курского театра» во многом зависел от его идейного вдохновителя, благодаря ему журнал «... взял на себя миссию объединения литературных сил губернии и привлечения к участию в журнале многих лиц, понимавших и умевших ценить различные отрасли искусств» [13, с. 5]. По словам Н. Яковлева, «дело, начатое скромным местным журналистом, стало крепнуть и расти» [14, с. 6].

Издательский опыт и организаторский талант помогли редактору привлечь к работе не только курских авторов, среди которых были В.Я. Морозов (Воп ами), А.В. Щерба, Н.К. Андреев, Э.М. Плевацкий, Н.Н. Арбенин, Барон Алексей Гиллесем (А. Н. Г.), но и столичных литераторов, художников: Е.П. Иванова, В.К. Эрманса, Е. Мансфельда, М.М. Полонского, И.А. Дынина и других. В критериях отбора произведений для своего журнала Стрельский ориентировался на лучшие классические традиции русской журналистики и литературы, он стремился поддерживать талантливых поэтов и писателей независимо от того, к какому течению и направлению они принадлежали, руководствовался в оценке материалов художественным чутьём, принимая и модернистские концепции, и принципы реализма. Издание «Курского театра» пришлось на годы Первой мировой войны, поэтому, конечно же, одно из заметных мест среди публикаций занимали материалы военной тематики. Редакция проявляла подчёркнуто сдержанное отношение к войне и, не допуская крикливо-пафосных высказываний, вы-

ражала уверенность в том, что «дни отечественной непогоды сочтены, что скоро замолкнет грохот пушек и коварный враг с позором будет изгнан из пределов России, и над последней вновь заблестит заря творческого преуспеяния» [6, с. 2].

Разносторонние способности Стрельского-журналиста в полной мере проявились в публикуемых на страницах журнала театральных рецензиях, очерках, заметках «по поводу». Заслуживают внимания публикации Стрельского, посвящённые знаменитой русской певице Надежде Васильевне Плевацкой (урожд. Винниковой; 17 (29) сентября 1884, село Винниково, Курский уезд, Курская губерния – 1 октября 1940, Ренн, Бретань), её пребыванию на «малой родине» в селе Винниково и в Курске. Илья Стрельский, разделяя мнение многих поклонников Плевацкой, писал не только о её редчайшем даровании («сольём залетным, звонкими его трелями, и как-то особенно серебристо пела» [10, с. 8]), о её таланте покорять любую аудиторию («полилась могучая русская песня. То говорливо-бурливая, то нежно задумчивая, грустная, то снова задорно-живая <...> просветлели израненные в боях солдатские лица» [8, с. 12]), но и подчёркивал проявление человеческих качеств: умение понимать людей, отзывчивость и стремление помочь тем, кто оказался в беде. Заметки и очерки Стрельского «Плевацкая», «О Плевацкой», «В гостях у Н.В. Плевацкой» и другие отличаются живостью, интересными деталями, а также несут на себе отпечаток незаурядной личности самого автора и дух эпохи: внимание к нему «представляет интерес не только для специалистов

узкого круга, но и для всех, кому важны и памятли уроки “великой войны”» [5, с. 81].

Источниковая база, необходимая для полного раскрытия данной темы, постепенно пополняется, хотя время не пощадило многих документов. Однако архивные материалы, на основании которых сделано представленное исследование, позволяют начать работу по воскрешению умышленно и

незаслуженно забытого имени литератора Ильи Дмитриевича Стрельского, открывают его «тайну жизни бытия» в контексте социальных обстоятельств, способствуют осмыслению как творческой биографии и просветительской деятельности отдельно взятой конкретной личности на переломе эпох, так и вносят лепту в понимание образа жизни целого народа, модели его поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баскевич И.З. Курские вечера. Воронеж, 1979. С. 66.
2. Бугров Ю.А. Стрельский И.Д. // Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. 495 с.
3. Дорошевич В.М. Памяти Шеллера // Дорошевич В. Собрание сочинений. Т. IV. Литературные общественные деятели. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1905. С. 51.
4. Записная книжка И.Д. Стрельского // ГАКО Ф. Р – 960. Оп. 1. Д. 1.
5. Михайлова И.П. Первая мировая война в творчестве поэтов Курского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 75-82.
6. Обращение редакции к читателям // Курский театр, Курск. 1915. № 2. С. 5.
7. Обращение редакции к читателям // Курский театр, Курск, 1916. № 1. С. 2.
8. Стрельский И.Д. В гостях у Н.В. Плевицкой // Курский театр, Курск. 1915. № 33. С. 12.
9. Стрельский И.Д. О Плевицкой // Курский театр, Курск. 1916. № 2. С. 8.
10. Стрельский И.Д. Проблески. Харьков, 1904. С. 32.
11. Толстикова В. К вопросу о русской культуре Серебряного века // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 62–68.
12. Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. 468 с.
13. Фонд Канцелярии Курского губернатора // ГАКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 8777. Л. 1–2.
14. Яковлев Н. Прежде и теперь // Культура и искусство, Курск. 1921. № 1. С. 5.

REFERENCES

1. Baskevich I.Z. Kurskie vechera [Kursk evenings]. Voronezh, 1979. p. 66.
2. Bugrov YU.A. Strel'skii I.D. // Kraevedcheskii slovar' spravochnik [Strel]. Kursk, 1997. 495 p.
3. Doroshevich V. M. Pamyati Shellera [To the memory of Sheller] // Doroshevich V. Sbranie sochinenii. T. IV. Literaturnye obshchestvennye deyateli [Doroshevich V. collected works. Vol. IV. Literary and public figures]. M., Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1905. p. 51.
4. Zapisnaya knizhka I.D. Strel'skogo [I.D.Strel'skiy's notebook] // GAKO F. R–960. Op. 1. D. 1 [GAKO F. R–960. Op. 1. D. 1].
5. Mikhailova I.P. Pervaya mirovaya voina v tvorchestve poetov Kurskogo kraia [The first world war in the works of poets of Kursk region] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2014. no. 6. pp. 75–82.
6. Obrashchenie redaktsii k chitatel'nyam [The circulation of the publication to readers] // Kurskii teatr, Kursk. 1915. no. 2. p. 5.
7. Obrashchenie redaktsii k chitatel'nyam [Address of edition to readers] // Kurskii teatr, Kursk. 1916. no. 1. p. 2.

8. Strel'skii I.D. V gostyakh u N.V. Plevitskoi [Visiting N.V. Plevitskaya] // Kurskii teatr, Kursk. 1915. no. 33. p. 12.
9. Strel'skii I.D. O Plevitskoi [About Plevitskaya] // Kurskii teatr, Kursk. 1916. no. 2. pp. 8.
10. Strel'skii I.D. Probleski [Glimpses]. Khar'kiv, 1904. 32 p.
11. Tolstikov V. K voprosu o russkoi kul'ture Serebryanogo veka [To the question about the Russian culture of the Silver age] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. no. 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. pp. 62–68.
12. Shchhavelev S.P. Istoriki Kurskogo kraia. Biograficheskii slovar' [Historians of Kursk region. Biographical dictionary]. Kursk, 2009. 468 p.
13. Fond Kantselyarii Kurskogo gubernatora [Foundation office of the Kursk Governor] // GAKO F. 1. Op. 1. D. 8777. L. 1-2 [GAKO F. 1. Op. 1. D. 8777. L. 1–2].
14. Yakovlev N. Prezhde i teper' [Before and now] // Kul'tura i iskusstvo, Kursk. 1921. no. 1. p. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, доцент Курского государственного университета,
e-mail: mihailovairin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Irina – candidate of Philological Sciences, associated professor at Kursk State University,
e-mail: mihailovairin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Михайлова И.П. «Тайна жизни бытия» Ильи Дмитриевича Стрельского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 79-85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-79-85

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Mikhailova I. Ilya Dmitrievich Strel'skiy's "Secret of life being" // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no3. pp. 79-85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-79-85

УДК 821.161.1:7.091.5

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-86-93

ИВАН БУНИН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

Моторина А.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается отражение революционной эпохи в творчестве И. Бунина и преломление образа писателя в фильме Н. Михалкова «Солнечный удар». Вдумчиво подходя к бунинскому наследию, Михалков соединяет художественный рассказ «Солнечный удар» с документальными записками «Окаянные дни», помещая их в религиозно-философский контекст. Режиссёр не только передаёт художественное видение Бунина, но и по-своему трактует характерное для него понимание специфики исторического развития России и русского самосознания.

Ключевые слова: И. Бунин, Н. Михалков, русская литература, кинематограф, философия, религия, революция.

IVAN BUNIN IN NIKITA MIHALKOV'S VISION

A. Motorina

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the reflection of the revolutionary epoch of Russian history in works of I. Bunin and the transfer of writer's insight into the film «Sunstroke» by N. Mikhalkov. Connecting Bunin's heritage «Sunstroke» with the documentary notes «Cursed Days», Mikhalkov places them in the context of religious and philosophical thoughts of the era. The director not only conveys Bunin's artistic vision but also in his own way interprets his characteristic understanding of the specifics of historical development of Russia and the Russian identity.

Key words: I. Bunin, N. Mikhalkov, Russian literature, cinema, philosophy, religion, revolution.

В основе творчества Бунина лежит чувственное восприятие мира и умение точно отобразить воспринятое. По замечанию И.А. Ильина, Бунин как бы «вдвигает в душу читателя зрительный образ» [5, с. 41], показывает «вещь через её запахи» [5, с. 41], создаёт ощущение «присутствия» [5, с. 43] предмета посредством передачи звуков. Кажется, вот где благодатная почва для союза литературы и кинематографа! Однако многими режиссёрами отмечена «чрезвычайная сложность» в сохранении особой, «неосязаемой, но неотъемлемой» атмосферы бунинских произведений при экранизации [11]. «То, что так неуловимо написано на бумаге, как будто акварелью, практически невозможно перевести на язык кино» [9], – подтверждает Н. Михалков, выпустивший в 2014 году фильм «Солнечный удар».

К данной картине режиссер шёл целых 37 лет: последовательно погружаясь в творчество Бунина, ««обчитывая» время со всех сторон» [9], в конечном счёте, Михалков решает соединить, казалось бы, несоединимые вещи – художественное повествование о внезапно, подобно «солнечному удару», вспыхнувшей страсти и документальные записи об «окаянных днях» гражданской войны. Выбор режиссёра определяется его убеждённой необходимостью экранизировать «не произведение, а автора»: «Нас <...> интересовал в первую очередь сам Бунин, – объясняет Михалков в интервью «Комсомольской правде», – человек, который, с одной стороны, пишет “Солнечный удар”, а с другой – бескомпромиссные, жёсткие записки “Окаянные дни”» [9].

Рассказ «Солнечный удар», созданный в 1925 году, уносит читателя в эпоху царской России. Выхваченный из общего исторического контекста, он может показаться обычной, хотя и мастерски запечатлённой, любовной историей. Но, замечает Н. Михалков, такой «высоты чувств» автор мог достигнуть «только через осмысление потерянного» [9]. Пронзительная психологическая параллель, увиденная Михалковым в образах утерянной любви и погибающей России¹, стано-

вится отправной точкой в создании режиссёром собственной лиро-трагической картины по мотивам произведений писателя.

Оба произведения Бунина – это плач о потере смысла жизни, исчезающего с утратой «даже желания желать» [3, с. 65] – об этом автор откровенно размышляет в рассказе «Темир-Аксак-Хан». «Поэт счастлив, – замечает Ильин, – пока он блаженно <...> медиумически воспринимает мир, как чувственную стихию и творчески закрепляет его в словах. <...> Гаснет “желание”, – гаснет и жизнь» [5, с. 49]. Подаренная лишь на мгновение и затем навсегда утраченная любовь приводит поручика из «Солнечного удара» к состоянию потерянности и уныния: «Куда идти? Что делать?» [3, с. 338] – спрашивает себя герой и не находит ответа. Этот солнечный *дар* (или *удар*?) [см.: 8, с. 72], «поразивший» сердце «слишком большой любовью, слишком большим счастьем» [3, с. 338], не может длиться долго: «от этого сгорают», – поясняет Михалков устами незнакомки.

В трактате «Смысл Любви» Вл. Соловьёв отмечает «особенную идеализацию любимого предмета, который представляется любящему совершенно в другом свете, нежели в каком его видят посторонние люди» [10, с. 515]. По мнению мыслителя, влюблённому на время приоткрывается в образе другого человека «далёкий идеальный образ» [10, с. 517], «образ Божий» [10, с. 530]. Однако чисто плотское соединение, лишённое духовной основы, делает невозможным реализацию истинной любви, низводя её лишь до животного уровня. Оно «делает любовь не только бессильной против

¹ Подобную параллель обнаружил А. Белый в творчестве А. Блока: «“Прекрасная Дама” была “Незнакомкой”, “Проституткой”, и даже проституткой низшего разряда, “Катькой”, – утверждал Белый на заседании Вольной Философской Ассоциации (А. Белый. Памяти Александра Блока. 1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://prochtu.ru/text.php?avtor=734&kniga=4&f=html&p=view>). В поэме «Двенадцать» образ убитой «толстоморденькой» Катьки символизирует гибель старого мира, прежней России, которую персонажи называют и «Святой Русью», и «кондовой», и «избяной», и «толстозадой».

смерти, но само неизбежно становится нравственной могилой любви гораздо раньше, чем физическая могила возьмёт любящих» [10, с. 536]. «Есть те проблески иного света, после которых “Ещё темнее мрак жизни вседневной, Как после яркой осенней зарницы”» [10, с. 535], – приводит Соловьёв строки из стихотворения Фета.

«Как всё это случилось? С чего всё началось?» – эти вопросы снова и снова повторяются в фильме «Солнечный удар». Михалков не даёт зрителю готового ответа: показывая два исторических пласта – 1907 и 1920 годы – он предлагает каждому самостоятельно спросить себя, почему же исчезла прежняя Россия. Данные вопросы, не звучащие прямо в «Окаянных днях», оказываются смысловым центром дневниковых записей Бунина. В попытках отвлечься от ужасов «братоубийственной» [2, с. 335] войны и «изнуряющего ожидания» [2, с. 305] спасительной помощи «от кого-нибудь, от чего-нибудь, от чуда» [2, с. 302] автор решает письменно фиксировать всё происходящее, выплескивая на бумагу часть переполнявших душу эмоций. «Записываю я, в сущности, <...> что попало, как сумасшедший» [2, с. 374], – признаётся писатель.

Задумываясь о корнях революции, Бунин отмечает помимо скрытого за красивыми лозунгами «равнодушия» [2, с. 312] всех народников к народу также страшную «беспечность» [2, с. 312], свойственную русскому человеку. Неоднократно обвиняя своих бывших соратников в пособничестве перевороту: «Не народ начал революцию, а вы» [2, с. 295], – писатель старается уделить как можно меньше внимания собственной роли в слу-

чившемся. Всю вину он списывает на абстрактную русскую интеллигенцию, веками расшатывавшую древние основы государственности: «Вскормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы <...> “попа”, “обывателя”, мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, – словом, вся и всех, за исключением какого-то “народа”» [2, с. 304], – с горем и злорадством отмечает Бунин по прибытии в Одессу. «Изумительное дело художников, – вновь возвращается автор к той же мысли, – так чудесно схватывает, концентрирует и воплощает <...> типическое, рассеянное в воздухе, – что во сто крат усиливает его существование и влияние – и часто совершенно наперекор своей задаче <...> Хотел казнить марковщину – и наплодил тысячи Марков»¹ [2, с. 330].

Облечённые в резкую, разговорную форму, идеи Бунина становятся ярким акцентом в финале фильма Михалкова: «Ненавижу. Русскую литературу ненавижу, – внезапно произносит один из героев. – Сто лет <...> остановиться не можем <...> Ни стыда, ни греха, ничего нет <...> Всё потеряли <...> Страна большая, здесь загадим, туда перейдём <...> место много, обойдётся <...> А не обошлось. Какую страну загубили... вот этими руками <...> Как теперь с этим жить? <...> Как жить?»². Таким же вопросом задавался Бунин в «Окаянных днях»: «Зачем жить, для чего? В

¹ Имеется в виду Марк Волохов – герой романа И.А. Гончарова «Обрыв», в образе которого показан революционный демократ 1860-х годов.

² См. к/ф «Солнечный удар», реж. Н. Михалков, 2014. Используемые далее цитаты из к/ф приводятся в кавычках без дополнительных ссылок.

этом мире, в их мире <...> мне ничего не нужно...» [2, с. 310].

Воспоминания о навсегда ушедшей Руси, облечённые автором в словесную форму, призваны не только сохранить в собственной памяти писателя любимый и ранее недостаточно ценимый образ Родины, но и воскресить прежнюю Русь в сердцах читателей. «Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!» [3, с. 63], – пишет он в 1930 году в «Розе Иерихона».

Михалков ставит творчество Бунина в контекст философско-исторических идей, выраженных формулой «Православие, Самодержавие, Народность». В фильме «Солнечный удар» режиссёр наглядно показывает, как выведение из равновесия любого компонента триединства приводит к разрушению всей системы. Не случайно началом обратного отсчёта в воспоминаниях главного героя становится 1907 год – время окончания первой русской революции. В этот период многие философы и писатели пытались осмыслить её истоки. Так, в очерке «Революция и религия» Д. Мережковский связывает воедино крушение русской Церкви и русского царства. «Не ждёт ли гибель Россию, – спрашивает мыслитель, – если не вечную душу народа, то смертное тело его – государство» [6, с. 193]. «Никогда ещё люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить» [7, с. 455], – читаем мы в статье Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы».

Подмена истинной, живой веры мертвенной религиозной обрядовостью стала одной из ключевых причин грядущей революции в России. Дан-

ный процесс был с едкой наблюдательностью запечатлён Буниным: «Корнет молится рассеянно, – пишет автор в рассказе “Иоанн Рыдалец” (1913). – Он <...> крестится мелкими крестиками и склоняет <...> головку с той не доведённой до конца почтительностью, с которой кланяются святым <...> люди, мало думающие о святыях, но всё-таки боящиеся испортить свою счастливую жизнь их немилостью» [1, с. 259]. Не имея глубокой веры, сам Бунин осуждает скорее слепую приверженность обычаям, нежели «душевную хладность» [8, с. 68], не осознавая всей опасности последней.

Михалков незаметно вкрапляет в ткань кинематографического повествования короткие художественные зарисовки, показывая через незначительные, на первый взгляд, детали, как рушился старый мир. Гибко подходя к бунинскому наследию, режиссёр передаёт зрителю тонкие наблюдения писателя, включая новые сцены и образы, отсутствующие в рассказе. Так, в фильме появляется эпизод, где главный герой теряет нательный крестик. Обнаружив пропажу, поручик первым делом отправляется купить новый. Казалось бы, вот где проявление любви ко Христу. Однако для героя крест – это лишь оберег. Требуя от батюшки досконального соблюдения обряда освящения (непреренно «по полному чину»), поручик не остаётся на Литургию и даже не заходит внутрь храма, ссылаясь на мнимую занятость. Не удивительно, что в финальной сцене целый корабль русского воинства уходит ко дну под торжественное пение «Спаси, Господи, люди Твоя». Данная молитва, произносимая не от избытка веры, а скорее из боязни «испор-

тить <...> жизнь <...> немилостью» [1, с. 259] Бога, теряет свою сакральную силу.

Одной из главных задач, поставленных перед сценаристами, рассказывает Михалков, было «не разделять героев на чёрных и белых, хороших и плохих» [9]. В фильме говорится «о соединении противоположностей в каждом человеке, о том, что у каждого своя правда» [9]. Для раскрытия данной темы Михалков вводит в повествование дополнительных действующих лиц, самым ярким из которых становится комиссар особого отряда ВЧК Георгий Сергеевич. Развитие текущих событий 1920 года и воспоминаний поручика 1907 года происходит параллельно до тех пор, пока герой не осознаёт, что мальчик Егорий, церковный служка, и Георгий Сергеевич – это один и тот же человек. Лишь в этот момент поручик до конца понимает, как же всё случилось. «Нам поговорить надо!», – кричит он Егорию-Георгию. Однако теперь говорить уже поздно.

При виде тонущей баржи у Георгия Сергеевича, следящего за исполнением приговора, возникает заученное ещё в детстве желание перекреститься: он подносит руку ко лбу, но вместо этого поправляет фуражку, надвигая на глаза козырёк. Примечательно, что в далёком 1907 году поручик также надвинул на глаза мальчика шляпу во время их совместной съёмки в фотостудии. Герой не только закрыл от взгляда ребёнка привычный ему мир, но и, сам того не осознавая, стал виновником полного переворота в мировоззренческих взглядах Егория. Занятый мыслями об исчезнувшей любовнице, поручик невнимательно отнёсся к вопросам мальчика о теории Дарвина.

Это правда, что «всё без Бога, от обезьяны?», – размышляет Егорий над непривычной, услышанной от учителя «из самого Петербурга» теорией. «Если принять теорию Дарвина, то да», – этот ответ поручика подталкивает не принимающего относительности истины ребёнка к новым умозаключениям. «Так это значит, что Вы тоже от обезьяны? <...> А я, я тоже? <...> И сам царь от обезьяны, и Владыка наш... <...> Зачем тогда в церковь ходить, если Бога вообще нет?» Поручик стремится поскорее перевести разговор на интересные его предметы: «Егорий, во что человек верит, то и есть». «Знакомая либеральная песня», – произнесёт другой герой кинофильма – ротмистр, полагавший, что русская интеллигенция давно перепутала милосердие с беспечностью и нежеланием ни в чём замарать своих рук, загубив тем самым страну. В записках Бунина не встречается прямого упоминания Дарвина, однако высказывания писателя также отсылают к теории происхождения видов: «Как они одинаковы, все эти революции! <...> В человеке просыпается обезьяна» [2, с. 301].

Отказавшийся с утратой веры и от мёртвой обрядовости, Георгий оказывается по-своему честнее большинства «православных христиан», давно потерявших веру. Больше десяти лет он хранит часы, случайно забытые поручиком. Эпизод возвращения часов законному владельцу становится мостиком между прошлым, настоящим и будущим, которое суждено далеко не всем героям. Этим жестом красный комиссар, с одной стороны, показывает, что ничего чужого ему никогда было не нужно, с другой – очищает память от какой бы то ни было связи с людьми

на барже. Теперь он может беспрепятственно проводить казнь.

Но как он, казалось бы, честный и справедливый, смог допустить исполнение подобного бесчеловечного приговора? Ответ на это также можно найти в творческом наследии Бунина. Под защитой «священно-революционных слов» [2, с. 331], таких как «комиссар» [2, с. 331], «трибунал, а не просто суд» [2, с. 331], читаем мы в «Окаянных днях», даже самые «пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства» [2, с. 331], могут без зазрения совести «шагать по колено в крови» [2, с. 331] вперёд, и всё это «во имя „светлого будущего“, которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака» [2, с. 301-302]. Главный «адский секрет большевиков, – размышляет Бунин, –

убить восприимчивость. Люди живут мерой <...> перешагни же меру <...> и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность» [2, с. 314]. Так человек может представить себе семерых повешенных – представить и ужаснуться, но если скажут, что казненных не семь, а «семьсот, даже семьдесят», то тут уж «непременно столбняк», мера восприимчивости нарушена [2, 314].

Некоторыми критиками [4; 9; 11] подмечено, что Бунин в интерпретации Н. Михалкова звучит необыкновенно злободневно, хотя у режиссёра и не было задачи «снять картину по политической повестке дня» [4]. По словам самого Михалкова, «иногда, чтобы увидеть будущее, надо пристально взглянуть в прошлое» [9], а произведения Бунина дают для этого «потрясающий материал» [4].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 (16) т. (т. 14-16 дополнительные). Т. 3. Повести, рассказы (1911–1914); Тень Птицы (1907–1911). М.: Воскресенье, 2006. 552 с.
2. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 (16) т. (т. 14-16 дополнительные). Т. 6. Тёмные аллеи. Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); Окаянные дни (1935). М.: Воскресенье, 2006. 488 с.
3. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 (16) т. (т. 14-16 дополнительные). Т. 4. Воды многие (1914–1926); Грамматика любви (1914–1926). М.: Воскресенье, 2006. 536 с.
4. Владимиров С. «Солнечный удар» Михалкова – это фильм-паломничество [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 13 октября 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172010/> (дата обращения: 23.09.15).
5. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв. Мюнхен, 1959. 196 с.
6. Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В. Царь и революция. Сб. / Первое русское издание под редакцией М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. 224 с.
7. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. 904 с.
8. Моторин А.В. Духовное направление в творчестве И.А. Бунина // Исследовательский журнал русского языка и литературы (Вестник ИАЯЛ) / Иранская ассоциация русского языка и литературы. Тегеран (Иран). 2015. Т. 2 (5). 140 с.
9. Нефедова Е. Солнечный удар: как всё это случилось [Беседа с Н. Михалковым] [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 1 октября 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26289/3166876/> (дата обращения: 24.09.15).
10. Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 822 с.

11. Сорокина М. Солнечный удар Никиты Михалкова. Конец привычного мира [Электронный ресурс] // vtbrussia.ru. 8 октября 2014. URL: <http://vtbrussia.ru/culture/konets-privychnogo-mira/> (дата обращения: 24.09.15).

REFERENCES

1. Bunin I. A. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 (16) t. (t. 14–16 dopolnitel'nye). T. 3. Povesti, rasskazy (1911–1914); Ten' Ptitsy (1907–1911) [Collected works: In 13 (16) vol. (vol. 14–16 additional). Vol. 3. Novels, short stories (1911–1914); the Bird Shadow (1907–1911)]. M., Voskresenè, 2006. 552 p.
2. Bunin I. A. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 (16) t. (t. 14–16 dopolnitel'nye). T. 6. «Temnye allei». Kniga rasskazov (1938–1953); Rasskazy poslednikh let (1931–1952); «Okayanye dni» (1935) [Collected works: In 13 (16) vol. (vol. 14–16 additional). Vol. 6. «Dark alleys». Book of short stories (1938–1953); Stories of recent years (1931–1952); «Cursed days» (1935)]. M., Voskresenè, 2006. 488 p.
3. Bunin I. A. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 (16) t. (t. 14–16 dopolnitel'nye). T. 4. Vody mnogie (1914–1926); Grammatika lyubvi (1914–1926) [Collected works: In 13 (16) vol. (vol. 14–16 additional). Vol. 4. Water many (1914–1926); Grammar of love (1914–1926)]. M., Voskresenè, 2006. 536 p.
4. Vladimirov S. «Solnechnyi udar» Mikhalkova – eto fil'm-palomnichestvo [Elektronnyi resurs] [«Sunstroke» Mikhalkov is a film-pilgrimage [E-source]] Komsomol'skaya pravda. 13 oktyabrya 2014. [Komsomolskaya Pravda. October 13, 2014.]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172010/> (request date 23.09.15)
5. Il'in I. A. O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin – Remizov – Shmelev [On darkness and enlightenment. Book art criticism. Bunin, Remizov, Shmelev]. Munich, 1959. 196 p.
6. Merezhkovskii D.S., Gippius Z.N., Filosofov D. V. TSar' i revolyutsiya. Sb. [The king and revolution. Coll.]. M., OGI, 1999. 224 p.
7. Merezhkovskii D.S. Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoi literatury [Eternal companions. Portraits of world literature]. SPb., Nauka, 2007. 904 p.
8. Motorin A.V. Dukhovnoe napravlenie v tvorchestve I.A. Bunina // Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury (Vestnik IARYAL) / Iranskaya assotsiatsiya russkogo yazyka i literatury. Tegeran (Iran). 2015. T. 5 [The spiritual dimension in the works of I. A. Bunin // Research journal of Russian language and literature (journal of IORAL) / Iranian Association of Russian language and literature. Tehran (Iran). 2015. Vol. 5]. 140 p.
9. Nefedova E. Solnechnyi udar: kak vse eto sluchilos' [Beseda s N. Mikhalkovym] [Elektronnyi resurs] [Sunstroke: how it happened [Interview with N. Mikhalkov] [E-source]] // Komsomol'skaya pravda. 1 oktyabrya 2014. [Komsomolskaya Pravda. October 1, 2014.]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26289/3166876/> (request date 24.09.15)
10. Solov'ev V. S. Sochineniya v 2 t. T. 2. [Works in 2 vol-s. Vol. 2]. 2nd ed. M., Mysl', 1990. 822 p.
11. Sorokina M. Solnechnyi udar Nikity Mikhalkova. Konets privychnogo mira [Elektronnyi resurs] [Sunstroke Nikita Mikhalkov. The end of the usual world [E-source]] // vtbrussia.ru. 8 oktyabrya 2014 [October 8, 2014.]. URL: <http://vtbrussia.ru/culture/konets-privychnogo-mira/> (request date 24.09.15)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моторина Анна Александровна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета,
e-mail: blackfish00@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Motorina Anna – post-graduate student of the Department of the 20th century Russian literature at Moscow State Region University,
e-mail: blackfish00@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Моторина А.А. Иван Бунин в интерпретации Никиты Михалкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 86-93.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-86-93

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Motorina A. Ivan Bunin in Nikita Mihalkov's vision // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 86-93.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-86-93

УДК: 821.161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-94-106

ДОСТОЕВСКИЙ И СОЛОВЬЁВ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ

Прийма И.Ф.

Институт Русской Литературы РАН

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4., Российская Федерация

Аннотация В науке укрепляется мнение о влиянии идеологии В.С. Соловьёва на Ф.М. Достоевского. Однако факты свидетельствуют об обратном: Достоевский оказывает воздействие на Соловьёва через публицистику, художественные произведения, личное общение. Система взглядов, воспринятая философом у писателя, – славянофильская. Резко переменяя убеждения после смерти Достоевского, Соловьёв продолжает следовать славянофильской канве, производя подмены понятий и привнося в славянофильство западническую, филокатолическую идеологию. Встретив негативную реакцию, Соловьёв порывает со «старым» славянофильством и критикует его. У Достоевского не обнаруживается собственно соловьёвских тезисов.

Ключевые слова: Достоевский, Дневник писателя, В.С. Соловьёв, славянофилы

DOSTOEVSKY AND SOLOVYOV: PROBLEM OF INFLUENCE

I. Priima

Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences

4, Makarova emb., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. There is a strong claim among scientists that Vladimir Solovyov's ideology influenced Dostoevsky. Yet, the real facts prove exactly the opposite: Dostoevsky had an impact on Solovyov through journalism, novels and private talks. A value system the philosopher borrowed from the writer appears to be Slavophilic. As he changed his mind dramatically after Dostoevsky's death, Solovyov keeps on following Slavophiles' outline, although replaces the notions and tries to bring westernized, philocatholic ideology in the teaching. After facing a negative reaction, Solovyov brakes with "old" Slavophilism and criticizes it. Original Solovyov's theses can't be found in Dostoevsky's writings.

Key words: Dostoevsky, Writer's Diary, V. Solovyov, Slavophiles.

В контексте проблемы «Достоевский-Соловьёв» вопрос о влиянии принципиален: слишком крупны величины и несходны идеологии. На сегодняшний день сложилось прочное мнение, которое нельзя признать справедливым. Так, согласно В.Г. Безносову

(1993), «большое влияние на Достоевского» оказывает В.С. Соловьёв – «крупнейший представитель русской религиозно-философской мысли» [5, с. 43]. Безносов отдаляет Достоевского от православной церкви [5, с. 79]; Достоевский, по Безносову, «не системосоздатель» и не религиозный мыс-

литель [5, с. 43, 85–86], – потому-де и потребовалось влияние «крупнейшего представителя...». Более обстоятельно тезис проводится в монографии прот. Д.Д. Григорьева «Достоевский и церковь» (2002). Григорьев, православный священник из США, предлагает читателю апологию В.С. Соловьёва и целый перечень его «влияний» на Достоевского. Утверждается, в частности, что в «Трёх силах» Вл. Соловьёв «в 1877 году предвосхитил основную идею Пушкинской речи Достоевского 1880 года» – свою мысль о том, что «Россия имеет великое всечеловеческое религиозное призвание» [6, с. 97].

В своей концепции Григорьев опирается на такого достоевиста как зарубежный архиеп. Иоанн Шаховской (публично приветствовавший нападение фашистской Германии на Советский Союз). В свою очередь, «отличные» качества книги Григорьева хвалит английский богослов и филолог Р. Уильямс [28, с. 40]. Он тоже защищает тезис о влиянии Соловьёва на Достоевского, причём столь же бездоказательно, сколь и Григорьев [28, с. 41]. На поверку, однако, отнюдь не Соловьёвскими, а опубликованными задолго до него оказываются формулы Достоевского о «всечеловечности» [9, с. 55] и «всечеловеческой любви» [8, с. 375]; о земной власти, ради которой иерархи поддаются на дьяволовы искушения [7, с. 197] и т. п. – все те тезисы, которые Григорьеву, Шаховскому, Уильямсу и Безносову хотелось бы приписать влиянию Соловьёва. Цель исследователей этого толка – представить Достоевского профаном в религиозных вопросах и даже не вполне христианином [28, с. 89], чтобы затем, выставив эталоном христианина Соловьёва с его меняв-

шимся религиозным лицом, при помощи «влияний» поколебать ясность православных взглядов Достоевского.

Симптоматично, что Шаховской (как и за ним Григорьев), пытается размыть предметность антикатолической критики Достоевского: если верить ему, Великого Инквизитора писатель создавал «не как определённый социальный или церковный тип, но как фигуру души ‘мира сего’, которая может явиться и в кардинальской мантии, и в грубой одежде инока; может действовать в самых различных эпохах и обществах <...>» [6, с. 153]. У Григорьева Великий инквизитор – «не только испанский кардинал XVI века. Он представляет и знакомую нам тоталитарную власть, и Ленина, и Сталина, и Гитлера» [6, с. 68]. Критика католицизма в «Дневнике писателя» в трактовке Григорьева превращается в «нападки на нигилизм, социализм, атеизм и их влияние на русский народ» [6, с. 77].

В.С. Сизов указывает на одну из первых (1910-е) попыток ввести в обиход тезис о влиянии Соловьёва на Достоевского, принадлежащую перу Е. Трубецкого, – и справедливо опровергает её [20, с. 92]. Не исключено, однако, что «отцом» зарубежных провозвестников тезиса стал Франц Гривец с его работой «Фёдор Достоевский и Владимир Соловьёв» (1931), о которой нам уже приходилось писать [18, с. 124]. Гривец, словенский католический священник и литературовед, высоко оценил Достоевского («пророк», «крупнейший русский писатель», «представитель *русского православия*»* [31, с. 97–99]), далее заявляет о специфике его христианства, которое, якобы, в отличие от православия, представляет «демократичную религию свободы и

любви». При этом «трагедией Достоевского» и «трагедией России» Гривец объявляет то, что Достоевский по примеру славянофилов осуждал католицизм. Эту-то «трагедию» и разглядел Соловьёв и попытался с нею бороться [31, с. 106-109]. Оказывается, «Соловьёв внёс новый свет в чрезвычайно мрачное христианство Достоевского; благодаря этому влиянию его пламенный дух в последние три года земной жизни (в «Братьях Карамазовых» и в речи о Пушкине) столь проявился и получил такой размах». Звучит и знакомый тезис о том, что «всечеловечность» зародилась у Достоевского под влиянием Соловьёва, и что таковая и стала переходом от односторонности в христианстве ко всемирной христианской любви [31, с. 113-116].

Дружбу Достоевского с Соловьёвым автор изображает особо доверительной, дабы затем обнародовать факт, что Соловьёв в 1886 г. в Загребе, гостя у епископа Штроссмаера, печатно засвидетельствовал своё присоединение к католической церкви, хотя и скрывал это по приезде в Россию. А поскольку симпатии к католицизму существовали у философа давно, то выходит, будто поздний Достоевский находился под влиянием католика. Самые поздние антикатолические тезисы Достоевского, публикуемые с Пушкинской речью, Гривец, ничтоже сумняшеся, объявляет *«выпадами, направленными против русских либералов»* [31, с. 126-129]. Итак, всё что угодно – только не критика католицизма, только не убеждённое православное «верую» Достоевского.

Получив импульс от католического лобби, никем толком не доказанные, тезисы о сильном и благотворном

влиянии Соловьёва на Достоевского распространяются затем теологами экуменического толка, а также светскими критиками типа В.Г. Безносова. Тенденция налицо, однако вопрос о подлинном влиянии в диалоге Достоевского и Соловьёва так и остаётся открытым. Постараемся разобраться.

Соловьёв знакомится с Достоевским в 1873 году, двадцатилетним студентом, без научного багажа, хваля направление журнала «Гражданин» и, вероятно, мечтая напечататься в этом журнале. Общая с Достоевским тематика на первом этапе обнаруживается только в работе Соловьёва «Три силы» (1877 г.), но не в тех аспектах, которые анализировал Д.Д. Григорьев. В этой работе Соловьёв выступает с чисто славянофильскими тезисами по вопросу мировых идей (сил). Фактически он пересказывает теорию мировых идей из «Дневника писателя», отчасти смешанную с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. «Мы видим совместное существование трёх исторических миров, трёх культур, резко между собою различающихся, – пишет Соловьёв, – я разумею мусульманский Восток, Западную цивилизацию и мир Славянский» [21, с. 228].

Налицо попытка усвоить известные славянофильские социо-культурные тезисы, которые начали разрабатывать Тютчев, Хомяков и И. Киреевский, продолжили И. Аксаков и Данилевский, и по-своему развил Достоевский, который, например, в январском «Дневнике» 1877 г. писал: «Три идеи встают перед миром <...> С одной стороны, с краю Европы, идея католическая <...> С другой стороны восстаёт старый протестантизм <...> А между

тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным ещё светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [14, с. 6-9]. Вопрос о направленности влияния здесь, как видим, не встаёт, тем более что «три идеи» намечены Достоевским ещё в «Дневнике» 1876 г. Единственное отличие от Достоевского в наборе «мировых сил» у Соловьёва в том, что он включает в список «мусульманский Восток», который в представлении славянофилов (И. Аксаков, Достоевский) воплощён в крупнейшем мусульманском государстве, Турции, и не несёт никакой особой идеи или силы, являя лишь близкую к развалу варварскую империю – «больного человека» (Достоевский [12, с. 45]), «гниющий труп» (Аксаков [2, с. 152.]). Соловьёв пытается встроиться в славянофильский хор, но не всегда верно интонирует ноты. В дальнейшем он легко заменит в своей триаде восточную «мусульманскую» идею на «иудейскую».

Как и у славянофилов, новым мировым игроком у Соловьёва выступает русский народ, «носитель третьей божественной силы», призванный примирить две первые. Как и славянофилы, Соловьёв распространяет свойства этой «третьей силы» и на славян: «<...> эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа. <...> Только Славянство, и в особенности Россия осталась свободною от этих двух низших потенций и, следовательно, может стать историческим проводником третьей» [21, с. 237-238]. Пере-

сказ «Дневника писателя» 1876 г. здесь слишком явен; само учение слишком многолетне, чтобы думать, будто Соловьёв как-то повлиял на него: да он и не привносит ничего нового. Так, в соловьёвской характеристике западной религиозной идеи прочитываются единство и борьба католицизма и протестантизма [21, с. 231], но и это перенято у Достоевского, характеризовавшего «старый протестантизм, протестующий против Рима вот уже девятнадцать веков, против Рима и идеи его <...>, против мировой его мысли владеть человеком на всей земле, и нравственно и материально» (январь 1877) [10, с. 184; 14, с. 7-8].

Неоригинален Соловьёв и в пророчествах: «или это (нынешний момент – И.П.) есть конец истории, или неизбежное обнаружение третьей всецелой силы, единственным носителем которой может быть только Славянство и народ русский» [21, с. 238]. Славянофилы уже давно и многократно высказали это пророчество в стихах и прозе, в частности, Достоевский в июньском «Дневнике» 1876 г. писал: «Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству» и т. д. [12, с. 45-47]. Толчком к пробуждению третьей силы, намекает Соловьёв, может явиться война [21, с. 239]. Предречение звучит в 1877 г., когда вопрос о вступлении России в войну уже решён. Достоевский ещё за год до того, в апрельском «Дневнике» 1876 г., подробно разбирает тему справедливой войны за братьев (глава «Парадоксалист» [11, с. 123], готовит к

войне общество и официальную Россию.

По-славянофильски звучит и критика ранним Соловьёвым Запада (1877): «Эти оригинальности, эти дикие величия делают Западный мир интересным для мыслителя и привлекательным для художника. Всё его положительное содержание в прошлом [21, с. 233]». Достаточно перечитать «Мечту» А.С. Хомякова (1835), в течение многих лет цитируемую Достоевским («О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране святых чудес <...>» [30, с. 103]), чтобы вновь ощутить вторичность Соловьёва-славянофила.

Впрочем, подлинная цена его «славянофильства» выяснится через считанные годы, когда он заговорит о великой роли и непоколебимости в святыне Римской церкви; от Русской же церкви потребует уже не примирения двух враждующих мировых идей, а широкого экуменизма и признания правоты иных религий; наконец, когда «славянство» и его роль, столь важные в «Трёх силах», полностью исчезнут из Соловьёвского варианта теории мировых идей (Третья речь о Достоевском). Радикальная перемена взглядов – по сути предательство славянофилов и Достоевского, чьим однопартийцем Соловьёв поначалу представлялся, – обесценивают то положительное, что сказано им о писателе в посмертных «речах» и в ответе К.Н. Леонтьеву.

Эти «Три речи в память Достоевского» (1881–1883) имеют к тому же серьёзные червоточины. Соловьёв заявляет, что Достоевский «не оставил никакой теории, никакой системы, никакого плана или проекта» [22, с. 204], замалчивая теорию мировых идей и

намеченные Достоевским этапы достижения «всечеловечности»: всерусский–всеславянский–всечеловечский. Это даёт философу возможность в конце третьей статьи (1883) исказить смысл «всечеловечности», проповедуемой писателем: по версии Соловьёва, в Пушкинской речи, примиряя славянофилов и западников, Достоевский призывал к примирению Востока и Запада в глобальном плане – т. е. «басурманства» и «латинства», ставших внутренней проблемой России: «латинство» – в лице поляков, а «басурманство» – в лице евреев. Примирить их, заявляет Соловьёв, необходимо «на почве чисто религиозной» [22, с. 215–216].

Однако из разъяснений Достоевского видно, что он имел в виду совершенно конкретные русское славянофильство и западничество, а не какую-то польско-еврейскую проблему. Да и «разрешение судеб» человеческих и Европы, которое несёт Православная идея, отнюдь не предполагало смешения религиозных идей [14, с. 85, 162–163]. Соловьёв же предлагает православной России соединение с Римом, так как «в наши времена один Рим остаётся нетронутым и непоколебимым среди потока антихристианской цивилизации», причём благодаря поддерживающей его «тайной силе Божией». Это уже – подспудный спор с Достоевским, утверждавшим, что сила Рима безбожна. Соловьёв заявляет обратное: «Рим непоколебим в своей святыне», и «не нам (православным русским. – И. П.) судить его за <...> преткновения и падения, потому что мы его не поддерживали и не поднимали, а самодовольно взирали на трудный и скользкий путь западного собрата».

Причина непонимания Рима, по Соловьёву, в том, что в русских «мало Бога», и если мы «дадим Ему больше места в себе <...> тогда увидим Его силу не только в католической церкви, но и в иудейской синагоге». Самое интересное, что все эти рассуждения Соловьёв выдаёт за «общественный идеал» Достоевского! [22, с. 217-218].

Однако идеалы на данном этапе уже *в корне различны*. В русском народе много Бога, – утверждает Достоевский: «суть христианства <...> дух и правда его сохранились и укрепились в нём так, как, может быть, ни в одном из народов мира сего» [14, с. 69]. В русских «мало Бога», – исправляет его Соловьёв. Достоевский убеждён, что католицизм – хуже атеизма, «самый теперешний социализм <...> есть не что иное как лишь вернейшее и неуклонное продолжение католической идеи» [14, с. 7]. «Рим непоколебим в своей святине», – оспаривает его Соловьёв [22, с. 217]. Но спор с покойным писателем едва ли можно назвать честным. Задолго до всех кривотолкователей Соловьёв сам пытается представить Достоевского, поборника Православия, убеждённым экуменистом.

«Речи о Достоевском» были лишь первыми вестниками новой Соловьёвской идеологии. Начиная с 1881 г. целый куст статей философа посвящается той же тематике (славянская идея – католическая идея – экуменизм), при этом везде с переменной полярностью: «О духовной власти в России» (1881), «Великий спор и христианская политика», «Соглашение с Римом и московские газеты», «О церковном вопросе по поводу старокатоликов» (1883), «Взгляд первого славянофила на церковный раздор»; «Еврейство и

христианский вопрос» (1884) и т. д. Статьи эти, утерявшие признаки философских, чисто публицистические и даже острополемические, складываются в своеобразный *анти-дневник писателя*. Мы обнаруживаем здесь критику русской церкви, якобы обессиленной расколом, постоянное превознесение церкви римо-католической (якобы твёрдой в вере и дисциплине); утверждения об уклонениях византизма от христианства и о принятии Россией этого «уклонённого» византизма; выговоры отколовшимся от папы «старокатоликам» за нарушение католической дисциплины, призывы к русским оставить мечтания о том, что католики и протестанты когда-нибудь перейдут в православие; выставление первым и истинным славянофилом католика-хорвата Юрая Крижанича; гнев на православных за то, что не научились по-христиански относиться к евреям; утверждения о вынужденности принятия на себя папой светской власти (ради отпора немецким королям); пророчество о великом назначении Польши в служении католичеству и в воссоединении католичества с православием и т. п. Очевидна актуальность данных вопросов для Достоевского, – но и полная противоположность его ответов в сравнении с Соловьёвскими.

Радикальную перемену взглядов Соловьёва писатель по понятным причинам отследить не мог. В отсутствие Достоевского разоблачением философа озаботился И.С. Аксаков. Публиковавший некоторые статьи Соловьёва в «Руси», Аксаков в 1884 г. выступил с извинением перед читателями за эти публикации и посвятил Соловьёвской метаморфозе отдельную статью. В ней он подчеркнул, что новые взгляды

философа – не что иное, как «крайнее, радикальное западничество», причём «западничество совсем иного рода» – «отрицание, только ещё более глубокое», распространившееся на божественную истину и несущее идеалы «самой западной церкви или католицизма», а также «защиту и прославление папских притязаний» [1, с. 221-222].

На закономерную, в общем-то, критику славянофильского лагеря (И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский) Соловьёв отвечал запальчиво. В ответах прочитывается и критика тезисов Достоевского, правда, без упоминания имени: открыто портить отношения с покойным популярнейшим писателем Соловьёв не стал. Аксакову же отвечал весьма дерзко – в виде «Открытого письма» (1884), в котором обвинял идеолога славянофилов в измене «евангельской любви», клеймил «русский национализм», которым «грешили славянофилы» и патетически вопрошал вчерашнего наставника: «Да разве Россия и русский национализм – одно и то же? Разве вы и ваш эгоизм – одно и то же?» [24, с. 51-52]. Но ведь едва ли не ещё большим национализмом «грешил» Достоевский, и оттого Соловьёв скрыто ударяет по нему: «Я же, говоря о национальном отречении (якобы необходимом русскому народу во имя экуменизма. – И. П.) <...> вовсе не имею в виду какое-то неведомое общечеловеческое дело, а указываю на истинное и святое дело соединения христианского Востока с христианским Западом» [24, с. 51-53]. Хорошо усвоенные славянофильские тезисы направляются теперь против учителей: «Итак, *новое слово* России есть прежде всего слово религиозного примирения между Востоком и Западом», – утверж-

дает Соловьёв, перефразируя Достоевского и пытаясь представить соединение православия с католицизмом как «святое дело» «святой Руси». Наконец, звучит упрёк, что «задачи усиленного национализма», предлагаемые славянофилами, не совпадают с проповедуемым ими же «духовным *смирением*» ([24, с. 54-57], курсив в последних трёх случаях наш. – И. П.).

Мы выделили пункты, в которых Соловьёв, по сути, больше спорит с Пушкинской речью Достоевского. В том же духе отвечал философ и Н.Я. Данилевскому (1885): «Данилевский начинает с обвинения меня <...> в том, что я становлюсь на сторону римского католичества. <...> Я пишу в России и имею в виду преимущественно русскую литературу, в которой по отношению к католичеству я не нахожу почти ничего, кроме враждебной полемики, предрассудков и недоразумений, поэтому, являясь здесь единственным защитником католичества, я исполняю, по моему убеждению, только долг беспристрастия и справедливости» [23, с. 193]. Следует вспомнить, что самую сильную «враждебную полемику» с католичеством вёл как раз Достоевский – в «Дневнике писателя» и романах (особенно в «Братьях Карамазовых»). Поэтому и счёт предъявляется всем славянофилам разом: «Н.Я. Данилевский не посетует на меня и за упрёк, относящийся не столько к нему, сколько вообще к его единомышленникам. Славянофилов, столь высоко держащих знамя православия и полагающих сущность его в *братской любви*, можно спросить, довольно ли они показали *братской любви* по отношению к католикам? <...>» ([23, с. 201-202], курсив наш. – И. П.).

Разумеется, Соловьёв не преминул бы столкнуть лбами Достоевского и славянофилов, если бы они не были «единомысленны почти до тождества в основных своих воззрениях на Православие, на наши задачи дома и в славянстве», как характеризовал ситуацию прот. философ Орнатский [29, с. 55-56]. Стремясь окончательно свести счёты, Соловьёв пишет статью «Славянский вопрос» (1884). С первых же страниц он отделяет себя от славянофильства, хотя и признаёт, что при всех «увлечениях национализмом», лучшие силы славянофилов «могли сосредоточиться на высших духовных задачах России – на том *новом слове*, которое Россия несёт миру, на том великом всемирном *деле*, которое она должна совершить» (курсив наш. – И. П.). Сам же философ останавливается на «отрицательной», антизападнической программе славянофилов, выдавая её за важнейшую часть учения: «Европа, представляемая романским и германским племенем, отживает свой век, сказала своё последнее слово, сделала своё дело, и <...> теперь судьбы мира должны перейти к славянству с Россией во главе». Далее философ проводит главный свой тезис: славянофилы уверяли, что Запад скоро «сгниёт», а он всё не сгнивает; следовательно, Запад прав, а славянофилы неправы [25, с. 59-61]. Вновь звучат мысли о правоте «папского Запада». Основная задача в славянском вопросе, уверяет Соловьёв, преодолеть вековой раскол, примирить славян православных со славянами-католиками: единение между нами и католиками «будет и объединением самого славянства» [25, с. 64-67].

Казуистичной выглядит попытка увязать эту задачу с программой славя-

нофилов, ведь никто из них (включая Достоевского с его «всемирной отзывчивостью» и «всечеловечностью») не писал об уступках Западу в вопросах веры. Путь ко «всечеловечности» пролегал через признание всеми правоты православия, или, на первом этапе, через осуществление православного союза, а затем «к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне» [12, с. 49]. Проблему окатоличенных славян (за исключением Польши) славянофилы не гипертрофировали. К тому же в те годы имел место переход славян-католиков в православие [16, с. 790].

Ошибочность западного религиозного пути для славянофилов слишком очевидна: ведь католицизм с его производными (социализм, коммунизм, атеизм) не только разрушил веру на Западе; он косвенно виновен и в Восточном вопросе, нападая на православие в союзе с врагами христианства: «западное еретичество» стоит рядом с «мусульманским варварством» [14, с. 68]. Эту проблему Достоевский ставит уже с 1850-х гг. [17, с. 35]; так же трактует её в 1867 г. И.С. Аксаков, который называет римского папу, наряду с Турцией, «другим «большим человеком» в Европе» [2, с. 152] и указывает, что папство и ислам сходятся в вопросе захвата православных земель [3, с. 158].

Достоевский подчёркивает, что в нынешнем столкновении России с Турцией (1877) католики вновь на стороне врагов православия, во главе со своим «блаженнейшим папой, непогрешимым наместником Божиим», который, умирая, пожелал «победы туркам и мучителям христиан-

ства над русскими, ополчившимися во имя Христа за христианство», и всё потому, что «по его **непогрешимому** определению, турки всё же лучше русских еретиков, не признающих папу» [14, с. 124]. Объективность наблюдений Достоевского подтверждают труды турецкого исследователя А. Тюркана, свидетельствующего, что в контексте «плодотворных» отношений Турции и Ватикана в 1870-е гг. «наиболее драматическим мировым событием явился проигрыш Османской империи в войне 1877–1878 гг. с Россией» и что тревоги по поводу «оправославливающих действий России на занятых землях» заставили «Османскую империю и Ватикан выработать совместные политические решения против общего врага» [32, с. 152]. Итак, по мнению славянофилов, основной противник славянской идеи – идея католическая; вот почему, по мнению Аксакова, «вещное слово» о судьбе католицизма должно раздаться именно «от православной России, главы греко-славянского православного мира» [4, с. 167].

По Соловьёву же, антагонизм должен решиться другим способом – соединением Русской церкви с католичеством, через которое решится и славянский вопрос: «без соглашения Востока и Запада на почве церковной невозможно ни истинное единение славян, ни успешное исполнение всемирно-исторических задач России» [25, с. 73]. Достоевский, как и Аксаков, совершенно иного мнения: «собственно славянский» вопрос решится, когда произойдёт «соединение всех православных племён во Христе и в братстве» [13, с. 62]. Соловьёв производит подтасовку в хорошо разработанной

концепции: на пути ко всемирности и всечеловечности он изымает этап «всеславянства», точнее – российского «предводительства православия» [12, с. 49], Россию же выставляет нестойкой в вере, требующей внутреннего примирения христиан страной [25, с. 73].

Скрытая полемика с писателем ответвляется в ещё одну сферу. В своих «пушкинских» статьях («Судьба Пушкина» (1897) и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899)) Соловьёв, вновь без прямых отсылок, подвергает ревизии Пушкинскую речь, высказывая своеобразный взгляд на личность великого русского поэта. Оспаривая христианскую нравственность Пушкина и находя у него «раздвоение между поэзией, т. е. жизнью творчески просветлённую, и жизнью действительную» [26, с. 37-39], философ развенчивает возвышенное отношение поэта к женщине [26, с. 43], тогда как Достоевский в Пушкинской речи одним из главных достижений поэта выставлял созданный им образ русской женщины – Татьяны из «Евгения Онегина», красота которой покоится на «религиозных убеждениях», «соприкосновении с родиной, с родным народом, с его святынею» [15, с. 141-143]. Если Достоевский характеризовал Пушкина как явление «бесспорно пророческое» [15, с. 136; 146-147], то Соловьёв завлечет о «фальшивой оценке Пушкина как учителя древней мудрости и пророка» [26, с. 49] и уверен, что последним нехристианским шагом его была дуэль [26, с. 55-56].

Пожалуй, наиболее точную характеристику отношений Соловьёва и Достоевского дал В.В. Розанов: «Очень

скоро после смерти Достоевского Вл. Соловьёв, бывший при жизни в некотором духовном подчинении ему, начал быстро и энергично расходиться с ним». Тот же Розанов намекает и на ещё одну перемену взглядов философа, замечая, что в конце жизни Соловьёв «высказал, что отказывается от примирительных между православием и католичеством попыток, а умер крепким православным человеком» [19, с. 70-72]. Возможно, к этому новому 180-градусному развороту можно отнести статьи Соловьёва «Новозаветный Израиль», «Как пробудить наши церковные силы» (1885)... Однако анализ «третьего» Соловьёвского периода (буде таковой отыскался) – вне рамок данной статьи.

К числу тем, перенятых Соловьё-

вым у Достоевского, можно отнести *борьбу мировых идей, характеристики Славянской и Католической идей*, а также такие темы, как *возросшая мировая роль России и славянства, антинародность западнической интеллигенции, философское понимание войны; новое слово и общечеловеческое дело русского народа* и т. д. Переменив убеждения, Соловьёв не выходит из этой проблематики, хотя и перетолковывает её на совершенно иной лад. Самостоятельные тезисы Соловьёва, которые позволяли бы говорить об обратном влиянии (*«святая» роль Рима, равнозначность мировых религий, экуменические задачи России, католическая сущность славянского вопроса, «священное» служение Польши* и т. п.), у Достоевского отсутствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Цитаты из зарубежных работ даны в переводе автора настоящей статьи. Жирным курсивом приводится курсив авторов цитируемых отрывков; обычным – курсив автора настоящей статьи. При последовательном цитировании отрывков, находящихся на одной или смежных страницах, ссылка даётся в конце последней цитаты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказавшихся в статьях В.С. Соловьёва // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1886. С. 218-237.
2. Аксаков И.С. Отношение России к римскому вопросу // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1887. С. 152-157.
3. Аксаков И.С. По поводу декларации 4-х держав турецкому правительству // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1887. С. 158-163.
4. Аксаков И.С. Сознаёт ли Россия своё призвание относительно мирового римского вопроса? // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1887. С. 163-169.
5. Безносков В.Г. «Смогу ли уверовать?» Ф.М. Достоевский и нравственно-религиозное искание в духовной культуре России конца 19 – начала 20 в. СПб., 1993. 199 с.
6. Григорьев Д.Д., протоиерей. Достоевский и церковь. М., 2002. 176 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1972–1990. 520 с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1972–1990. 456 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1972–1990. 372 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1972–1990. 552 с.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1972–1990. 408 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1972–1990. 424 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1972–1990. 520 с.

14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1972–1990. 472 с.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1972–1990. 520 с.
16. Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1883. 882 с.
17. Прийма И.Ф. «Славянская идея» Ф.М. Достоевского и славянофильская лирика 1830–1850 гг. // История и культура. Вып. 11. СПб., 2013. С. 31–80.
18. Прийма И.Ф. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского в южнославянской среде: этапы восприятия // История и культура. Вып. 13. СПб., 2015. С. 92–137.
19. Розанов В.В. Размолвка между Достоевским и Соловьёвым // Наше наследие. № 6. 1991. С. 70–74.
20. Сизов В.С. Русская идея в творчестве Ф.М. Достоевского. Киров, 2001. 172 с.
21. Соловьёв В.С. Три силы // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. СПб., 1911. С. 227–239.
22. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. СПб., 1912. С. 186–223.
23. Соловьёв В.С. Ответ Н.Я. Данилевскому // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. СПб., 1912. Т. 4. С. 193–202.
24. Соловьёв В.С. Любовь к народу и русский народный идеал // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. СПб., 1912. Т. 5. С. 39–57.
25. Соловьёв В.С. Славянский вопрос // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. СПб., 1912. С. 58–74.
26. Соловьёв В.С. Судьба Пушкина // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.9. СПб., 1913. С. 33–60.
27. Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. СПб., 1913. С. 294–347.
28. Уильямс Р. Достоевский – язык, вера, повествование. М., 2013. 235 с.
29. Философ Орнатский, протоиерей. О православии русского народа // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. С. 54–64.
30. Хомяков А.С. Мечта // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 103.
31. Grivec F. Fjodor M. Dostojevskij in Vladimir Solovjev// Bogoslovni vestnik. Zvezek II/III. Ljubljana. 1931. S. 97–142.
32. Türkan, Ahmet. Turkey-Vatikan Relations from the Ottomans to the Republic. International journal of humanities and social science. Vol. 5. No. 5. May 2015. S. 148–163.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. Protiv natsional'nogo samootrecheniya i panteisticheskikh tendentsii, vyskazavshikhsya v stat'yakh V.S. Solov'eva [Against national self-denial and pantheistic tendencies expressed in the articles of V. S. Solovyov] // Aksakov I.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 4 [Aksakov I. S. Complete works. Vol. 4]. M., 1886. pp. 218–237.
2. Aksakov I.S. Otnoshenie Rossii k rimskomu voprosu [Russia's attitude to the Rome question] // Aksakov I.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7 [Aksakov I. Complete works. Vol. 7]. M., 1887. pp. 152–157.
3. Aksakov I.S. Po povodu deklaratsii 4-kh derzhav turetskomu pravitel'stvu [On the Declaration of the 4 powers to the Turkish government] // Aksakov I.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7 [Aksakov I. S. Complete works. Vol. 7]. M., 1887. pp. 158–163.
4. Aksakov I.S. Soznaet li Rossiya svoe prizvanie otnositel'no mirovogo rimskogo voprosa [Whether Russia is aware of his calling relative to the world of the Roman question] Aksakov I.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7 [Aksakov I. S. Complete works. Vol. 7]. M., 1887. pp. 163–169.

5. Beznosov V.G. «Smogu li uverovat'?» F.M. Dostoevskii i nравstvenno-religioznoe iskanie v dukhovnoi kul'ture Rossii kontsa 19 [«If I can believe?» F. M. Dostoevsky and the moral-religious pursuit of spiritual culture of Russia in the late 19 – the beginning of the 20th century]. SPb, 1993. 199 p.
6. Grigor'ev D.D. archpriest. Dostoevskii i tserkov' [Dostoevsky and the Church]. M., 2002. 176 p.
7. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 10 [Complete works: In 30 vol. Vol. 10]. L., Nauka, 1972-1990. 520 p.
8. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 13 [Complete works: In 30 vol. Vol. 13]. L., Nauka, 1972-1990. 456 p.
9. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 18 [Complete works: In 30 vol. Vol. 18]. L., Nauka, 1972-1990. 372 p.
10. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 21 [Complete works: In 30 vol. Vol. 21]. L., Nauka, 1972-1990. 552 p.
11. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 22 [Complete works: In 30 vol. Vol. 22]. L., Nauka, 1972-1990. 408 p.
12. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 23 [Complete works: In 30 vol. Vol. 23]. L., Nauka, 1972-1990. 424 p.
13. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 24 [Complete works: In 30 vol. Vol. 24]. L., Nauka, 1972-1990. 520 p.
14. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 25 [Complete works: In 30 vol. Vol. 25]. L., Nauka, 1972-1990. 472 p.
15. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 26 [Complete works: In 30 vol. Vol. 26]. L., Nauka, 1972-1990. 520 p.
16. Pervye 15 let sushchestvovaniya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva [The first 15 years of its existence the St. Petersburg Slavic benevolent society]. SPb., 1883. 882 p.
17. Priima I.F. «Slavyanskaya ideya» F.M. Dostoevskogo i slavyanofil'skaya lirika 1830-1850 gg. [«The Slavic idea» of F. M. Dostoevsky and the Slavophile lyrics 1830-1850.] // Istoriya i kul'tura. no. 11. SPb., 2013. pp. 31-80.
18. Priima I.F. «Dnevnik pisatelya» F.M. Dostoevskogo v yuzhnoslavyanskoi srede: etapy vospriyatiya [«Diary of a writer» F. M. of Dostoevsky in South Slavic environment: stages of perception] // Istoriya i kul'tura. no. 13. SPb., 2015. pp. 92-137.
19. Rozanov V.V. Razmolvka mezhdru Dostoevskim i Solov'evym [The spat between Dostoevsky and Solovyov] // Nashe nasledie. no. 6. 1991. pp. 70-74.
20. Sizov V.S. Russkaya ideya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Russian idea in the work of F.M. Dostoevsky]. Kirov, 2001. 172 p.
21. Solov'ev V.S. Tri sily [Three forces] // Solov'ev V.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 1 [Soloviev V.S. Complete works: In 10 vol. Vol. 1]. SPb., 1911. pp. 227-239.
22. Solov'ev V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky] // Solov'ev V.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3 [Soloviev V.S. Complete works: In 10 vol. Vol. 3]. SPb., 1912. pp. 186-223
23. Solov'ev V.S., Otvet N.YA. Danilevskomu [Answer to N.Danilevsky] // Solov'ev V.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. SPb., 1912. T [Soloviev V.S. Complete works: In 10 vol. Vol. 4]. SPb., 1912. pp. 193-202.
24. Solov'ev V.S. Lyubov' k narodu i russkii narodnyi ideal [Love for people and the Russian people] Solov'ev V.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 5. [Soloviev V.S. Complete works: In 10 volumes, vol. 5.]. SPb., 1912. pp. 39-57.

25. Solov'ev V.S. Slavyanskii vopros [The Slavic question] Solov'ev V.S. Sbranie sochinenii: V 10 t. T. 5 [Soloviev V.S. works: In 10 vol. Vol. 5]. SPb., 1912. pp. 58-74.
26. Solov'ev V.S. Sud'ba Pushkina [The Fate Of Pushkin] Solov'ev V.S. Sbranie sochinenii: V 10 t. T.9 [Soloviev V.S. Complete works: In 10 vol. Vol. 9]. SPb., 1913. pp. 33-60.
27. Solov'ev V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The value of poetry in Pushkin] Solov'ev V.S. Sbranie sochinenii: V 10 t. T. 9 [Soloviev V.S. Complete works: In 10 vol. Vol. 9]. SPb., 1913. pp. 294-347.
28. Uil'yams R. Dostoevskii – yazyk, vera, povestvovanie [Dostoevsky – language, faith, narrative]. M., 2013. 235 p.
29. Philoopher Ornatskii, archpriest. O pravoslavii russkogo naroda [About the Orthodoxy of the Russian people] // F.M. Dostoevskii i pravoslavie [F.M. Dostoevsky and Orthodoxy]. M., 1997. pp. 54-64.
30. Khomyakov A.S. Mechta [Dream] // Khomyakov A.S. Stikhotvoreniya i dramy [Khomyakov A. S. Poems and drama]. L., 1969. p. 103.
31. Grivec F. Fjodor M. Dostojevskij in Vladimir Solovjev// Bogoslovni vestnik. Zvezek II/III. Ljubljana. 1931. S. 97-142.
32. Türkan, Ahmet . Turkey-Vatican Relations from the Ottomans to the Republic. International journal of humanities and social science. Vol. 5. No. 5. May 2015. S. 148-163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прийма Иван Фёдорович – выпускник филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, филолог-славист, автор книг и публикаций о Сербии, ряда научных статей по славистической тематике, а также переводов сербской литературы и публицистики. Член Союза писателей России. E-mail: priima-ivan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Priima received his M.A. from St. Petersburg State University. A specialist in Serbian language and literature, he wrote numerous publications on Serbia, several scientific researches on Slavonic literatures and history, as well as many translations from Serbian literature and journalism. A member of Russian Writers Association. E-mail: priima-ivan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Прийма И.Ф. Достоевский и Соловьёв: проблема влияния // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 94-106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-94-106

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Priima, Ivan. Dostoevsky and Solovyov: problem of influence // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 3. P. 94-106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-94-106

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-107-117

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ В ПЕРВОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Н.И. НОВИКОВА

Пуряева Н.Н.

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й гуманитарный корпус,
Российская Федерация*

Аннотация: В статье анализируется перечень писательниц, включённых Н.И. Новиковым в первый в истории русской литературы словарь писателей – «Опыт исторического русского словаря о российских писателях» (1772). Среди ключевых вопросов, рассмотренных в статье – определение идейной базы, позволившей Новикову включить женщин-сочинительниц на равных правах с писателями-мужчинами и тем самым заложить традицию для последующих сочинений подобного рода. Значительное внимание уделено идейному сближению, сложившемуся к 1772 между Новиковым и Екатериной II, получившему выражение, в том числе, в «Опыте исторического русского словаря о российских писателях». Рассматриваются также источники сведений, которыми пользовался Новиков и их роль в отборе персоналий писательниц.¹

Ключевые слова: русские писательницы, Н.И. Новиков, «Опыт исторического русского словаря о российских писателях» (1772), Е.П. Дашкова, Екатерина II, М.В. Зубова, Е.А. Княжнина, А.Ф. Ржевская, Н.И. Титова, Е.В. Хераскова, М.В. Храповицкая, Е.С. Урусова

FEMALE WRITERS IN THE FIRST DICTIONARY OF RUSSIAN WRITERS BY N. NOVIKOV

N. Puryaeva

*Lomonosov Moscow State University
1 build. 51 Leninskie gory, 1st humanitarian housing, Moscow, Russian Federation,
119991*

Abstract. The article examines the list of female writers included by Nikolai Novikov into the first in Russian literature history dictionary writers – “Opyt Istoricheskogo Slovaria o Rossiiskikh Pisateliakh” (1772). Among the key issues addressed in the article is the definition of the ideological base that allowed Novikov to include them on an equal footing with male writers and thereby establish a tradition for future works of this kind. Considerable attention is paid to the ideological convergence, formed in 1772 between Novikov and Catherine II, which obtained an expression in the “Opyt Istoricheskogo Slovaria o Rossiiskikh Pisateliakh”. We also consider the sources of information used by the Novikov and their role in the selection of specific female writers.

Key words: Russian female writers, N. Novikov, Catherine II, E. Dashkova, E. Kheraskova, M. Khrapovitskaya, E. Kniazhnina, A. Rzhavskaia, N. Titova, E. Urusova, M. Zubova.

© Пуряева Н.Н., 2016.

Об «Опыте исторического русского словаря о российских писателях» (1772) Н.И. Новикова существует достаточно много исследований (наиболее важные из них принадлежат А.И. Незелену [10], В.М. Боголюбову [1], М.И. Сухомлинову [16]), однако темы писательниц в словаре Новикова не касались. Между тем это первое упоминание писательниц в отечественной истории литературы и уже потому заслуживает внимания.

В словаре помещены статьи о 317 авторах. Временной охват – от Нестора-летописца до ближайших современников, при этом внимание к эпохам распределено очень неравномерно (по подсчёту Сухомлинова, «только седьмая часть с небольшим» – авторы X–XVII вв.).

Примечательно, что ставя своей целью «собирать имена всех наших писателей» [11, б/н], Новиков не делает различия между писателями и писательницами. Их упомянуто в словаре восемь: Е.Р. Дашкова, М.В. Зубова, Е.А. Княжнина, А.Ф. Ржевская, Н.И. Титова, Е.В. Хераскова, М.В. Храповицкая, княжна Е.С. Урусова.

Между тем, есть ещё одна дама, имени которой в списке писательниц нет, но с которой на протяжении текста Новиков ведёт своего рода беседу и которая является едва ли не главным адресатом этого словаря – Екатерина II.

Номинально «Опыт... словаря...» посвящён цесаревичу Павлу: «Его императорскому Высочеству, пресветлейшему государю, ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, Всероссийского престола Наследнику, Герцогу Голштейн Шлезвигскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, Графу Олденбургскому, и

прочая, и прочая, милостивейшему государю»¹. Далее на четырёх страницах следует обращение к Павлу, которое завершается словами о «великости искренней верноподданнической ревности к особе» цесаревича «верноподданнейшего раба» Николая Новикова [11 б\н].

Действительно, посвящение словаря Екатерине могло бы быть нарочитым, учитывая недавнее противостояние «Трутня» и «Всякой всячины», а вот посвящение цесаревичу позволяло действовать тоньше и многоплановее. С одной стороны, это констатация будущей значимости цесаревича, отмечавшего осенью 1772 г. совершеннолетие, т. е. хороший капитал на будущее². С другой стороны, цесаревич – символ преемственности достижений императрицы, а потому сама она естественно попадает в поле рассуждений (и лестии) автора и становится косвенным адресатом его обращений. В посвящении Павлу Новиков пишет: «блаженны те народы, коих Самодержцы и благословенныя их отрасли науки насаждают, распространяют и укореняют; а

¹ Здесь и далее написание и выделение прописными буквами приводятся по первоисточнику.

² Нам неизвестна реакция цесаревича Павла на этот подарок, однако пройти незамеченным он не мог. Примечательно, что, взойдя на престол в 1796 г., Павел I в первый же день правления подписал указ об освобождении Новикова из Шлиссельбурга и повелел вернуть ему отписанные в казну имения. Конечно, это, прежде всего, объясняется причинами, по которым Новиков был подвергнут заключению, – масонским убеждениям, разделяемые и поддерживаемые новым императором. Однако, необходимо констатировать, что деятельность Новикова была Павлу хорошо известна и свою, пусть небольшую, роль в этом могло сыграть самое первое обращение к цесаревичу.

упражняющихся в оных ободряют, поощряют и покровительствуют. Но коль преблагенна Россия, созерцающая во особе премудрая своей Государыни ВЕЛИКИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ, истинный Матери, и в ВАШЕМ ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ, все сии добродетели великих Государей украшающая!»

В «Предисловии» фигурирует уже только императрица: «Под благополучным владением ЕКАТЕРИНЫ Великия, Россия вступила на такой степень Величества, что все иностранные народы щастию ея завиствуют и удивляются».

В тексте самого словаря императрица именуется ещё 24 раза¹. В большинстве случаев это упоминание её официального титула («ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО» [11, с. 6]) или часть названия придворной должности («ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камергер...» [11, с. 19] и т. п.). Однако в нескольких случаях Новиков заменяет официальный титул на оценочные определения, которые выстраиваются в некий смысловой ряд.

Новиков начинает со вполне традиционных эпитетов, например, в статье о Фёдоре Волкове: «В 1762 году, по благополучном возшествии на Всероссийский престол ЕКАТЕРИНЫ Великия...» [11, с. 39]. Тот же эпитет (но уже усиленный графически – полностью

заглавными буквами) упоминается в статье о Ф.А. Козловском, когда речь идёт о его неоконченном похвальном слове «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ» [11, с. 104].

В статье о митрополите Новгородском Дмитриии Сеченове к эпитету Новиков добавляет риторический приём идеализации действий монархини: «Премудрая ЕКАТЕРИНА, объемя все дела, составляющия благосостояние Своих народов и во первых пекущаяся о укреплении православия веры в Империи Своей, в сем блаженныя кончины церковном учителе своем имела просвещеннаго в духовенстве советника и твёрдого исполнителя благочестивых ЕЯ намерений». А чуть ниже использует ещё один приём – нарушения привычного, делая чувствования императрицы, лица светского, мерилем ценности жизни митрополита, лица духовного: «К безсмертной славе сего пастыря сказать довольно, что ЕКАТЕРИНА Великая несказанное о смерти его оказала сожаление» [11, с. 211-212].

Тот же риторический приём видим в статье о кн. М.М. Щербатове (камерюнкере, члене комиссии по Уложению) в связи с его собиранием летописей и изысканиями в области истории: «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, всемилостивейшая наша Матерь и Государыня, пекущаяся о пользе, просвещении и блаженстве России, уведав о сем, оказала свое благоволение, ободрила трудившегося, и для вспомоществования в похвальном сем труде, повелела для сего Князя отворить все Книгохранительницы» [11, с. 250-251].

Таким образом, исходный комплиментарный тон, заданный в посвя-

¹ Чаще (43 раза) упоминается только Пётр I. Третьим наиболее упоминаемым историческим лицом оказывается царь Иоанн Васильевич (8 раз). В своём стремлении скрупулезно отразить все значимые литературные события, Новиков упоминает даже Петра III (причём именно с титулом императора) – в статье о Варлааме Лашевском, преподнёшем будущему императору в 1743 г. в Киеве свой перевод «Зерцала лояльности государевой» [11, с. 115].

щении и предисловии, развивается и усиливается за счёт расположенных по нарастанию эпитетов («великая» – «премудрая» – «всемиловнейшая наша мать и государыня») и риторических приёмов, что превращает императрицу из косвенного в основного, *реального* адресата «Опыта». Тем более, что цесаревич Павел после посвящения упоминается в тексте словаря ещё лишь два раза. В статье об архиепископе Тверском и Кашинском Платоне отмечено, что последний был учителем богословия «Его Императорского Высочества» [11, с. 159]. В статье о Д.И. Фонвизине упоминается слово на выздоровление¹ «Его Императорского Высочества» [11, с. 231].

Если добавить, что «Опыт... словаря...» появился аккуратно через десять лет после восшествия Екатерины на престол (причём Новиков не выпячивает, а изящно намекает на этот факт, см., например приведённую выше цитату из статьи о Волкове), то его можно рассматривать как своего рода отчёт о просветительской деятельности императрицы за время правления.

Возникает закономерный вопрос об отсутствии в словаре упоминания о драматургических опытах Екатерины II, тем более, что она по собственному признанию [6, с. 51] активно работала над ними в конце 1771 – начале 1772 г., о чём при дворе было известно. Молчание Новикова тем более показательно, что он сообщал даже о незаконченных сочинениях откровенно незначительных лиц, например наборщиков, лекарей и т. п. Скорее это сознательное умолчание, которым он поддерживает заданную императри-

цей игру в анонимность. Вместе с тем, вовсе проигнорировать новое, тем более в сатирическом ключе, начинание императрицы он как журналист не может. Новиков пытается даже извлечь выгоду из нового направления интересов императрицы и сделать новоиспечённую сочинительницу сатирических пьес «крёстной» своего нового еженедельника «Живописец»: «Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоплеменников; вы поострили меня испытать в том свои силы: и дай Боже, чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение» [5, с. 7-8].

Примечательно, что объявление о поступлении «Опыта... словаря...» в продажу появилось 30 марта 1772 г. [15], а письмо «Сочинителя живописца» датировано 12 апреля 1772 г. [5, с. 8], т. е. замысел словаря и нового журнала настолько близки по времени, что это даёт основание говорить о неслучайности умолчания о литературной деятельности Екатерины II в «Опыте... словаря...» и посвящения ей «Живописца». Отсутствию Екатерины II среди авторов в «Опыте... словаря...», действительно *значимое* в том смысле, что именно отражает близость в это время позиций Новикова и императрицы. Это свидетельство отмечавшегося исследователями улучшения отношений Екатерины II и Новикова в 1772. Как отмечает, например, Боголюбов, «отношения с Екатериной переменились так, что он <Новиков. – Н. П.> мог надеяться на известное соприкосновение в своих воззрениях с

¹ После серьёзной болезни цесаревича в конце лета 1771 г. См. об этом (12, с. 249).

воззрениями императрицы» [1, с. 62]. Идейная близость с императрицей нашла воплощение ещё в одном проекте Новикова (1773), поддержанном Екатериной как финансово, так и научно (разрешение пользоваться госархивами и личной библиотекой императрицы) – «Вивлиофике».

Итак, Новиков поддерживает игру в анонимность¹, посвящая («приписывая») свой новый журнал «неизвестному г. СОЧИНИТЕЛЮ комедии О ВРЕМЯ» [5, б/н] и начиная его письмом этому самому г. сочинителю заверениями: «Я не знаю кто вы» [5, с. 5], – которое чуть дальше повторяется ещё более нарочито: «И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однако почтение к вам моё никогда не умалится» [5, с. 7]. Новиков даже вводит в текст императрицу Екатерину (рассуждая о причинах, заставляющих г. сочинителя комедии скрывать своё имя), тем самым, с одной стороны, не упуская случая тонко польстить, а с другой – подчеркнуть своё «неведение»: «И может ли такая благородная смелость опасаться угнетения в то время, когда ко щастию России и ко благоденствию человеческого рода, властвует нами премудрая ЕКАТЕРИНА...» (там же). «Анонимность» г. сочинителя позволяет Новикову сначала сократить дистанцию и декларировать себя как одного из его «разумных единоплеменников» [5, с. 5], а затем немедленно пойти дальше, давая совет продолжить писать и высказывая просьбу присылать в журнал хоть «мелкие сочинения» [5, с. 8].

¹ Примечательно, что «Драматический словарь» (1787) также упоминает комедию «О, время!» без указания имени автора, при этом, однако, отмечая, что «склад сочинения и расположения театра есть из лучших российских пьес» (3, с. 99).

Примечательно слово «единоплеменник», которое использует Новиков. «Словарь русского языка XVIII в.» даёт следующее определение: «Единоплеменник – уроженец одной с кем-либо земли, страны; земляк» [14, с. 64]. Выбор этого слова, тонко намекающего на иноземные корни императрицы, открывает более широкое семантическое поле: это нечто большее, чем единомышленники (ср. в том же словаре: «Единомышленник – тот, кто проявляет единомыслие с кем-либо» [14, с. 66]), это люди одного происхождения, одних позиций.

Деликатность Новикова была оценена и вознаграждена: в 7-м выпуске «Живописца» появляется её «Письмо к господину Живописцу» [6, с. 49-51].

Уместно отметить также, что занятия императрицей журналистикой и литературой и поощрение этих занятий среди придворных дам придавало им (занятиям) высокий статус и вводило в круг обычных для светской дамы. Иными словами, реализовывало литературную программу Екатерины II, заключавшуюся в идее «лёгкой» словесности, «ориентированной на нормы светского салонного разговора и рассчитанной на утончённый вкус придворной дамы» [8, с. 16]. Поэтому включение Новиковым в свой «Опыт... словаря...» писателей и писательниц на равных правах можно рассматривать, в сущности, как его признание литературной политики Екатерины.

И если с этих позиций посмотреть на сочинительниц, упомянутых в «Опыте... словаря...» (все они – современницы Новикова, более того, их литературная деятельность фактически относится ко времени правления Екатерины II, все они принадлежат к ари-

стократии), можно сказать, что они и есть конкретное воплощение того образа светской дамы, который являлся идейным центром литературной программы Екатерины.

С другой стороны, ретроспективный взгляд на историю даёт возможность расширить список писательниц-современниц Новикова, а потому основной вопрос, возникающий при анализе составленного им перечня, – принцип отбора. Определяющее значение здесь, думается, имеют источники сведений, которыми пользовался Новиков.

Самым первым следует назвать «Известие о некоторых русских писателях» в Лейпцигском журнале 1768 г.¹, которое упоминает в предисловии сам Новиков и которое послужило отправной точкой всего его замысла. Из писательниц в нём упомянуты «супруга Хераскова» (т. е. Е.В. Хераскова), «девица Каменская» (в замужестве Ржевская) и «княгиня Катерина Дашкова» [4, с. 141-142].

Однако в «Известии...» это не более чем упоминания имён, так что подробнее о них и ряде других писательниц Новикову, видимо, сообщил А.П. Сумароков². Так, в статье о Елизавете Васильевне Херасковой (в девичестве Нероновой) (1737–1809), супруге М.М. Хераскова, Новиков прямо ссылается на Сумарокова: «Г. Сумароков приписал ей притчу и оду Анакреонтическим стихосложением писанную, в которых с обыкновенною приятностию в слоге делает он ей наставление и поощряет к стихотворству. Из чего заключить можно, какой похвалы до-

стойна сия особа, и что имя российской де ла Сюзы ей приписываемое, забвенно не будет» [11, с. 235]. Сумароков едва ли был в курсе участия Херасковой в журнале «Полезное увеселение» (1760–1763), в котором, например, Н.Н. Голицын атрибутирует ей не менее пяти стихотворений [2, с. 265], а потому Новиков, видимо, полностью опиравшийся на сведения Сумарокова, об этом не сообщает.

Сумароков, видимо, был источником информации и о других упомянутых в «Опыте...» писательницах кружка Херасковых.

Наиболее подробно Новиков сообщает об Александре Федотовне Ржевской (в девичестве Каменская) (1740–1769), первой жене А.А. Ржевского, также близкого единомышленника Хераскова.

Это единственная из статей о писательницах, в которой приведены даты жизни и даже причина смерти: «представилась горячкою апреля 17 дня 1769 года на 29 году века своего» [11, с. 186]. Новиков сообщает, что Ржевская «упражнялась в стихотворстве, живописи и музыке; имела великую охоту к чтению книг, искусна была во французском, итальянском и своём природном языке. Она сочинила “Кабардинские письма” во вкусе перуанском <...> также сочинила она весьма изрядные стихотворения, которые и напечатаны в ежемесячных московских сочинениях. Искусства ея и упражнения в живописи остались доказательством многие портреты и картины, рисованные ею сухими красками» [11, с. 187]. Статья о ней – самая длинная из статей о писательницах – завершается эпитафией с её надгробия, написанной Сумароковым по просьбе супруга.

¹ Новиков ошибочно датировал его 1766 г. Об этом см. [4, с. V].

² Об этом см, например: [13, с. 187] и [16, с. 17–19].

Упомянутое Новиковым название её произведения – единственное, что сохранилось из её наследия, поскольку в журнале «Полезное увеселение» её стихотворения печатались без подписи.

К кружку Херасковых принадлежала и княжна Екатерина Сергеевна Урусова (1747 – после 1817), приходившаяся М.М. Хераскову двоюродной сестрой.

Статья о ней очень краткая: «писала прекрасные элегии, песни и другие мелкие стихотворения, которые за чистоту слога, нежность и приятность изображения достойны похвалы» [11, с. 230]. Но, впрочем, на момент составления «Опыта...» она ещё не успела заслужить литературную репутацию, за которую много позже, в 1811 при учреждении «Беседы любителей русского слова» была избрана её почётным членом.

Другим участницам кружка Херасковых Сумароков, видимо, не придавал значения, что объясняет отсутствие в «Опыте...» Новикова статьи о В.А. Трубецкой (1748–1833), родственнице и близкой подруге Херасковых.

Отмечена в словаре и дочь самого Сумарокова, Екатерина Александровна, в замужестве Княжнина (1742–1791), супруга драматурга Ф.Б. Княжнина. Статья о ней демонстративно лапидарна: «дочь г. Сумарокова, писала весьма изрядные стихотворения, напечатанные в ежемесячном сочинении “Трудолюбивой пчеле”, изданном 1759 года в Санкт-Петербурге» [11, с. 114]. Указав год публикации, Новиков не сообщает, что она стала первой писательницей, опубликовавшей своё произведение и анонимно, и под своим именем [17, с. 191-192]. Учитывая

источник сведений, в этом умолчании проявляется скептическое отношение самого Сумарокова к женскому творчеству в целом и к творчеству своей дочери в частности.

Довольно случайной в списке писательниц оказывается Наталья Ивановна Титова (1709 – неизв.). «Супруга полковника Николая Ивановича, острого и просвещённого разума, она писала весьма изрядные элегии и песни, которые за чистоту, приятность и нежность слога весьма похваляются» [11, с. 227]. Статья о ней соседствует со статьёй о Н.С. Титове, директоре Московского публичного театра, поэтому сообщение о ней выглядит как «приложение» к мужу. О Титовой Новиков также скорее всего узнал от Сумарокова, лично хорошо знакомого с Титовым. В 1759–1760 гг. Титов был одним из основных вкладчиков журнала «Праздное время, в пользу употреблённое», в котором в 1760 г. довольно активно печатался Сумароков. А главное, в 1766–1769 гг. Титов занимал должность директора Московского публичного театра, в котором в это время Сумароков был одним из основных репертуарных драматургов.

О М.В. Зубовой, М.В. Храповицкой и Дашковой Новиков знал, скорее всего, по своей издательской деятельности.

Мария Воиновна Зубова¹ (в девичестве Римская-Корсакова) (ум. 1799), петербургская светская дама, довольно известная своим исполнением народных песен на светских вечерах. В небольшой статье о ней Новиков отмечает, что Зубова «сочинила немало раз-

¹ М.В. Зубова – тётка по мужу братьев Зубовых, однако её литературное творчество относится ко времени задолго до того, как братья Зубовы вошли в фавор.

ных весьма изрядных стихотворений, а особливо песен» [11, с. 69] и указывает, что некоторые из них во второй части «Собрания песен», изданной им совместно с Чулковым в 1770 г. Кроме того, Зубова «перевела несколько книг с французского на русский язык, но они ещё не напечатаны. Но в прочем сочинения её и переводы за чистоту слога достойны похвалы» [11, с. 69]. Это единственный источник сведений о её сочинениях; переводы, упоминаемые Новиковым, неизвестны.

Как участницу «Всякой всячины», журнального оппонента «Трутня», Новиков, видимо, знает и Марию Васильевну Храповицкую¹ (в замужестве Сушкову) (1752–1803). К участию в журнале её привлёк брат, А.В. Храповицкий, в будущем статс-секретарь Екатерины. В 1769–1770 гг. она не раз публиковалась под псевдонимами Критюхина Леонильда, Топоногова Василиса, Петухова Н. [9, с. 80; 172; 362]. В статье о Храповицкой Новиков отмечает, что «она совершенно искусна во французском, несколько в итальянском и немецком языках, также в российском стихотворении», работала в разных жанрах («елегии, эпистолы и проч.»), занималась переводами [11, с. 233]. «Стихи её чисты, а слог приятен, нежен и твёрд, и больше разумом, нежели богатыми украшается рифмами» [11, с. 233].

Видимо, в ключе идейного сближения с Екатериной Новиков поспешил сам пригласить Храповицкую-Сушкову в свой новый журнал, и в 11 номере «Живописца» (июнь 1772) напечатано её письмо [7, с. 81-84].

¹ М.В. Сушкова – супруга статс-секретаря Екатерины Н.В. Сушкова и бабка писательницы Е.П. Ростопчиной.

Не может Новиков не сказать и о Екатерине Романовне Дашковой (урождённая Воронцова) (1743/44–1810). Журнал «Невинное упражнение» И.Ф. Богдановича, в котором публиковалась Дашкова, пользовался достаточно большой известностью в своё время, и, видимо, отсюда Новиков и знал это имя. Несмотря на то что на момент создания словаря Дашкова находилась в многолетней опале, Новиков отмечает её статус – штатс-дама и кавалер ордена св. Екатерины, – а о творчестве говорит: «писала стихи; из них некоторые весьма изрядные напечатаны в ежемесячном сочинении “Невинное упражнение”, 1763 года в Москве. В прочем она почитается за одну из учёных российских дам и любительницу свободных наук» [11, с. 55].

Завершая обзор этого недлинного списка, нужно отметить, что все те недостатки, в которых упрекали словарь (бессистемность отбора, отсутствие единообразия в структуре статей, непоследовательность включения биографических данных), в полной мере проявились и в статьях о писателях, и о писательницах, и это лишний раз подчёркивает их равенство в глазах Новикова. Помимо Трубецкой, из современниц Новиков не упоминает разве что Е.Ф. Болтину. Он никак не мог знать о Н.Б. Долгорукой и её «Своеручных записках» (написаны 1667, опубл. 1810). Таким образом, список в основном исчерпывающий, что даёт основание считать, что Новиков не проводил какую-либо селекцию писательниц: он упоминает всех, о ком получил сведения.

Основная цель «Опыта... словаря...» – фиксация информации (об этом Новиков и сообщает в предис-

словии), поэтому по статьям трудно судить о текущей значимости и о перспективности автора. Тем не менее, со временем значение этих статей увеличилось. За исключением разве что Дашковой и Урусовой, оставивших достаточно заметный след в литературе, именно статьи Новикова сохранили имена Зубовой, Титовой, Княжниной, Херасковой, Храповицкой в истории. В отношении Ржевской это вообще единственный источник сведений.

Однако самым важным замечанием будет то, что Новиков, в сущности, ввёл писательниц в историю отечественной

литературы и заложил традицию представления их наравне с писателями. Традиция эта продолжена уже в следующем словаре писателей – митрополита Евгения (Болхвитинова), хотя представленность писательниц в нём существенно меньше – лишь 5 имён.

Уместно вспомнить также, что Новиков уделял женскому образованию и просвещению большее внимание, чем современники. Примечательно, что он стал издателем первого (пусть и неудачного) женского журнала – «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (1779).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боголюбов В.А. Н.И. Новиков и его время. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 485 с.
2. Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб: Тип. В.С. Балашева, 1889. 308 с.
3. Драматический словарь, или показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имён известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки. 2-е изд. СПб, 1880. Изд. Книжного магазина «Нового времени». С. 99.
4. Ефремов П.А. Материалы для истории русской литературы. СПб: Тип. И.И. Глазунова, 1867. 216 с.
5. Живописец: Еженед. журн. Н.И. Новикова. 1772. Лист 1.
6. Живописец: Еженед. журн. Н.И. Новикова. 1772. Лист 7.
7. Живописец: Еженед. журн. Н.И. Новикова. 1772. Лист 11.
8. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей русского слова». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 120 с.
9. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. 836 с.
10. Незеленов А.И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785. СПб: Тип. В.С.Балашова, 1875. 447 с.
11. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб, 1772. 264 с.
12. Песков А.М. Павел I. М.: Мол. гвардия, 2003. 422 с.
13. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. Ун-т типогр. Т. 2. М., 1845. С. 186-188.
14. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7 (Древо-Залежь). СПб. Изд. «Наука», 1992. 263 с.
15. Степанов В.П. Новиков Н.И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=962> (дата обращения: 06.03.2016)
16. Сухомлинов М.И. Н.И.Новиков, автор исторического словаря о русских писателях // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб, 1889. Изд. А.С. Суворина. С. 1-34.
17. Трудлюбивая пчела. Март 1759. СПб, 1880. Изд. Императорской академии наук. С. 191-192.

REFERENCES

1. Bogolyubov V.A. N.I. Novikov i ego vremya [N.I. Novikov and his time]. M., Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1916. 485 p.
2. Golitsyn N.N. Bibliograficheskii slovar' russkikh pisatel'nits [The bibliographical dictionary of Russian women writers]. SPb., Tip. V.S.Balashova, 1889. 308 p.
3. Drammaticheskii slovar', ili pokazaniya po alfavitu vsekh rossiiskikh teatral'nykh sochinenii i perevodov, s oznacheniem imen izvestnykh sochinitelei, perevodchikov i slagatelei muzyki [Drama dictionary, or testimony in the alphabet of all Russian theatrical works and translations, with indication of the names of famous writers, translators and slightly music]. SPb., Izd. knizhnogo magazina «Novogo vremeni», 1880. p. 99.
4. Efremov P.A. Materialy dlya istorii russkoi literatury [Materials for history of Russian literature]. SPb., Tip. I.I. Glazunova, 1867. 216 p.
5. ZHivopisets: Ezhened. zhurn. N.I. Novikova. [Painter: Weekly mag. by. N.I. Novikov]. 1772. Sheet 1.
6. ZHivopisets: Ezhened. zhurn. N.I. Novikova. [Painter: Painter: Weekly mag. by. N.I. Novikov]. 1772. Sheet 7.
7. ZHivopisets: Ezhened. zhurn. N.I. Novikova. [Painter: Weekly mag. by. N.I. Novikov]. 1772. Sheet 11.
8. Ivinskii A.D. Literaturnaya politika Ekateriny II: Zhurnal «Sobesednik lyubitelei rossiiskogo slova» [The literary policy of Catherine II: the Magazine «Interlocutor of Russian literature lovers»]. M., Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 120 p.
9. Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei: V 4 t. T. 2 [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vol. Vol. 2]. M., 1957. 836 p.
10. Nezelenov A.I. Nikolai Ivanovich Novikov, izdatel' zhurnalov 1769–1785 [Nikolai Ivanovich Novikov, publisher of journals 1769–1785]. SPb., Tip. V.S.Balashova, 1875. 447 p.
11. Novikov N.I. Opyt istoricheskogo slovarya o rossiiskikh pisatelyakh [Experience historical dictionary of Russian writers]. SPb., 1772. 264 p.
12. Peskov A.M. Pavel I. [Pavel the 1st]. M., Molodaya gvardiya, 2003. 422 p.
13. Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii, sochinenie mitropolita Evgeniya. T. 2 [Dictionary of Russian secular writers, compatriots and foreigners, who wrote in Russia, the work of Eugene Metropolitan. Vol. 2] M., Un-t tipogr., 1845. pp. 186-188.
14. SPb., Nauka, 1992, Iss. 7 (Drevo-Zalezh). 263 p.
15. Stepanov V.P. Novikov N.I. // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp. 1–3 [Elektronnyi resurs]. Novikov N.I. // Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Iss. 1–3 [E-source]]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=962> (request date 06.03.2016)
16. Sukhomlinov M.I. N.I. Novikov, avtor istoricheskogo slovarya o russkikh pisatelyakh [N.I. Novikov, author of the historical dictionary of Russian writers] // Sukhomlinov M.I. Issledovaniya i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniyu. T. 2 [Sukhomlinov M.I. Studies and articles on Russian literature and education. Vol. 2]. SPb., Izd. A.S.Suvorina, 1889. pp. 1-34.
17. Trudolyubivaya pchela. Mart 1759 [Hard-working bee. March 1759]. SPb., Izd. Imperatorskoi akademii nauk, 1880. pp. 191-192.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puryaeva Nadezda – candidate of Philological Sciences, chief lecturer at the Department of Russian language for foreign students, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University named

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Пуряева Н.Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н.И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 107-117.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-107-117

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Puryaeva N. Female writers in the first dictionary of Russian writers by N. Novikov // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 107-117.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-107-117

УДК 821.161.1.09 «20»

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126

НЕОАКМЕИЗМ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ XX ВЕКА

Фетисова Е.Э.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117997, Москва, Нахимовский проспект д. 51/21, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования становится неокмеизм как малоизученная культурная парадигма XX века, его история и его философское ядро – «семантическая поэтика». Данная статья иллюстрирует на отдельных примерах отличительные черты неокмеизма в межтекстуальной коммуникации с неоклассицизмом, символизмом и акмеизмом. Анализируется его фундамент, концепция, поэзия постреализма и неоклассицизма. Рассматривается также «синхронно-реминисцентный хронотоп», благодаря которому в мифологии создаётся «монолог на полифонической основе». Неокмеизм содержит в своей структуре некий объединяющий ментальный код русской культуры, который объединяет внешне совершенно разных поэтов в рамках единого литературного течения.

Ключевые слова: неокмеизм, семантическая поэтика, символизм, акмеизм, литературное направление, синхронно-реминисцентный хронотоп, поэзия.

NEO-ACMEISM IN THE CONTEXT OF THE LITERARY TRENDS OF 20TH CENTURY

E. Fetisova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky pr., Moscow, Russian Federation, 117997

Abstract. The research subject of the present article is neo-acmeism as an understudied cultural paradigm of the 20th century, its history and «semantic poetics» as its philosophical «code». The article illustrates the particular features of neo-acmeism in terms of intra-text communication with neo-classicism, symbolism, and acmeism. The author also analyzes the foundation, conception, poetics of post-realism and neo-classicism and «synchronous-reminiscent chronotope» that creates the «polyphonic monologue» in mythology. Neo-acmeism contains the mental code of Russian culture which within the framework of one literary movement unites poets that may seem absolutely different.

Key words: Neo-acmeism, semantic poetics, symbolism, acmeism, literary trend, synchronous-reminiscent chronotope, poetry.

Неокмеизм («ренессансный» акмеизм) наследует от своего достойного «отца» пафос мужественного преодоления разрывов в пространстве и времени, панхроническую концепцию исторического «эона», культуросцентричность и

христоцентричность художественного мира, проникнутого божественным началом и пребывающего в ожидании «нового Адама», дарующего номинации вещам, предметам и образам, божественное могущество Слова-Логоса, которое в акмеистическом тексте становится сакральным, молитвенным, обретая надвременной статус (А.Ф. Лосев выделял в слове его «допредметную» и собственно «предметную» сущность, с чем перекликается мандельштамовское сравнение слова то с камнем (в «Утре акмеизма»), то с Психеей (в «Слове и культуре»); поэт неоакмеизма, как, впрочем, и поэт-акмеист, предстаёт многоипостасным харизматическим лидером, в связи с чем на первый план вновь выдвигается ренессансная личность, фигура Данте Алигьери, а мотивы, аллюзии, образы, реминисценции «Божественной комедии» и «Vita nuova» пронизывают художественную ткань произведений неоакмеистов); утверждается единство сакрального (высшего) и профанного (низшего) бытия, непререкаемый авторитет памяти и ориентация на классическую традицию.

Акмеизм и неоакмеизм – литературные направления, противопоставившие себя по ряду оснований авангарду. В отличие от символизма и футуризма, неоакмеизм – явление сугубо национальное, не имеющее аналогов в мировой литературе. Можно выделить три группировки неоакмеизма: «старшие неоакмеисты» (Арс. Тарковский, М. Петровых, Г. Оболдуев) и поэты «фронтального поколения» (Д. Самойлов, С. Липкин, Ю. Левитанский) – плеяда классических неоакмеистов, опирающихся на русскую классическую традицию

(Ахматову, Мандельштаму, Гумилёву) и библейские архетипы, наделённые глубоким онтологическим содержанием; «шестидесятники» (Б. Ахмадулина, Ю. Мориц, Л. Лосев, И. Лиснянская, А. Кушнер), противопоставившие свою романтически-элегическую эстетику конъюнктурной, официальной эстетике соцреализма. Их поэзия характеризовалась сменой ритма, монтажным принципом построения стиха и инновациями в области формы. И, наконец, поколение «задержанной литературы» 1970-1980-х годов (В. Кривулин, С. Стратановский, О. Седакова, Л. Миллер, Г. Русаков, Г. Умывакина) образует внешний концентрический круг неоакмеизма и является создателем «метафизической поэзии», приоритет в которой отдаётся постоянно осуществляемому цитатному диалогу с классическими текстами и необыкновенному чувству историзма.

Неоакмеизм – один из основных ненормативных стилей русской литературы XX века, но лишь в той степени, в какой не признаёт норму «эталонной». Провозгласив «преодоление» символизма и утвердив себя через это «преодоление», отказ от «мистических спекуляций», но, тем не менее органично переработав основные его принципы, неоакмеизм не являлся отчётливо маркированным стилем. Время и память – основные доминанты поэтического мировидения – служат ключом к постижению законов истории и современности. Смена художественных направлений «символизм – акмеизм (адамизм) – неоакмеизм» привела к тому, что лирический герой, «вечности заложник» (Б. Пастернак), оказался теперь «лицом к лицу с вечным временем и бесконечностью Мироздания, со

Смертью, Любовью как метафизическим преодолением бренности Бытия, с Богом как образно-философским осуществлением Абсолюта» [9, с. 12].

Первоначальным этапом нарождающегося неоакмеизма можно считать неоклассицизм 20-х годов XX века. Какой-либо отчётливой программы неоклассицизм не разработал, не был собственно литературным направлением, а представлял собой контрпоэтику, противопоставив себя по ряду оснований авангарду (футуризму) с его категорическим отказом от классической традиции. Следовательно, акмеизм, очищенный от адамизма Нарбута и Зенкевича, – нарождающийся неоакмеизм – рассматривается в рамках неоклассицизма, будучи противопоставленным футуризму: «Русский неоклассицизм начала двадцатых годов осознавал себя в первую очередь противовесом безудержности футуризма и других многочисленных в то время групп, разрушающих установленные каноны стиха. <...> Сказывалась, кроме того, и неудовлетворённость узкими рамками самого акмеизма, как он был преподнесён в манифестах» [7, с. 562-564]. Таким образом, неоакмеизм зарождался как литературное направление, призванное усовершенствовать поэтический язык и формальные приёмы классического акмеизма.

Вяч. Иванов, первый поэт-неоклассицист, ознаменовал своим творчеством переход от символизма к акмеизму, то есть смену культурных парадигм. Рационалистически-логичный подход к поэзии, связь дионисийского и аполлонического начал, уравновешенных на чаше Божественных Весов в программном стихотворении «Весы» (1904), делает его фигуру предтечей

акмеизма и нарождающегося неоакмеизма.

Основные тезисы поэзии Вяч. Иванова – «скреплять двух столетий звонки» (как у О. Мандельштама) посредством «памяти культуры», не забывать о великой роли Данте в качестве учителя и наставника поэтов («Уже наставник твой – не Юм – «суровый Дант!»» [4, с. 12] – в стихотворении «La faillite de la science»); не будет преувеличением утверждать также, что Вяч. Иванов – предтеча неоакмеизма, так как его поэтический дар зиждется на «трёх китах» неоакмеистической доктрины: на утверждении о том, что «поэт – «новый Адам», спустившийся в бездны мироздания и давший номинации предметам и вещам окружающего Бытия («Так долго с пророческим мёдом / Мешал я земную полынь, / Что верю деревьям и водам / В отчаяньи рдяных пустынь...» – стихотворение «Fata morgana» [4, с. 8]); на классическом наследии А.С. Пушкина («Куда учёная потянется ватага? / Ужели на Парнас?.. Затем, что знания – нет! / Ты бросил в знанье сеть и выловил сонет» [4, с. 12] – вышеупомянутое стихотворение «La faillite de la science»); и, наконец, на культе Возрождения, сильной личности, возвысившейся над бездной повседневности, Данте или Сандро Боттичелли.

Имплицитный переход от акмеизма к неоакмеизму в эмиграции (где важна составляющая символизма и символистской эстетики) демонстрирует собой творчество В. Ходасевича, ученика Н. Гумилёва. В поэзии В. Ходасевича едва ли не впервые вводится онейросфера (сфера поэтических сновидений), что указывает именно на связующее звено от символистской па-

радигмы к неоакмеистической. Так, в стихотворении «Как силуэт» впервые возникает образ «реки забвения» (дословно «забвенной реки» [8, с. 10]), а в стихотворении «У моря» (1917) В. Ходасевича морской прибой в сознании лирического героя ассоциируется с летней прохладой, по аналогии с образом Леты-Невы в «Поэме без героя» А. Ахматовой: «А мне и волн морских прибой, / Влача камня, / Поёт летейскою струёй, / Без утешенья» [8, с. 90].

В «Эпизоде» определяющее значение приобретает область онейросферы. Герой видит себя словно со стороны, как своего мифического двойника: «Того меня, который предо мною / Сидел, – не ощущал я вовсе...» [8, с. 92]. Стихотворение построено как предсмертное странствие души по реке забвения – вся жизнь проносится перед глазами лирического героя как эпизод киноленты: «Так, вёсла бросив и сойдя на берег, / Мы чувствуем себя вдруг тяжелее...» [8, с. 93]. Стихотворение «Золото» (7 января 1917) продолжает погребальную тематику. ИмPLICITно используется образность «Божественной комедии» Данте: мертвец, переплывая Лету, платил Харону за перевозку монеты в один обол, зажимая её во рту: «В могильном сумраке истлеют мак и мёд, / Провалится монета в мёртвый рот...» [8, с. 95].

Образность стихотворения с говорящим названием «Гадание» (1 мая 1907, Лидино) восходит к классической ахматовско-пушкинской традиции, не случайно ему предпослан эпиграф «Гадает ветренная младость...» Пушкина. Здесь используется старинный обряд «литьё воска»: «Свеча колеблет пламя красное. / Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!» [8, с. 13]. Воск оплавляется от

свечи и наливается в воду, а получившаяся фигурка олицетворяет собой судьбу героя – «рок», «Ананке».

В диптихе «Века, прошедшие над миром...» упомянуты дантовский образ «стигийских камышей» («Века, прошедшие над миром, / Протяжным голосом теней / Ещё зывают к нашим лирам / Из-за стигийских камышей» [8, с. 48]), «хор вздыхающих теней», «сумрак Эреба». Традиционен для неоакмеизма также пietet к древнегреческой мифологии. Миф об Орфее и Эвридике воссоздан в стихотворении «Возвращение Орфея» 1910 года: упомянуты мёртвая река Коцит, царство мрачного Аида, куда, по легенде, спустился влюблённый Орфей, чтобы вырвать из теней смерти свою Эвридику: «Несчастен, кто несёт Коцитов дар стенаний / На берега земных весёлых рек!» [8, с. 47].

Неоакмеизм как литературное направление представляет собой синтез модернизма и реализма. В произведениях И. Бродского, И. Лиснянской, Д. Самойлова, Арс. Тарковского творчески переработаны определённые черты каждого из направлений, но ни одно не доминирует над другим. Здесь соединились мифологизирующая авторская фантазия, творящая мистические миры, дихотомию реального-ирреального – согласно символистской традиции, – и ясность, конкретика видения окружающего мира, – унаследованные, безусловно, от реализма.

В центре эстетики неоакмеизма лежит представление о мире как «эстетическом феномене», которое было впервые обосновано в философии Шопенгауэра («Мир как воля и представление»). Вслед за символистами, подвергнув переосмыслению неопла-

тоновские и кантовские идеи, неоакмеисты чётко дифференцировали мир феноменальный, мир познаваемый, мир явлений, данных человеку в осязаемых чувствах, и мир ноуменальный, сферу скрытых сущностей, непознаваемых объектов, которые ещё надлежит узнать посредством «высокоинтеллектуальной интуиции» (термин О. Лосского) или особого, «мистического» озарения. Через «сверхчувственную интуицию» художнику-Демииургу даётся возможность разгадки таинственной сути мира. Аналогично «семантическая поэтика» творит «вторую реальность», постигаемую посредством переживаний и архетипически восходящую к символистской «теории соответствий». Так, в стихотворении «Всё обещало мне его...» А. Ахматовой автор моделирует «магическую реальность» посредством фольклорно-мифологического принципа «симпатических связей» (разнопорядковые явления соединяются причинно-следственными отношениями, не свойственными им в действительности). Немаловажно и то, что «семантическая поэтика» как потенциальная культурная парадигма самолично творит собственную философию в русле акмеизма и неоакмеизма – эйдолологию – науку об образах – термин, принятый в «Цехе поэтов». В статье «Анатомия стихотворения» (1921) Гумилёв писал: «Теория поэзии может быть разделена на четыре отдела: фонетику, стилистику, композицию и эйдолологию. <...> Эйдолология подводит итог темам поэзии и возможным отношениям к этим темам поэта» [1, с. 248].

«Семантическая поэтика» как потенциальная парадигма обладает отнесенностью устойчивым «центром»,

«кодом» (кодирующим механизмом) – полицитатностью, максимальной диалогичностью, апелляцией к сознанию адресата, равноправием читателя и автора в процессе активного сотворчества, функциональной открытостью, стереофонической полифонией – повторяющимся так или иначе в каждом произведении акмеистического (неоакмеистического) текста, и различной периферией – разным набором смысловых (содержательных) и жанровых (формальных) «валентностей», в совокупности образующих внешний реминисцентный слой, обуславливающий с помощью различного набора аллюзий и реминисценций (периферии парадигмы) оригинальность и специфику каждого конкретного неоакмеистического произведения. Например, к стихотворению «Надпись на книге» Арс. Тарковского («надпись» – древнейший жанровый канон сентиментализма) подключается неявная жанровая «валентность» послания.

Так, одно произведение или «семантический пучок» (строфа, фраза, стихотворение целиком) архетипически может восходить к двум и более источникам – но не менее двух (обязательный дифференцирующий признак ядра парадигмы); другое же – к восьми одновременно и более первоисточникам, аллюзиям и реминисценциям русской и мировой литературы, философии и эстетики. Структура «семантической поэтики» провоцирует стереофонический диалог текстов, полисемию смысла, что, в свою очередь, порождает эффект «двойной экспозиции», полицитатность (с содержательной точки зрения), а также возникновение жанров на стыке двух и более жанровых «валентностей» (с

формальной точки зрения). Так, не-установленная цитата «Решки» в «Поэме без героя» А. Ахматовой – «По ту сторону ада мы» [2, с. 198] – имеет философско-литературную родословную, восходя одновременно к трактату Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (1885) и роману Шервуда Андерсена «По ту сторону желаний». Возможны также конкретно-исторические реалии 1930-х годов – женщины под тюремными стенами «Крестов».

«Семантическая поэтика» как онтологический центр неоакмеизма нацелена на аккумуляцию и творческое преобразование художественного материала, которым служит образ, мотив, сюжет, цитата, новый жанр, аллюзия, реминисценция. Данная установка обеспечивает «семантической поэтике» и неоакмеизму в целом невероятную устойчивость и жизнеспособность на протяжении всего литературного процесса XX века.

Неоакмеизм во многих своих аспектах продолжил миссию символизма. Так, в основе концепций символизма и неоакмеизма лежит представление о «двоемирии», о нераздельности двух планов бытия – феноменального и нуминального, материального и духовного, земного и небесного, которые трансформируются в поэтическом универсуме в дихотомию взаимоисключающих начал. Художественное воплощение антиномичного мира осуществляется путём погружения поэта в себя, «интеллектуальной интуиции» (термин О. Лосского), «внутреннего зрения», путём воскрешения усилиями памяти мифического начала в обрванной, метафорической аналогии.

Как и символизм, неоакмеизм зарождался в оппозиции к любым фор-

мам идеологической «ортодоксии» – в частности, соцреализму. Неоакмеизм, как и декаданс, был ориентирован на творческую активность читателя, о чём красноречиво говорит манифест «Третьего Цеха». Первый состав «Третьего Цеха» задумывался не столько как антисимволистская коалиция, сколько как союз, призванный объединить всё постсимволистское поколение поэтов. Итак, неоакмеизм получает расширительное значение, объединяя под своим знаменем формально непохожих поэтов, объединённых едиными содержательными доминантами. Символизм и неоакмеизм также сближало обращение к сфере подсознательного, снам, галлюцинациям, «тёмным тайным чувствованиям». Поэзия неоакмеизма – поэзия «трансцендентальная», проникающая в недра сокровенной сущности – образа-символа.

Более того, русский символизм, впитавший в пору своего расцвета идеи Вл. Соловьёва (учение о теургии – художественном творчестве, освещённом божественным откровением – работы «Две стихии в современном символизме» Вяч. Иванова 1908 года и «Смысл искусства» А. Белого 1910 года), учение о Мировой Душе, перенёс их как неотъемлемую часть своих философско-культурных доктрин в неоакмеизм. И в символизме, и в акмеизме, и в неоакмеизме осуществлялся синтез различных, порою весьма отдалённых временных планов – в поэзии И. Анненского, Вяч. Иванова, А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, И. Лиснянской, Арс. Тарковского, Д. Самойлова время давнопрошедшее, плюсквамперфект соединялось со временем будущим.

Если символизм зарождался в России в процессе взаимодействия с реализмом, то и неокмеизм характеризуется как взаимовлияние, притяжение-отталкивание элементов исторического, психологического реализма и модернизма, что само по себе становится движущим началом литературного процесса второй половины XX века. Е.В. Ермилова выделяет минимум признаков, формирующих специфически неокмеистическую картину мира, краеугольным камнем которой является элемент артельности: «культуроцентризм, этикоцентризм, историзм, принцип воплощённости духовного начала, новая субъектная структура, сформированная исходя из идеи “общей судьбы”» [3, с. 439-440].

Философско-онтологический фундамент неокмеистического текста формируется на основании трёх источников: «Первое знание, данное человеку: «я», бытие внутреннего мира личности – психология, в самом широком смысле; второе знание – «не-я», бытие внешнего мира – космология; третье: конец «я» и «не-я» – эсхатология» [6, с. 18]. Если рассматривать синтез элементов исторического и психологического реализма в творчестве неокмеистов, нужно учесть, что художественная природа неокмеистического текста двойственна, двуслойна. Благодаря соприсутствию в тексте синхронно-реминисцентного хронотопа, создающего персонажную полифонию, свойственную произведениям «большого жанра» (термин М.М. Бахтина), в частности, романам Ф.М. Достоевского, и единого, но многоликого Автора, создающего единый «авторский миф» и нераздельный лирический сюжет, целесообразно говорить о художествен-

ном синтезе элементов исторического и психологического реализма на уровне поэтики неокмеистических произведений. Неокмеистический способ организации поэтического сюжета, основанного на множественности персонажей – лирических двойников автора – создаёт иллюзию психологического проникновения в историческую реальность, в историю, и, вместе с тем, «объективности» стиля – не от автора, а от лица персонажей, ожившими «голосами» прошлого. Так, в произведениях Арс. Тарковского доминирует время циклическое – ницшеанская, «диониссийская» его модель как вечного возврата и повторения – так рождается полифония отдалённых эпох.

Множество мифов Ветхого завета, античности, средневекового рыцарства, Возрождения и Нового времени, библейские и евангельские сюжеты, исторические мифы о реальных героях и реминисценции на них – всё скрепляется авторским замыслом, индивидуальным авторским «мифом», и воспринимается как неповторимо личностное переживание запечатлённого в них предания. Таким образом, художественное время неокмеистического текста двуслойно: это и мифологическое время Автора-«героя», и время конкретно-историческое, обладающее вселенской перспективой. Воображение поэта возвращается к истокам культуры, началу истории, в «подвал памяти» («Поэма без героя») разных веков и столетий. Связь прошлого и будущего восстанавливается через обращение поэта к истории, к памяти «ненапряжного прошлого» с целью различить в нём вневременное, апокалиптическое время «во все времена».

В произведениях адептов акмеизма – А. Ахматовой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама – и неоакмеистов, объединённых рамками «семантической поэтики», особый «механизм памяти» (модель осмысления настоящего) способствует синкретизму формы воспоминания, когда «воспоминание» о прошедшем оборачивается «пророчеством», предсказанием будущего, определяя «зеркальный» пространственно-временной принцип композиции. Память предстает как некая мыслящая субстанция, воплощающая в себе идею соборности (П. Флоренский), включённой в поток настоящего и будущего, цикличной соотнесённости времён, в то время как автор «обретает мифопоэтический статус “хранительницы прошлого”, “держательницы времени”» [5, с. 121].

Неоакмеизм в эмиграции («парижская нота» – Г. Адамович, Г. Иванов,

«Скит поэтов», поэты «Молодой Чураевки») продолжил миссию символизма: «двоемирие», концепт мира как «эстетического феномена» он преобразует в принцип мистического энергетизма, постигая мир ноуменальный через «мистическое озарение». Эмигрантский неоакмеизм раскрывается как синтез элементов модернизма и реализма. Данное исследование неоакмеизма как непрерывной парадигмы постсимволистского, традиционалистского творчества, как одной из значимых линий литературного развития, соединяющий в себе исторический опыт России (метрополии) и эмиграции (русского зарубежья), способствует выявлению внутренней целостности русской литературы, развивающейся в диалоге различных художественных систем (в частности, символизма, неоклассицизма, акмеизма, футуризма).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т.А. Бек. М.: АСТ, 1997. 428 с.
2. Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. 640 с.
3. Ермилова Е.В. Акмеизм // Русская литература рубежа веков, (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 770 с.
4. Иванов Вяч. Утренняя звезда: Стихотворения. М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. 239 с.
5. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. М.: МАКС Пресс, 1997. 148 с.
6. Мережковский Д. Тайна Запада: Европа – Атлантида. Белград, 1931. 109 с.
7. Русская литература 1920-1930-х годов: Портреты поэтов: в 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 1024 с.
8. Ходасевич В. Тяжёлая лира: Стихотворения. М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. 238 с.
9. Эткинд Е. Там, внутри: О русской поэзии XX века. СПб.: Око, 1997. 568 с.

REFERENCES:

1. Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zаметki. Memuary [Anthology of Acmeism: Poems. Manifests. Article. Notes. Memoirs]. M., AST, 1997. 428 p.
2. Akhmatova A. Sobr. soch.: v 6 t. T. 3 [Coll. works: in 6 vol. Vol. 3]. M., Ellis Lak, 1998. 640 p.
3. Ermilova E. V. Akmeizm // Russkaya literatura rubezha vekov, (1890-e - nachalo 1920-kh godov): v 2 t. T. 2. [The Acmeism // Russian literature of the century]. M., IMLI RAN, 2001. 770 p.

4. Ivanov Vyach. Utrennyaya zvezda: Stikhotvoreniya [The morning star: Poems]. M., NeksMedia; ID Komsomol'skaya pravda, 2013. 239 p.
5. Kikhnei L.G. Poeziya Anny Akhmatovoi: Tainy remesla [The poetry of Anna Akhmatova: the Secrets of the craft]. M., MAKS Press, 1997. 148 p.
6. Merezhkovskii D. Taina Zapada: Evropa – Atlantida [Mystery Of The West: Europe - Atlantis]. Belgrade, 1931. 109 p.
7. Russkaya literatura 1920-1930-kh godov: Portrety poetov: v 2 t. T. 2 [Russian literature of 1920-1930-ies: Portraits of poets: in 2 vol. Vol. 2]. M., IMLI RAN, 2008. 1024 p.
8. Khodasevich V. Tyazhelaya lira: Stikhotvoreniya [Heavy lyre: Poems]. M., NeksMedia; ID Komsomol'skaya pravda, 2013. 238 p.
9. Etkind E. Tam, vnutri: O russkoi poezii KHKH veka [There, inside: On Russian poetry of the XXth century]. SPb., Oko, 1997. 568 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фетисова Екатерина Эдуардовна – кандидат филологических наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН);
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fetisova Ekaterina – candidate of Philological Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фетисова Е.Э. Неоакмеизм в контексте художественных направлений XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 118-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Fetisova E. Neo-acmeism in the context of the literary trends of 20th century // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 118-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126

УДК 821.161.1:82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-127-133

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В. М. МАРКОВИЧА

Фурат Камил

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. Роман Тургенева «Отцы и дети» не успел ещё выйти в свет, как всесторонняя критика окружила его. Отзывы о романе были как положительные, так и отрицательные. Главным мотивом того, что роман приковал такое большое внимание читателей, является изображение нового поколения и его конфликт со старым поколением.

Известный русский критик Маркович в своих статьях оригинально подошёл к критике тургеневского героя, Базарова, считающегося представителем нового поколения. Кроме этого Маркович рассматривает влияние базаровских убеждений на нынешнюю молодёжь. Точка зрения Марковича относительно данного романа имеет большое значение, так как он даёт оригинальные ответы на такие вопросы как: является ли на самом деле Базаров революционером? Что служит источником его нигилистического отношения? Повлияли ли убеждения тургеневского героя на новое поколение?

Ключевые слова: Маркович, критик, Тургенев, «Отцы и дети», Базаров, новое поколение, нигилизм, революция.

THE NOVEL 'FATHERS AND SONS' BY I. TURGENEV IN THE WORKS AND CRITICS OF V. MARKOVICH

K. Furat

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. When the novel «Fathers and Sons» by Turgenev was just about to see the light the overall critics surrounded it. The feedback about the novel was both positive and negative. The main reason for the novel being in the spotlight and attracting a huge attention of readers was putting the conflict between the two generations to the foreground. A famous critic Markovich had an original opinion about the Turgenev's main hero Bazarov who represented a new generation in the novel. Apart from that, Markovich considered the influence of Bazarov's ideas on young people. Thoughts and opinions of Markovich have a great importance as they give non-standard answers to such questions as: is Bazarov a real revolutionist? What is the source of his nihilistic attitude? Did his views have any influence on the younger generation?

Key words: Markovich, critic, Turgenev, Fathers and Sons, Bazarov, new generation, nihilism, revolution.

Среди проблем изучения романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», наметившихся в российском литературоведении начиная с 1960-х годов, особое место занимает проблема типологии героев, соотношения персонажей книги и некоей более общей художественной системы, которая могла бы способствовать более глубокому и сложному пониманию позиций тургеневских героев, прежде всего Базарова. В решении этой проблемы, по-видимому, особую роль сыграли труды В.М. Марковича, начиная с 1970-х годов определявшие одно из важнейших направлений в российском тургеневедении и сами ставшие в настоящее время уже предметом литературоведческой интерпретации [1, с. 146-153]. Однако целостная концепция В.М. Марковича, связанная с оценкой романа «Отцы и дети», ещё не была осмыслена монографически, и настоящая статья имеет целью проанализировать, что внёс исследователь в оценку тургеневского романа, какова его трактовка «Отцов и детей», и в частности главного героя романа – Евгения Базарова.

Основой для оформления этой концепции стала, по-видимому, книга исследователя «Человек в романах Тургенева», изданная в Ленинградском государственном университете в 1975 г., в которой рассматривались устойчивые закономерности изображения персонажа, сложившиеся в тургеневской романистике. Типологический подход, впервые применённый исследователем по отношению к тургеневскому роману как особой разновидности реалистического романа, позволил выявить своеобразный «закон» тургеневского художественного мира: в центре его романа – тайна личности

героя, суть сюжета составляет разгадка этой тайны, и при этом суть этой тайны – логика взаимного перехода в структуре художественного образа типических и индивидуальных черт, «неповторимо-человеческого и общего, исторического, социального» [4, с. 10].

Очевидная новизна взгляда В.М. Марковича на тургеневский роман определялась и отчётливым стремлением исследователя отказаться от однозначного взгляда именно на полемические аспекты произведения. По мысли учёного, и в «Отцах и детях» Тургенев остаётся автором, стремившимся отыскать некое волшебное «равновесие противоположностей» (не случайно именно так была названа первая глава книги). «Очевидная эстетическая цель поэтики Тургенева – синтез истины и гармонии. Причём гармония призвана войти в искомый синтез как начало организующее, вносящее в него “высший порядок и ясный строй”», и условием такой гармонии «...оказывается равновесие и конкретно – равновесие, обеспечиваемое сдержанностью, всеобъемлющим ограничением вступающих во взаимодействие начал и стихий» [4, с. 28]. Не случайно Маркович столь настойчиво подчёркивает наряду с самостоятельностью и безусловным верховенством фигуры Базарова его параллелизм с другими героями – как с Павлом Петровичем («Казалось бы, между Базаровым и его антагонистом Павлом Кирсановым не может быть ничего общего. Но история любви Базарова к Одинцовой многими чертами напоминает историю несчастной страсти Павла Петровича» [4, с. 29]), так и с Аркадием.

Типология тургеневских персонажей выстраивается исследователем

на основе единого общего критерия – отношения личности к окружающему миру, степени зависимости от него или же, напротив, свободы. На этом основании выделяются три основных типа: герои-эгоисты, цель которых – жизненное преуспевание, и потому связь их с порождающим социумом неразрывна (добавим от себя, что применительно к «Отцам и детям» таковыми можно считать сатирически изображённых городских обывателей и особенно пародийных двойников Базарова – Ситникова и Кукшину); далее идут герои, наделённые чертами духовности и потому чуждые светской суете, свободные от корысти и тщеславия, однако не разрывающие связи с миром до конца (таковы в трактовке В.М. Марковича Павел, Николай и Аркадий Кирсановы); наконец, высшую ступень занимает главный герой, который в романе Тургенева всегда выделен как сюжетно, так и мировоззренчески. Жизненная позиция такого героя резко выделяет его из общества. «То, ради чего живут эти люди, объединяет их от всего, что происходит в окружающем их социальном мире, от всего, что возможно в его рамках» [4]. Таков Базаров – истинно гениальная, исключительная натура; по мысли Марковича, такие люди всегда одиноки и непоняты.

Именно на этом основании складывается в последующих работах учёного сопоставление мировоззренческой позиции Базарова и его возможных реальных прототипов – революционеров-демократов 1860-х годов. В.М. Маркович считает, что мировоззрение революционер-демократов и Базарова значительно различаются: Базаров не является революционером,

он всего лишь является вдохновителем изменения социального порядка. Не случайно в споре с Павлом Петровичем по поводу изменения мирового порядка Базаров не даёт никаких конкретных ответов. Маркович склонен считать, что у героя вовсе нет этого плана: «Во время спора Базарова прямо говорится о том что, у него нет и не может быть никакой положительной программы, потому что у него нет и не может быть никакой другой цели, кроме цели разрушения» [2, с. 182].

Это исключительное положение героя, по мысли Марковича, определяет и природу нигилизма Базарова. В его основе, помимо чисто мировоззренческих оснований, лежит психологическая черта, свойственная главным тургеневским героям – их исключительная самостоятельность. Таким образом, основой нигилизма оказывается желание Базарова сделать людей духовно свободными, чтобы каждый мог высказывать своё мнение (вспомним смелое высказывание героя: «Я ничьих мнений не разделяю, я имею свои» [5, с. 293]).

Базаров считает, что, если человек не берёт себе за идеал готовый авторитет, именно тогда он действительно свободен. Маркович утверждает, что у Базарова настолько сильно чувство свободы, что он не подпускает к себе даже тех героев, которые близки ему по убеждениям. Критик считает, что это не просто принцип, эта особенность представляет собой суть личности Базарова. «Сам тип его <Базарова. – К.Ф.> мышления исключает всякую законченность и нормативность, исключает всё, что может как-то ограничить его критицизм» [4, с. 87]. Он настолько независим, что не позволяет даже своим

убеждениям превращаться в догматы. Не случайно, когда во время спора Базарова с Павлом Петровичем на тему общества Аркадий оказывается на стороне Базарова («Современное состояние народа этого требует, – с важностью прибавил Аркадий, – мы должны исполнять эти требования, мы не имеем права предаваться удовлетворению личного эгоизма» [2, с. 188]), Базаров отвергает эту поддержку. В.М. Маркович придерживается мнения, что причиной этому – то, что Аркадий употребил такие слова, как: *требует, должны, не имеет права, личный эгоизм* и т. п. Эти слова могут свидетельствовать только о слабости, по мнению же Марковича, Базаров и его убеждения есть сама сила. Требовать, обязывать могут только слабые люди. Личность, которая преследует определённую цель, не должна прибегать к таким выражениям. Именно эти слова в речи Аркадия затронули за живое Базарова и задели его честь, считает Маркович. Именно это послужило поводом недовольства тургеневского героя.

Оригинальность и принципиальная выделенность главного тургеневского героя из окружающего общества определяет, по мысли В.М. Марковича, и своеобразие демократизма Базарова. Он словно бы и здесь доходит до крайностей. В качестве доказательства Маркович приводит пример из разговора Базарова с Одинцовой. Базаров утверждает, что между людьми нет ни социальных, ни нравственных отличий, а некоторые внешние отличия ни о чём не говорят: «Все люди друг на друга похожи как телом, как и душой; у каждого из нас мозг, селезёнка, сердце, лёгкие одинаково устроены; и так называемые нравственные качества одни

и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат» [5, с. 495].

Разумеется, подобное суждение не имеет ничего общего с демократией как политической позицией. Маркович придерживается мнения, что это понятие гуманистическое, оно выше политики. Маркович считает, что понимание демократии Базаровым отличается от демократизма 1860-х гг. Демократы 1860-х гг. старались помочь народу стать лучше; они осознавали и принимали все его недостатки, но никогда не критиковали народ и не питали к нему ненависти. Что же касается базаровского демократизма, он выражается в жёсткой критике по отношению к народу. На самом деле своей критикой Базаров добивался пробуждения сознания народа. Согласно убеждениям тургеневского героя, людям сначала нужно обрести духовную свободу, а потом приступать к каким бы то ни было социальным преобразованиям.

Исключительность позиции тургеневского героя, по мысли В.М. Марковича, может объяснить и такие сложно интерпретируемые особенности его позиции, как отрицание нравственных ценностей – искусства, любви, музыки, поэзии, природы, науки, семьи, брака. Все эти ценности сближают людей: для Базарова же подобное сближение воспринимается как нечто ограничивающее, мешающее проявлению более высоких душевных способностей. Вышеперечисленные нравственные ценности ограничивают талант человека. По мысли исследователя, «жизненная цель» тургеневского героя «не имеет оснований вне собственной личности. Цель задана герою его внутренними стремлениями и потребностями, все обоснования, идущие извне, явно

“вторичны” <...> Духовный поиск героя по существу автономен» [4, с. 102], и потому Базаров не может ограничивать собственные стремления к идеалу, который выше и значимее всего, что может предложить ему окружающий мир – пусть этот идеал и не выявлен как нечто конкретное.

По мнению Марковича, простое проявление человечности тургеневского героя во второй части романа напрямую связано со сближением с Одинцовой. Базаров полюбил Одинцову, и это стало поводом для начала его изменения. Однако внутренний нигилизм героя препятствовал этим переменам: ему пришлось пожертвовать своей любовью. Более того, это заставило его крепче привязаться к своим убеждениям. Маркович полагает, что благодаря любви к Одинцовой Базаров многому научился. Прежде всего, он начал ценить людей. Причиной удивительных изменений Базарова стало умение героини ценить человечность людей и её забота о будущем поколении. К одному из этих важных качеств относится чувство свободы: Одинцова, подобно Базарову, ценит свободу.

Однако отрицание любви тургеневским героем после встречи с Одинцовой стало более напористым и жёстким, так как раньше Базаров отрицал то, чего не мог осознать, но после того, как он начал питать чувства к Одинцовой, герой пришёл к выводу, что любовь на самом деле губительна: она лишает человека свободы, постепенно начинает отравлять его. Поэтому главный герой стал сильнее отрицать любовь.

Нигилизм Базарова, на взгляд Марковича, ничем не обоснован, у героя

нет опоры со стороны других людей. Базаров преданно верит в себя: он одинок. «Его ум противится любым окончательным решениям. <...> Поэтому, отвергая старые теории, Базаров не намерен доверяться новым – не обернутся ли они догмами, которые потребуют повиновения? Он хочет сохранить свободу и живой контакт с реальностью – и то другое для него дороже любых “доктрин”» [3, с. 495].

Но почему же нигилизм Базарова столь оторван от реальной общественной ситуации той поры? Маркович даёт следующий ответ: «До конца ясно лишь то, что эта тенденция противостоит всем реально сложившимся формам жизни и сознания людей, одновременно в чём-то выходя за пределы всех известных тогда Тургеневу форм революционности» [2, с. 201-202].

Маркович утверждает, что желание Базарова оставаться до последнего независимым является признаком исключительного индивидуализма тургеневского героя. Все его истины и принципы принадлежат лишь ему одному. Он не хочет ни с кем делиться своими мыслями и идеями. Доказательством этого в работах Марковича становится сравнение Базарова с героями романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Он утверждает, что между его героями и Базаровым есть единственное отличие: тургеневский герой, желая оставаться свободным, отдаляется от людей, а герои Чернышевского не поступают так. Маркович считает, что причиной их нежелания отдалиться от общества заключается в их осознании того, что они являются частью того самого общества. Поэтому для них важно единство и целостность общества: «разумный эгоизм существенно изменяет, но

не устраняет традиционную основу взаимоотношений человека и мира: дело опять-таки сводится к согласованию человеческой жизни с внешней нормой» [3, с. 504]. Базаров же стремится всегда мыслить по-другому, не так, как другие люди, никому не покоряться и не поддаваться чужому мнению.

В романе Тургенева только личность, отделившаяся от традиционного общественного целого, стремится внести в мир социальных отношений

истинно достойные человеческие ценности. Только она стремится подчинить исторический процесс осуществлению человеческих идеалов, только в её индивидуальной жизненной позиции находят воплощение принципы подлинно человеческого бытия [3, с. 506]. Такой взгляд исследователя существенно обогатил трактовку идейной структуры романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и способствовал оживлению научных дискуссий вокруг этого произведения в 1980-е годы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Затеева Т.В., Ленхобоева Т.Р. Рецепция романов И.С. Тургенева в трудах В.М. Марковича // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Литературоведение. Вып. № 1. Т. 10. 2014. С. 146-153.
2. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: ЛГУ. 1982. 208 с.
3. Маркович В.М. О проблематике роман «Отцы и дети» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Вып. 6. Ноябрь – Декабрь. С. 495-508.
4. Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: ЛГУ, 1975. 152 с.
5. Тургенев И.С. Отцы и дети. СПб. Наука. 2008. 620 с.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.: Изд-во АН СССР. 1966. Т. 12.
7. Aydın S.Ö. XIX. Yüzyıl Rus Edebiyatı Üzerine Yazılar. İstanbul. Evrensel Basım Yayın. 1994. 176 S.
8. Behramoğlu A. Rus Edebiyatı Yazıları. İstanbul. Tekin yayınevi. 2012. İstanbul. 272 s.

REFERENCES:

1. Zateeva T.V., Lenkhoboeva T.R. Retseptsiya romanov I.S. Turgeneva v trudakh V.M. Markovicha [Reception of the novels by I.S. Turgenev in the works of V.M. Markovich] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. 2014. Iss. 1. Vol. 10. pp. 146–153.
2. Markovich V.M. I.S. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka [Turgenev and Russian realistic novel of the XIX century]. L., LGU, 1982. 208 p.
3. Markovich V.M. O problematike roman «Ottsy i deti» [On the problems of the novel “Fathers and children”] // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1971. no. 6. Nov. – Dec. pp. 495–508.
4. Markovich V.M. Chelovek v romanakh I.S. Turgeneva [Man in the novels of Ivan Turgenev]. L., LGU, 1975. 152 p.
5. Turgenev I.S. Ottsy i deti [Fathers and sons]. SPb., Nauka, 2008. 620 p.
6. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 28 t. T. 12 [Complete works and letters: in 28 vol. Vol. 12]. M., Izd-vo AN SSSR, 1966.
7. Aydın S.Ö. XIX. Yüzyıl Rus Edebiyatı Üzerine Yazılar. İstanbul. Evrensel Basım Yayın. 1994. 176 S.
8. Behramoğlu A. Rus Edebiyatı Yazıları. İstanbul. Tekin yayınevi. 2012. İstanbul. 272 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Камил Фурат – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: furat.kamil@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Furat Kamil – post-graduate student of Russian Classical Literature, Moscow State Region University;
e-mail: furat.kamil@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фурат К. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в исследовательской концепции В.М. Марковича // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 127-133.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-127-133

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Furat K. The novel 'Fathers and Sons' by I. Turgenev in the works and critics of V. Markovich // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 127-133.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-127-133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-134-137

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ»

Маркова Е.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «THE SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS IN DIFFERENT TYPES OF SPEECH»

E. Markova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

27-28-го мая 2016 г. в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского проходила конференция «Семантика языковых единиц в разных типах речи», приуроченная к 1006-ой годовщине образования г. Ярославля.

Участников конференции приветствовали проректор по научной работе университета доц. Ходырев А.М., зав. кафедрой русского языка проф. Лагузова Е.Н. Интересными и содержательными были доклады пленарного заседания, посвящённые разным аспектам семантики языковых единиц. Открыл пленарное заседание зав. кафедрой современного русского языка МГОУ, Заслуженный деятель науки РФ, проф. П.А. Лекант, доклад которого был посвящён имени *раз* и его образному потенциалу. В своём выступлении автор обратил внимание слушателей на многообразие значений и функций этого слова, иллюстрируя его интересными примерами их произведений русской литературы. Известный специалист в области аксиологии, зав. кафедрой русского языка и стилистики Московского государственного университета печати, заслуженный работник высшей школы, проф. Т.В. Маркелова выступила с докладом «Оценочная семантика как область сопряжения языковой и медийной картин мира», в которой рассмотрела аксиологический характер современной картины мира, на формирование которой большое влияние оказывает медийная картина мира, играющая роль посредника между реальной действительностью и носителями языка. Проблеме соотношения синтаксического времени и вопросительности посвятила свой

© Е. М. Маркова, 2016.

доклад профессор кафедры современного русского языка МГОУ Т.Е. Шаповалова, а профессор той же кафедры В.В. Леденёва, крупный специалист по языку Н.С. Лескова рассказала о когнитивном и стилистическом аспектах слова *время* в контексте писем писателя 90-х годов XIX в. Продолжила разговор об особенностях художественного повествования в аспекте исследования трансформаций и функционирования фразеологизмов в русской прозе XIX-XX вв. профессор кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета М.А. Фокина. В заключение профессор кафедры РКИ и культуры речи МГОУ, профессор кафедры университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве (Словакия) Е.М. Маркова выступила с докладом, освещающим деривационные тенденции развития русского языка на фоне других славянских языков, в котором выделила универсальное, типологическое и специфическое, национально особенное в словотворчестве в наши дни.

Работа конференции была организована по пяти направлениям: «Семантика и прагматика высказывания», «Семантика слова в художественном тексте», «Семантика слова и фразеологизма в разных типах речи», «Активные процессы в современном русском языке», «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения языковых единиц». В конференции приняла участие большая группа преподавателей, аспирантов и магистрантов Московского государственного областного университета: помимо названных выше, д. ф. н., проф. Н.А. Герасименко, д. ф. н., доц. А.В. Канафьева, к. ф. н., доц. Ю.В. Коренева, ст. преп. О.В. Ряховская,

аспирант Н.Г. Долгова, магистрант Е.В. Бринюк. Были представлены и другие крупные университеты России: Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Белгорода, Вятки, Орла – и зарубежья: Туниса, Венгрии, Словакии.

В 1-ой секции поднимались вопросы значения и функционирования синтаксических единиц: с особенностями риторического высказывания (в докладах А.В. Канафьевой, Н.Г. Долговой), с актуальными процессами в русском сказуемом (Н.А. Герасименко), с проблемой разграничения наречий (М.В. Сандакова), с формой и семантикой синтаксических фразеологизмов (А.П. Ушакова), с императивными конструкциями в текстах Евангелия (О.В. Ряховская).

В секции, проблематика которой была связана с семантикой слова в художественном тексте, были заслушаны и обсуждены доклады, касающиеся смысловых доминант, ключевых слов и слов-концептов в художественном нарративе (доклады М.В. Дегтярёвой, Ю.В. Кореневой, А.А. Дмитриевой, Е.Н. Ельцовой, Т.П. Ковиной, О.А. Лебедевой, О.А. Титова), языковой личности писателя (М.В. Петрушина) и других важных проблем смысловой организации текста.

Доклады, представленные в секции «Семантика слова и фразеологизма в разных типах речи», были посвящены актуальным вопросам семантики окказионализмов (Л.В. Алёшина), смысловой наполненности и символическому значению отдельных слов и ЛСГ (Е.П. Волкова, С.Е. Любимова, С.В. Масленников, М.А. Хлупина, Е.Ю. Четверикова), фразеологическим трансформациям и их смысловым модификациям (И.Ю. Третьякова).

В рамках секции 4 обсуждались активные процессы в современном русском языке, в частности прагматическая составляющая языка жанров электронного дискурса и СМИ (доклады Л.Г. Антоновой, Е.И. Бегловой, С.К. Болотовой, Р.В. Разумова, Л.В. Рацибурской, С.А. Чельшева), словообразовательные тенденции в современном русском языке (доклады Н.А. Быковой, М.В. Пидченко, Л.И. Плотниковой), проблема заимствований (доклад Е.Н. Лагузовой), тенденции в разных типах дискурса (доклады С.В. Рябушкиной, Л.В. Уховой).

Не были обойдены вниманием на конференции также национально-культурный и когнитивный аспекты языковых единиц (доклады Л.В. Калининой, А.А. Талицкой, М.В. Шамановой), вопросы их сопоставительного описания (доклады О.С. Егоровой, Я.Г. Мельника, О.Н. Эль-Амари) и изучения в иностранной аудитории (в докладах И.В. Борисенко, Е.В. Бринюк, Е.В. Ермаковой, О.Е. Михайловой, Ю.Д. Поляковой).

Доклады, прозвучавшие на конференции, будут опубликованы в

сборнике материалов конференции, издание которого планируется в сентябре-октябре.

Участникам конференции была предложена интереснейшая культурная программа, знакомящая с достопримечательностями древнего города Ярославля: экскурсия по городу, которая дала возможность увидеть историческую часть Ярославля, экскурсия в музей-усадьбу Н.А. Некрасова «Карабиху», экскурсия в Толгский женский монастырь – райский уголок с многочисленными святынями в пригороде Ярославля.

На заключительном пленарном заседании руководители секций высказали общее мнение, что конференция прошла на высоком научном уровне, тематика всех докладов отвечала теме конференции, а дискуссии подтвердили их актуальность. Все участники выразили огромную благодарность организаторам конференции во главе с д. ф. н., проф. Е.Н. Лагузовой за прекрасную организацию конференции и надежду на регулярность этих конференций на славной ярославской земле.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры РКИ и культуры речи Московского государственного областного университета, профессор кафедры университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве.
e-mail: Elena-m-m@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Elena - doctor of philological sciences, professor of the Department of Russian as a Foreign Language and culture of speech in Moscow State Regional University;
e-mail: Elena-m-m@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Маркова Е.М. Международная научная конференция «Семантика языковых единиц в разных типах речи» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 134-137.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-134-137

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Markova E. International Scientific Conference «The semantics of language units in different types of speech» // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 3. pp. 134-137.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-134-137

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-138-140

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА КАФЕДРЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ***В.Н. Аношкина, Т.К. Батунова****Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация***ROUNDTABLE AT THE DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE*****V. Anoshkina, T. Baturova****Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

14 апреля 2016 года на кафедре русской классической литературы состоялось заседание за круглым столом на тему: «Газета «Русь» 1880-1886 годов – славянофильское издание; итоги исследования, планы дальнейшей работы». Руководитель работы по гранту РГНФ проф. В.Н. Аношкина поздравила участников с завершением исследования и поблагодарила фонд за одобрение и утверждение отчёта о нашей трёхлетней обширной деятельности, новаторской по своей сути. Еженедельная газета не подвергалась до сих пор широкому фронтальному изучению во всех гранях своего разностороннего освещения русской жизни последней трети XIX века. Было отмечено единение с учёными из фонда в понимании славянофильской основы газеты, идейных позиций её редактора и издателя И.С. Аксакова, талантливого публициста, выдающегося политического мыслителя, безусловно честного человека. В.Н. Аношкина говорила о соотношении понятий «славянофильство» и «панславизм», о недопустимости ошибочного возведения последнего к слову «панство» (господство над «холопами»); «пан» – греческое слово *παν* – «все». Имеется в виду: «панславизм» – славянское всесогласие, взаимопонимание, сближение, единение. И.С. Аксаков и его тесте-единомышленник поэт Ф.И. Тютчев подчёркивали, что главное не единение «по крови», биологической природе, а скорее – духовное, но религиозные основы славянских народов были тоже разные. Главное и очевидно-убедительное – это единение на словесной основе. Тютчев провозглашал: «Учило нынче нас Евангельское Слово в своей священной простоте...» В русской летописи слова «народы», «племена» отождествлялись со словом «языцы». Народы больше всего и явно отличаются друг от друга, а также и сближаются друг с другом по своему языку, речи как средству общения. И наши фронтовики, участники Великой отечественной войны рассказывали, как наши солдаты, оказавшись в славянских землях, уже на второй день понимали друг друга с местными жителями, радовались, удивлялись, обнимались, разучивали родственные слова и песни с мелодиями, которые тоже нравились. Газета помнила: «Вначале было Слово...»

© В.Н. Аношкина, Т.К. Батунова, 2016.

Родство славян словесно ощутимо; в 80-х годах живо помнился Славянский съезд 1867 года, которому поэт послал: «Привет вам задушевный, братья!..», «Славянский мир, сплотись тесней!» Не менее важно в газете понимание роли России в идеологии славянофильства. Отнюдь не подразумевалось «поглощение», какое-либо подавление родственных народов. И.С. Аксаков писал, что Россия претендует на **уважение** к великой державе не только по своей территории, но и своему историческому, культурному опыту, также и в государственном строительстве.

Газета содействовала авторитету России за рубежом. Профессор, доктор исторических наук А.Г. Задохин в своём выступлении разъяснял позиции авторов-публицистов газеты в освещении событий на Балканах, развивавшихся в рамках социальных процессов, происходящих в Европе с начала XIX века, выяснял истоки «панславистской доктрины», а прежде всего проблемы национальных интересов России. Кандидат исторических наук Б.В. Коптелов говорил о славянофильстве не столько как об учении, но как о важности осмысления реальности событий жизни разных славянских народов, воплощавших в себе их единение. Кандидат филологических наук Э.В. Захаров познакомил со своими задачами изучения идейных позиций Ю.Ф. Самарина, друга И.С. Аксакова, их мировоззренческих связей, а также роли в газете брата публициста, Дмитрия Самарина, последнего редактора и издателя «Руси» в 1886 году. Профессор доктор филологических наук Т.К. Батунова поделилась размышлениями о духовно-религиозной основе русского общества, 1880-х годов, о роли церкви, о русской святости, выдающем-

ся значении личности Святого Иоанна Кронштадтского.

Доктор филологических наук профессор из Рязанского университета в присланном отчёте сообщила о завершении работы над комментариями и о своих статьях, готовых к публикации: «Газета И.С. Аксакова «Русь» о православной духовности как основе народного просвещения в России» и «Педагог С.А. Рачинский и его народные школы». Она подготовила для конкурса лучшие студенческие работы о газете «Русь», которые заняли почётные места и получили рекомендации к опубликованию; готовится и кандидатская диссертация о газете под её руководством. Выпускник МГОУ, ассистент-аспирант К. Макиенко поведал о планах и начале изучения газ. «Русь» её публикаций о литературоведческой методологии и литературной критике. Доктор филологических наук из ИМЛИ РАН И.Б. Павлова акцентировала внимание на дальнейших задачах исследователей газеты – на подготовке трудов к публикации, отделке комментариев, предлагая ориентироваться в стилистике на образцовые комментарии полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 томах (СПб, «Наука», 2013).

Участвующие в заседании кандидат филологических наук Ю.Н. Сытина и Е.А. Давыдова, помогающие в организационных делах исследования газеты, побуждали к решению дальнейших задач нашей деятельности: чёткости планирования работы, соблюдению сроков помещения комментариев на сайте МГОУ, сроков оформления текста монографии, подготовки её к печати.

За круглым столом состоялся деловой разговор об итогах большого исследования и его дальнейшем оформлении.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аношкина Вера Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

Батурова Татьяна Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;

e-mail: baturova.t@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anoshkina Vera – doctor of philological sciences, professor of the Department of The Russian Classical Literature in Moscow State Regional University

e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

Baturova Tatyana - doctor of philological sciences, professor of the Department of The Russian Classical Literature in Moscow State Regional University

e-mail: baturova.t@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Аношкина В.Н., Батурова Т.К. Круглый стол на кафедре русской классической литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 138-140.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-138-140

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Anoshkina V., Baturova T. Roundtable at the Department of The Russian classical literature // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 3. pp. 138-140.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-138-140

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-141-144

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ЛЕДЕНЁВОЙ «СЛОВО ЛЕСКОВА»

Федорченко Е.А.

Российская таможенная академия

140009, Московская область, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4

REVIEW ON V. LEDENEVA'S MONOGRAPH «LESKOV'S WORD»

E. Fedorechenko

Russian Customs Academy

140009, Moscow Region, Lyubertsy, Komsomol prospekt, 4

Монография Валентины Васильевны Леденёвой, одного из ведущих современных исследователей языка произведений Н.С. Лескова, предстает как итог многолетних лингвопоэтических наблюдений, поисков и размышлений учёного, посвящённых жизни слова в контексте произведений выдающегося писателя, литературное наследие которого составляет золотой фонд русской классики. Слово Лескова, рассматриваемое в масштабах лесковского гипертекста периода 90-х годов XIX века, позволяет увидеть не только непревзойдённого мастера русского слова, но и национального философа, знатока глубин народной жизни. Слово как реализованная единица идиолекта Н.С. Лескова отражает не только определённый фрагмент языковой картины мира, но и отношение к нему, являет собой духовные искания этой выдающейся личности.

Профессором В.В. Леденёвой представлено глубокое, полиаспектное описание слова Лескова как идиолектемы, принимаемой учёным в качестве манифестанта авторских интенций и определяемой в качестве основания для формирования констант в идиолекте писателя. Работа демонстрирует решение широкого спектра вопросов: описание художественно реализованного лексико-семантического варианта слова с учётом контекстуальных трансформаций семантики в зависимости от заданных автором стилистических функций слова; представление аксиологического потенциала лексических единиц (с учётом изменений оценочных коннотаций, отражающих черты языковой личности автора); изучение слова как единицы авторской концептосферы и средства репрезентации концептуального содержания, актуального для Н.С.Лескова как языковой личности.

Первая глава «Н.С. Лесков – писатель поистине русский» посвящается анализу лексических единиц *Россия, русский, язык, слово*, а также других единиц идиолекта, используя которые писатель воссоздаёт в своих текстах русский ко-

© Е.А.Федорченко, 2016.

лорит, огромную сложную картину русской действительности определённой эпохи, представленную с позиций личностных ценностей носителя национальной культуры. Автор монографии подчёркивает, что без слова *русский* не представляется возможным раскрыть особенности творческой индивидуальности писателя. В имени *Россия*, не употребляемом частотно, но концептуально значимом, актуализируются не только этнокультурные компоненты, указывающие на глубокое знание Н.С. Лесковым традиций, устоев жизни разных слоёв населения. Тонкий анализ коннотаций, формируемых контекстом, демонстрирует экспликацию глубоко личного, социально мотивированного отношения, реализацию смыслов, включённых в прагматический компонент как часть концептуального содержания, стоящего за именем *Россия*, – «‘потребность преодоления,’ следовательно, ‘необходимость для жизни в стране сил духовных и нравственных’» [с. 20].

В опубликованных письмах 90-х годов собственных положительных или отрицательных высказываний Н.С. Лескова о *России* не было выявлено. Вместе с тем, представленный исследователем материал и комментарий к нему предопределяют выводы о том, что слова *Россия* и *русский* в эпистолярных текстах писателя наполнены сложными ассоциациями, передают амбивалентные оценки всего *русского* передовой личностью, чуткой к жизни *коренной России* [с. 20-25].

Анализ семантики и синтагматики слов *язык* и *слово* предворяют глубокие теоретические рассуждения о способах демонстрации авторской интенции: творческое отношение к воз-

можностям синтагматики лексических единиц (создание оригинальных синтагм), изменение семантики слова в контексте, создание окказионализмов, обогащающих идиолект писателя как частную систему.

Изучение социального пространства текстов Н.С. Лескова позволяет В.В. Леденёвой получить интересные данные о языковой личности писателя, предметом пристального внимания которого всю творческую жизнь оставался *человек в его отношении к обществу*.

Вторая глава «*Вехи ментального и духовного пространства эпистолярных текстов Н.С. Лескова*», самая значительная по объёму, представляет анализ лексики, отражающей воззрения писателя на религию, его отношение к вере и церкви, его духовные искания, воплощающие понимание таких духовно-нравственных категорий, как *добро, долг, совесть, честь, свобода*. Писатель напряжённо размышляет о вечном, о содержании и смысле жизни, о смерти как переходе в иной мир. Особое внимание автор монографии обращает к переписке Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым, в которой получают яркое отражение поиски истины и добра языковой личностью русского интеллигента и христианина.

Исследователь анализирует гнездо слов с корнем -бог- (*Бог, боголюбезный, богомол, богословие* и др.), а также фразеологизмы, включающие слово *бог*, демонстрируя различные типы коннотаций, возникающие в контексте. Учёный приходит к выводу, что «использованное Н.С. Лесковым слово *Бог* отражает народно-философскую и народно-поэтическую часть содержания концепта русской культуры “Бог”»

[с. 54]. Реализация лексической единицы в определённых синтагматических связях актуализирует определённую часть понятия, закреплённого за языковым знаком, и объём этого понятия индивидуально преломляется в МЛК языковой личности.

Интерес литератора к проблеме сущности религиозного сознания, стремление понять взаимосвязь вселенского и национального в христианстве актуализирует функционирование в текстах писателя определённой лексики. Выполненный В.В. Леденевой полиаспектный анализ употребления в текстах Н.С. Лескова слов *вера; ересь, еретик, ересиарх* даёт возможность определить их смысловое наполнение как единиц идиолекта автора. В идиолекте писателя к лексико-семантическому полю «Духовная жизнь» в качестве единиц, обладающих особой значимостью, относятся и так называемые «светлые слова», слова с корнем *-добр-*, слова – индикаторы нравственной позиции.

В третьей главе «*Творческая деятельность в оценке словом Н.С. Лескова*», посвящённой лексике, связанной с трудом писателя, в отдельных параграфах рассматриваются: семантика и прагматика слова *писатель*; синтагматика, прагматика, стилистика слова *читатель*; слово *художник*; слова *труд* и *работа*.

Анализируя конкорданс слова *писатель*, В.В. Леденёва убедительно демонстрирует связь когнитивных представлений, отражённых в МЛК языковой личности Н.С. Лескова посредством лексемы *писатель*, с системой нравственных, этических, профессиональных оценок и ассоциаций, выраженных с помощью единиц

предикатной лексики. Расширению прагматического потенциала слова *писатель* способствуют имена прилагательные различных лексико-семантических групп, используемые автором в атрибутивной функции. Таким образом на страницах монографии прорисовывается лесковский обобщённый «портрет» писателя. *Читатель*, представленный Н.С. Лесковым, – интеллектуально развитая личность, достойная писателя.

Четвертая глава «*Сила коннотации, или жизнь слова в контекстах Н.С. Лескова*» посвящается исследованию разноплановых коннотативных значений слова, обуславливающих характер воздействия слова как единицы идиолекта. На примере употребления слова *ангел* представлены излюбленные писателем приёмы, позволяющие увеличить смысловую плотность текста и семантический объём конкретной единицы. Вариативные коннотации единиц ЛСГ «Семья» как следствие определённых интенций автора индивидуализируют характеристики языковой личности и обогащают идиостиль писателя.

Особого внимания читателя заслуживает §5 *Разговорное слово и дань признательности (О неопубликованных посланиях В.С. Соловьёву)*. Глубокое и бережное прочтение В.В. Леденёвой писем Н.С. Лескова философу и поэту В.С. Соловьёву, представленные учёным комментарием сопровождается лингвистический анализ используемых здесь языковых средств. Реализуемый принцип «разностильности» как константа идиостиля Н.С. Лескова, специфическая синтагматика слова способствуют созданию дополнительных смыслов, «передаче гаммы тонких межличностных отношений».

Пятая глава «*Ономастическая составляющая идиолекста Н.С.Лескова*» посвящается изучению значимых для Н.С. Лескова и прецедентных для русской культуры имён *Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета*. Наблюдения над прецедентным именем способствуют пониманию интенции автора, выявляют его прагматические установки. В идиостиле Н.С. Лескова приём введения значимого имени в художественный текст помогает раскрыть внутренний мир героя.

Семантически ёмкое, многомерное поэтическое слово Н.С. Лескова

(отобранная единица узуса или продукт словотворческой деятельности) является средством реализации определённого идейно-эстетического содержания, верализатором единиц копцептосферы выдающегося русского писателя. Посвящённый этому феномену научный труд В.В. Леденёвой представляется весомым вкладом в развитие лесковедения в России и за рубежом, авторской лексикографии, теории идиолекста и идиостиля и, несомненно, будет способствовать успешному решению многих дискуссионных вопросов современной науки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российской таможенной академии;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedorechenko Evgenia – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Foreign Languages in Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Федорченко Е.А. Рецензия на монографию В.В. Леденевой «Слово Лескова» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 141-144.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-141-144

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Fedorechenko E. Review on V. Ledeneva's Monograph «Leskov's word» // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 3. pp. 141-144.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-141-144

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-145-147

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П.А. ЛЕКАНТА «АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ» (МОСКВА: МГОУ, 2015)

Орехова Е.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

REVIEW OF THE P. LEKANT'S MONOGRAPH «ANALYTICAL FORMS AND ANALYTIC STRUCTURES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE» (MOSCOW: MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY, 2015)

E. Orekhova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Актуальность рецензируемой научной монографии обусловлена интересом современной лингвистики к проблемам аналитизма в русской грамматической системе, экспансии аналитических форм и аналитических конструкций, серьёзном расширении круга формальных слов.

Автор предлагаемой работы сосредоточил своё внимание не только на аналитических и грамматических формах, но также грамматических конструкциях, особое внимание уделив аналитической части речи – предикативу. Комплексное описание формы предикатива, его семантики и функций в главе 1 открывает монографию. Обоснование его статуса как особой части речи русского языка имеет принципиальное значение для автора данного труда. «Новизна проблемы предикатива состоит в том, что он сложился и оформился окончательно в современной системе частей речи, оригинально выстроенной и описанной в грамматическом учении В.В. Виноградова», – замечает исследователь на с. 8. Очень чётко представлены в данном разделе категориальные свойства предикатива, среди которых семантика состояния, предикативная позиция, аналитическая форма (включает связку *быть*), категории наклонения, времени, лица. Показано структурное и лексическое многообразие категории предикатива, её гибридный характер в современном русском языке, описаны функции предикативов как знаков субъективности и экспрессии в художественном тексте.

Глава 2 посвящена рассмотрению аналитизма в именных частях речи: существительном, прилагательном, местоимении, числительном. В фокусе внимания автора – проблемы употребления предложно-падежной формы существительного, парадигматика «имён времени» (аналитические предложно-падежные

формы существительных с темпоральным значением в структуре словосочетания и предложения), аналитические формы степеней сравнения, количественно-именные словосочетания, аналитические местоимённые образования. В последних автор отмечает значительный рост аналитизма за счёт производных частиц и экспрессивных фразеологизированных образований. По мнению П.А. Леканта, «местоимения – это универсальный инструмент говорящего. Средства аналитизма придают этому инструменту еще более изощренную настройку, пополняют арсенал образности» (с. 38).

Объектом внимания в главе 3 избрана субъективная категория интенсива. П.А. Лекант стремится к пониманию интенсификации как особой функции словесного знака, связанной с усилением, выделением, полнотой, градацией, обобщением, экспрессией, субъективностью и пр. Отсюда становится возможным включение в данную категорию различных по морфологической природе слов – от наречий степени до усилительных частиц. В числе последних – прономинальные частицы *как, так, какой, такой*. Для исследователя важно подчеркнуть, что общие черты этих местоимённых интенсификаторов (незнаменательность, указание на полноту, градацию, субъективность) реализуются только в сочетании с полнозначными словами. По его мнению, «аналитические формы интенсива представляют парадигму семантико-прагматической категории интенсива в пространстве полнозначных лексических единиц всех частей речи современного русского языка. Интенсив предопределяет колоссальный потенциал субъективности и экс-

прессии в русской речи, который реализуется как в спонтанной речевой стихии, так и в обдуманной, отшлифованной художественной речи» (с. 50).

Логичным представляется переход к проблеме аналитизма в сфере формальных слов (предлогов, союзов, частиц, междометий) в главе 4 и к аналитическим предикативным формам предложения (морфолого-синтаксическим и синтаксическим) в главе 5.

Таким образом, структуру предлагаемой монографии можно оценить как продуманную, стройную, последовательно раскрывающую проблему аналитизма на различных уровнях языка.

Методология исследования отвечает поставленной цели и задачам, обширная библиография свидетельствует о его серьёзной научной базе, анализ богатого, разнообразного, яркого языкового материала убеждает в правильности сделанных выводов.

Заслуживает особого одобрения стремление автора рассматривать сложные грамматические явления в аспекте их использования художниками слова, их функционирования в художественном тексте как знаков субъективности, экспрессивности, оценочности. Особенно ярко такой подход проявляет себя в главе 3 исследования, посвящённой категории интенсива. Данную главу и монографию в целом характеризует стремление автора вскрывать наиболее трудные грамматические вопросы, находить решения наболевших научных проблем.

Особого внимания заслуживает язык рецензируемой монографии. С одной стороны, он, безусловно, научный, включает необходимую терминологию по теме, точный, с другой –

характеризуется яркой образностью, метафоричностью, стремлением уйти от сухого изложения научных фактов, что в целом характеризует слог П.А. Леканта как учёного-лингвиста. Именно поэтому на страницах книги оказались «три богатыря» – частицы *не, бы, ли*; «частицы-тяжеловесы»; частицы, «которые буквально ломаются и рвутся»

в грамматику. Образно охарактеризованы формы интенсива, которые, «как маячки, вспыхивают в плавном или бурном течении поэтического текста».

В заключение отметим безусловную ценность и актуальность представленной работы не только для специалистов в области грамматики и текста, но и лингвистического сообщества в целом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка МГОУ;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Orekhova Elena – doctor of philological sciences, associate professor of the Department of the Modern Russian Language in Moscow State Regional University;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Орехова Е.Н. Рецензия на монографию П.А. Леканта «Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке» (Москва: МГОУ, 2015) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 145-147.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-145-147

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Orekhova E.N. Review of the P. Lekant's monograph «Analytical forms and analytic structures in the modern Russian language» (Moscow: Moscow State Regional University, 2015) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 3. pp. 145-147.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-145-147

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2016. N 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 9,25.

Подписано в печать: 24.06.2016. Дата выхода в свет: 06.07.2016. Заказ № 2016/06-09.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А